

Иван Тургенев

Месяц в деревне

Иван Тургенев

Месяц в деревне

«Public Domain»

1850

Тургенев И. С.

Месяц в деревне / И. С. Тургенев — «Public Domain», 1850

Как драматическое произведение пьеса всеми газетами была названа «скучной», или даже «скучнейшей», и несценичной, хотя в то же время признавались ее высокие литературные достоинства. «„Месяц в деревне“ нельзя даже назвать комедией – это просто диалогированная повесть; отсутствие драматической жилки бросается здесь в глаза на каждом шагу, так же как и блестящие достоинства романиста-художника». В то же время отмечалось, что своеобразие комедии Тургенева потребовало от актеров новых приемов игры. «Здесь всё зависит от актера. Не доиграй актер или переиграй – пиши пропало. Воплотить в себе и разрешить сложную психологическую задачу – вот что задает И. С. Тургенев нашей современной драматической труппе. Страшно за актеров, которые вдруг окажутся вполне бессильными совладать со сложной психологической задачей». «Это замечательно тонкий психологический этюд, требующий от актеров большого художественного чутья и известного художественного уровня».

© Тургенев И. С., 1850

© Public Domain, 1850

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Действие второе	18
Действие третье	32
Действие четвертое	46
Действие пятое	57
Примечания	69
Источники текста	69
Условные сокращения	84
Комментарии	

Иван Сергеевич Тургенев

Месяц в деревне

Комедия в пяти действиях

Действующие лица

Аркадий Сергеич **Ислаев**, богатый помещик, 36 лет.

Наталья Петровна, жена его, 29 лет.

Коля, сын их, 10 лет.

Верочка, воспитанница, 17 лет.

Анна Семеновна Ислаева, мать Ислаева, 58 лет.

Лизавета Богдановна, компаньонка, 37 лет.

Шааф, немец-гувернер, 45 лет.

Михайла Александрович **Ракитин**, друг дома, 30 лет.

Алексей Николаевич **Беляев**, студент, учитель Коли, 21 года.

Афанасий Иванович **Большинцов**, сосед, 48 лет.

Игнатий Ильич **Шпигельский**, доктор, 40 лет.

Матвей, слуга, 40 лет.

Катя, служанка, 20 лет.

Действие происходит в имении Ислаева, в начале сороковых годов. Между 1 и 2, 2 и 3, 4 и 5 действиями проходит по дню.

Действие первое

Театр представляет гостиную. Направо карточный стол и дверь в кабинет; прямо дверь в залу; налево два окна и круглый стол. По углам диваны. За карточным столом Анна Семеновна, Лизавета Богдановна и Шааф играют в преферанс; у круглого стола сидят Наталья Петровна и Ракитин. Наталья Петровна вышивает по канве, у Ракитина в руках книга. Стенные часы показывают три часа.

Шааф. Ф червёх.

Анна Семеновна. Опять? Да ты нас, батюшка, эдак совсем заиграешь.

Шааф (*Флегматически*). Фоземь ф червёх.

Анна Семеновна (*Лизавете Богдановне*). Каков! С ним играть нельзя. (*Лизавета Богдановна улыбается.*)

Наталья Петровна (*Ракитину*). Что ж вы перестали? Читайте.

Ракитин (*медленно поднимая книгу*). «Monte-Cristo se redressa haletant...»¹ Наталья Петровна, вас это занимает?

Наталья Петровна. Нисколько.

Ракитин. Для чего же мы читаем?

Наталья Петровна. А вот для чего. На днях мне одна дама говорила: «Вы не читали „Монте-Кристо“?»^[1] Ах, прочтите – это прелесть». Я ничего ей не отвечала тогда, а теперь могу ей сказать, что читала и никакой прелести не нашла.

Ракитин. Ну да если вы теперь уже успели убедиться...

Наталья Петровна. Ах, какой вы ленивый!

Ракитин. Я готов, помилуйте... (*Отыскав место, где остановился.*) Se redressa haletant, et...

Наталья Петровна (*сама перебивая его*). Видели вы Аркадия сегодня?

Ракитин. Я с ним встретился на плотине... Ее у вас чинят. Он объяснял что-то рабочим и, для большей ясности, вошел в песок по колена.

Наталья Петровна. Он за всё принимается с слишком большим жаром... слишком старается. Это недостаток. Как вы думаете?

Ракитин. Я с вами согласен.

Наталья Петровна. Как это скучно!.. Вы всегда со мною согласны. Читайте.

Ракитин. А! стало быть, вы хотите, чтобы я с вами спорил... Извольте.

Наталья Петровна. Я хочу... Я хочу!.. Я хочу, чтоб вы хотели... Читайте, говорят вам.

Ракитин. Слушаю-с. (*Опять принимается за книгу.*)

Шааф. Ф червёх.

Анна Семеновна. Как? опять? Это нестерпимо! (*Наталье Петровне.*) Наташа... Наташа...

Наталья Петровна. Что?

Анна Семеновна. Вообрази себе, Шааф нас совсем заиграл... То и дело семь, восемь, в червях.

Шааф. И деберь зем.

Анна Семеновна. Слышишь? Это ужасно.

Наталья Петровна. Да... ужасно.

Анна Семеновна. Так вист же! (*Наталье Петровне.*) А где Коля?

Наталья Петровна. Он ушел гулять с новым учителем.

¹ «Монте-Кристо вскочил, прерывисто дыша...» (*франц.*)

Анна Семеновна. А! Лизавета Богдановна, я вас приглашаю.

Ракитин (*Наталье Петровне*). С каким учителем?

Наталья Петровна. Ах, да! Я вам и забыла сказать... мы без вас нового учителя наняли.

Ракитин. На место Дюфура?

Наталья Петровна. Нет... Русского учителя. француза нам княгиня из Москвы прислет.

Ракитин. Что он за человек, этот русский? старый?

Наталья Петровна. Нет, молодой... Мы его, впрочем, только на летние месяцы взяли.

Ракитин. А! на кондицию.

Наталья Петровна. Да, это у них, кажется, так называется. И знаете ли что, Ракитин? Вы вот любите наблюдать людей, разбирать их, копать в них...

Ракитин. Помилуйте, с чего вы...

Наталья Петровна. Ну да, да... Обратите-ка на него ваше внимание. Мне он нравится. Худой, стройный, веселый взгляд, смелое выражение... Вы увидите. Он, правда, довольно неловок... а для вас это беда.

Ракитин. Наталья Петровна, вы меня сегодня ужасно преследуете.

Наталья Петровна. Кроме шуток, обратите на него внимание. Мне кажется, из него может выйти человек славный. А впрочем, бог знает!

Ракитин. Вы возбуждаете мое любопытство...

Наталья Петровна. В самом деле? (*Задумчиво.*) Читайте.

Ракитин. *Se redressa haletant, et...*

Наталья Петровна (*вдруг оглядываясь*). А где Вера? Я ее с утра не видала. (*С улыбкой Ракитину.*) Бросьте эту книгу... Я вижу, нам сегодня читать не удастся... Расскажите мне лучше что-нибудь...

Ракитин. Извольте... Что ж мне вам рассказать... Вы знаете, я несколько дней провел у Криницыных... Вообразите, наши молодые уже скучают.

Наталья Петровна. Почему вы это могли заметить?

Ракитин. Да разве скуку можно скрыть? Всё другое можно... но скуку нет.

Наталья Петровна (*поглядев на него*). А другое всё можно?

Ракитин (*помолчав немного*). Я думаю.

Наталья Петровна (*опустив глаза*). Так что ж вы делали у Криницыных?

Ракитин. Ничего. Скучать с друзьями – ужасная вещь: вам ловко, вы не стеснены, вы их любите, злиться вам не на что, а скука вас всё-таки томит, и сердце глупо ноет, словно голодное.

Наталья Петровна. Вам, должно быть, часто с друзьями скучно бывает.

Ракитин. Как будто и вы не знаете, что значит присутствие человека, которого любишь и который надоедает!

Наталья Петровна (*медленно*). Которого любишь... это великое слово. Вы что-то мудрено говорите.

Ракитин. Мудрено... почему же мудрено?

Наталья Петровна. Да, это ваш недостаток. Знаете ли что, Ракитин: вы, конечно, очень умны, но... (*останавливаясь*) иногда мы с вами разговариваем, точно кружево плетем... А вы видали, как кружево плетут? В душевных комнатах, не двигаясь с места... Кружево – прекрасная вещь, но поток свежей воды в жаркий день гораздо лучше.

Ракитин. Наталья Петровна, вы сегодня...

Наталья Петровна. Что?

Ракитин. Вы сегодня на меня за что-то сердитесь.

Наталья Петровна. О, тонкие люди, как вы мало проницательны, хотя и тонки!.. Нет, я на вас не сержусь.

Анна Семеновна. А! наконец обремизился! Попался! (*Наталье Петровне.*) Наташа, злодей наш поставил ремиз.

Шааф (*кисло*). Лисафет Богдановне финоват...

Лизавета Богдановна (*с сердцем*). Извините-с, я не могла знать, что у Анны Семеновны не было червей.

Шааф. Фперет я Лисафет Богдановне не приклашаю.

Анна Семеновна (*Шаафу*). Да чем же она виновата?

Шааф (*повторяет точно тем же голосом*). Фперет я Лисафет Богдановне не приклашаю.

Лизавета Богдановна. А мне что! Вот еще!..

Ракитин. Чем более я на вас гляжу, Наталья Петровна, тем более я не узнаю вашего лица сегодня.

Наталья Петровна (*с некоторым любопытством*). В самом деле?

Ракитин. Право. Я нахожу в вас какую-то перемену.

Наталья Петровна. Да?.. В таком случае сделайте одолжение... Вы ведь меня знаете – угадайте, в чем состоит эта перемена, что во мне такое произошло – а?

Ракитин. А вот погодите... (*Коля вдруг с шумом вбегает из залы прямо к Анне Семеновне.*)

Коля. Бабушка, бабушка! посмотри-ка, что у меня! (*Показывает ей лук и стрелы.*) Посмотри-ка!

Анна Семеновна. Покажи, душа моя... Ах, какой славный лук! кто тебе его сделал?

Коля. Вот он... он... (*Указывает на Беляева, который остановился у двери залы.*)

Анна Семеновна. А! да как он хорошо сделан...

Коля. Я уже стрелял из него в дерево, бабушка, И попал два раза... (*Прыгает.*)

Наталья Петровна. Покажи, Коля.

Коля (*бежит к ней и пока Наталья Петровна рассматривает лук*). Ах, тапан! как Алексей Николаич на деревья лазит! Он меня хочет выучить, и плавать тоже он меня выучит. Он меня всему, всему выучит! (*Прыгает.*)

Наталья Петровна (*Беляеву*). Я вам очень благодарна за ваше внимание к Коле...

Коля (*с жаром ее перебивая*). Я его очень люблю, тапан, очень!

Наталья Петровна (*глядя Колю по голове*). Он у меня немножко изнежен... Сделайте мне из него ловкого и проворного мальчика. (*Беляев кланяется.*)

Коля. Алексей Николаич, пойдемте в конюшню, отнесем Фавориту хлеба.

Беляев. Пойдемте.

Анна Семеновна (*Коле*). Поди сюда, поцелуй меня сперва...

Коля (*убегая*). После, бабушка, после! (*Убегает в залу; Беляев уходит за ним.*)

Анна Семеновна (*глядя вслед Коле*). Что за милый ребенок! (*К Шаафу и Лизавете Богдановне*) Не правда ли?

Лизавета Богдановна. Как же-с.

Шааф (*помолчав немного*). Я пасс.

Наталья Петровна (*с некоторой живостью Ракитину*). Ну, как он вам показался?

Ракитин. Кто?

Наталья Петровна (*помолчав*). Этот... русский учитель.

Ракитин. Ах, извините – я и забыл... Я так был занят вопросом, который вы мне задали... (*Наталья Петровна глядит на него с едва заметной усмешкой.*) Впрочем, его лицо... действительно... Да; у него хорошее лицо. Он мне нравится. Только, кажется, он очень застенчив.

Наталья Петровна. Да.

Ракитин (*глядя на нее*). Но всё-таки я не могу себе дать отчета...

Наталья Петровна. Что бы нам с вами позаняться им, Ракитин? Хотите? Окончимте его воспитание. Вот превосходный случай для степенных, рассудительных людей, каковы мы с вами! Ведь мы очень рассудительны, не правда ли?

Ракитин. Этот молодой человек вас занимает. Если б он это знал... его бы это польстило.

Наталья Петровна. О, поверьте, нисколько! О нем нельзя судить по тому, что... наш брат сделал бы на его месте. Ведь он нисколько на нас не похож, Ракитин. В том-то и беда, друг мой: мы самих себя изучаем с большим прилежанием и воображаем потом, что знаем людей.

Ракитин. Чужая душа – темный лес. Но к чему эти намеки... За что вы меня то и дело колете?

Наталья Петровна. Кого же колоть, коли не друзей... А вы мой друг... Вы это знаете. *(Жмет ему руку. Ракитин улыбается и светлеет.)* Вы мой старый друг.

Ракитин. Боюсь я только... как бы этот старый друг вам не приелся...

Наталья Петровна *(смеясь)*. Одни хорошие вещи приедаются.

Ракитин. Может быть... Только от этого им не легче.

Наталья Петровна. Полноте... *(Понизив голос)* Как будто вы не знаете... *ce que vous êtes pour moi*².

Ракитин. Наталья Петровна, вы играете со мной, как кошка с мышью... Но мышь не жалуется.

Наталья Петровна. О, бедный мышонок!

Анна Семеновна. Двадцать с вас, Адам Иваныч... Ага!

Шааф. Я фперет Лисафет Богдановне не приклашаю.

Матвей *(входит из залы и докладывает)*. Игнатий Ильич приехали-с.

Шпигельский *(входя по его следам)*. Об докторах не докладывают. *(Матвей уходит.)* Нижайшее мое почтение всему семейству. *(Подходит к Анне Семеновне к ручке.)* Здравствуйте, барыня. Чай, в выигрыше?

Анна Семеновна. Какое в выигрыше! Насилу отыгралась... И то слава богу! Всё вот этот злодей. *(Указывая на Шаафа.)*

Шпигельский *(Шаафу)*. Адам Иваныч, с дамами-то! это нехорошо... Я вас не узнаю.

Шааф *(ворча сквозь зубы)*. 3-дамами, 3-дамами...

Шпигельский *(подходит к круглому столу налево)*. Здравствуйте, Наталья Петровна! Здравствуйте, Михайло Александрыч!

Наталья Петровна. Здравствуйте, доктор. Как вы поживаете?

Шпигельский. Мне этот вопрос очень нравится... Значит, вы здоровы. Что со мною делается? Порядочный доктор никогда болен не бывает; разве вдруг возьмет да умрет... Ха-ха.

Наталья Петровна. Сядьте. Я здорова, точно... но я не в духе... А ведь это тоже нездоровье.

Шпигельский *(сидясь подле Натальи Петровны)*. А позвольте-ка ваш пульс... *(Щупает у ней пульс.)* Ох, уж эти мне нервы, нервы... Вы мало гуляете, Наталья Петровна... мало смеетесь... вот что... Михайло Александрыч, что вы смотрите? А впрочем, можно белые капли прописать.

Наталья Петровна. Я не прочь смеяться... *(С живостью.)* Да вот вы, доктор... у вас злой язык, я вас за это очень люблю и уважаю, право... расскажите мне что-нибудь смешное. Михайло Александрыч сегодня всё философствует.

Шпигельский *(украдкою поглядывая на Ракитина)*. А, видно, не одни нервы страдают, и желчь тоже немножко расходилась...

Наталья Петровна. Ну, и вы туда же! Наблюдайте сколько хотите, доктор, да только не вслух. Мы все знаем, что вы ужасно проницательны... Вы оба очень проницательны.

² что вы для меня *(франц.)*.

Шпигельский. Слушаю-с.

Наталья Петровна. Расскажите нам что-нибудь смешное.

Шпигельский. Слушаю-с. Вот не думал, не гадал – цап-царап, рассказывай... Позвольте табачку понюхать. (*Нюхает.*)

Наталья Петровна. Какие приготовления!

Шпигельский. Да ведь, матушка моя, Наталья Петровна, вы извольте сообразить: смешное смешному розь. Чтò для кого. Соседу вашему, например, господину Хлопушкину, стòбит только эдак палец показать, уж он и залился, и хрипит, и плачет... а ведь вы... Ну, однако, позвольте. Знаете ли вы Вереницына, Платона Васильевича?

Наталья Петровна. Кажется, знаю, или слыхала.

Шпигельский. У него еще сестра сумасшедшая. По-моему, они либо оба сумасшедшие, либо оба в здравом смысле; потому что между братом и сестрой решительно нет никакой разницы, но дело не в том. Судьба-с, везде судьба-с, и во всем судьба-с. У Вереницына дочь, зелененькая, знаете, такая, глазки бледненькие, носик красненький, зубки желтенькие, ну, словом, очень любезная девица; на фортепьянах играет и сюсюкает тоже, стало быть, всё в порядке. За ней двести душ да тетких полтора. Тетка-то еще жива и долго проживет, сумасшедшие все долго живут, да ведь всякому горю пособить можно. Подписала же она духовную в пользу племянницы, а накануне я ей собственноручно на голову холодную воду лил – и совершенно, впрочем, напрасно лил, потому что вылечить ее нет никакой возможности. Ну, стало быть, у Вереницына дочь, невеста не из последних. Начал он ее вывозить, стали женихи появляться, между прочими некто Перекузов, худосочный молодой человек, робкий, но с отличными правилами. Вот-с, понравился наш Перекузов отцу; понравился и дочери... Кажись, за чем бы дело стало? с богом, под венец! И действительно, всё шло прекрасно: господин Вереницын, Платон Васильич, уже начинал господина Перекузова по желудку эдак, знаете, хлопать и по плечу трепать, как вдруг откуда ни возьмись заезжий офицер, Ардалион Протобекасов! На бале у предводителя увидал Вереницынову дочь, протанцевал с ней три польки, сказал ей, должно быть, эдак закативши глаза: «О, как я несчастлив!» – барышня моя так разом и свихнулась. Слезы пошли, вздохи, охи... На Перекузова не глядят, с Перекузовым не говорят, от одного слова «свадьба» корчи делаются... Фу ты, господи боже мой, что за притча! Ну, думает Вереницын, коли Протобекасова, так Протобекасова. Благо же он человек тоже с состояньем. Приглашают Протобекасова, дескать, сделайте честь... Протобекасов делает честь; Протобекасов приезжает, волочит, влюбляется, наконец предлагает руку и сердце. Что ж вы думаете? Девица Вереницына тотчас с радостью соглашается? Как бы не так! Сохрани бог! Опять слезы, вздохи, припадки. Отец приходит в тупик. Что же, наконец? Чего надобно? А она что, вы думаете, ему отвечает? Я, дескать, батюшка, не знаю, кого люблю, того или этого. «Как?» – Ей-богу, не знаю, и уж лучше ни за кого не выйду, а люблю! С Вереницыным, разумеется, тотчас холера, женихи тоже не знают, что ж такое, наконец? а она всё на своем. Вот-с, извольте рассудить, какие чудеса у нас происходят!

Наталья Петровна. Я в этом ничего, удивительного не нахожу... Как будто нельзя двух людей разом любить?

Ракитин. А! вы думаете...

Наталья Петровна (*медленно*). Я думаю... а впрочем, не знаю... может быть, это доказывает только то, что ни того, ни другого не любишь.

Шпигельский (*нюхая табак и поглядывая то на Наталью Петровну, то на Ракитина*). Вот как-с, вот как-с...

Наталья Петровна (*с живостью Шпигельскому*). Ваш рассказ очень хорош, но вы всё-таки меня не рассмешили.

Шпигельский. Да, барыня вы моя, кто вас рассмешит теперь, помилуйте? Вам теперь не того нужно.

Наталья Петровна. Чего же мне нужно?

Шпигельский (*с притворно-смирненным видом*). А господь ведает!

Наталья Петровна. Ах, какой вы скучный, не лучше Ракитина.

Шпигельский. Много чести, помилуйте...

(*Наталья Петровна делает нетерпеливое движение.*)

Анна Семеновна, (*поднимаясь с места.*) Ну, наконец... (*Вздыхает.*) Ноги себе отсидела совсем. (*Лизавета Богдановна и Шааф тоже встают.*) О-ох.

Наталья Петровна (*встает и идет к ним*). Охота же вам так долго сидеть... (*Шпигельский и Ракитин встают.*)

Анна Семеновна (*Шаафу*). За тобою семь гривен, батюшка. (*Шааф сухо кланяется.*) Не всё тебе нас наказывать. (*Наталье Петровне.*) Ты сегодня как будто бледна, Наташа. Здорова ты?.. Шпигельский, здорова она?

Шпигельский (*который о чем-то переищёптывался с Ракитиным*). О, совершенно!

Анна Семеновна. То-то же... А я пойду немножко отдохнуть перед обедом... Устала смерть. Лиза, пойдем... ох, ноги, ноги... (*Идет с Лизаветой Богдановной в залу. Наталья Петровна провожает ее до дверей. Шпигельский, Ракитин и Шааф остаются на авансцене.*)

Шпигельский (*Шаафу, подавая ему табакерку*). Ну, Адам Иваныч, ви бефинден зих?³

Шааф (*нюхая с важностью*). Карашо. А фи как?

Шпигельский. Покорно благодарю, помаленьку. (*Ракитину вполголоса.*) Так вы точно не знаете, что с Натальей Петровной сегодня?

Ракитин. Право, не знаю.

Шпигельский. Ну, коли вы не знаете... (*Оборачивается и идет навстречу Наталье Петровне, которая возвращается от двери.*) А у меня есть до вас дельце, Наталья Петровна.

Наталья Петровна (*идя к окну*). Неужели? какое?

Шпигельский. Мне нужно с вами поговорить наедине...

Наталья Петровна. Вот как... вы меня пугаете.

(*Ракитин между тем взял Шаафа под руку, ходит с ним взад и вперед и шепчет ему что-то по-немецки. Шааф смеется и говорит вполголоса: «Ja, ja, ja, jawohl, jawohl, sehr gut»⁴.*)

Шпигельский (*понижив голос*). Это дело собственно не до вас одних касается...

Наталья Петровна (*глядя в сад*). Что вы хотите сказать?

Шпигельский. Вот в чем дело-с. Один хороший знакомый меня просил узнать... то есть... ваши намерения насчет вашей воспитанницы... Веры Александровны.

Наталья Петровна. Мои намерения?

Шпигельский. То есть... говоря без обиняков, мой знакомый...

Наталья Петровна. Уж не сватается ли за нее?

Шпигельский. Точно так-с.

Наталья Петровна. Вы шутите?

Шпигельский. Никак нет-с.

Наталья Петровна (*смеясь*). Да помилуйте, она еще ребенок; какое странное поручение!

Шпигельский. Чем же странное, Наталья Петровна? мой знакомый...

³ как поживаете? (*Нем.*)

⁴ «Да, да, да, конечно, конечно, очень хорошо» (*нем.*).

Наталья Петровна. Вы большой делец, Шпигельский... А кто такой ваш знакомый?

Шпигельский (*улыбаясь*). Позвольте, позвольте. Вы мне еще ничего не сказали по-жительного насчет...

Наталья Петровна. Полноте, доктор. Вера еще дитя. Вы сами это знаете, господин дипломат. (*Оборачиваясь.*) Да вот, кстати, и она. (*Из залы вбегают Вера и Коля.*)

Коля (*бежит к Ракитину*). Ракитин, вели нам клею дать, клею...

Наталья Петровна (*к Вере*). Откуда вы? (*Гладит ее по щеке.*) Как ты покраснелась...

Вера. Из саду... (*Шпигельский ей кланяется.*) Здравствуйте, Игнатий Ильич.

Ракитин (*Коле*). На что тебе клею?

Коля. Нужно, нужно... Алексей Николаич нам змея делает... Прикажи...

Ракитин (*хочет позвонить*). Постой, сейчас...

Шааф. Erlauben Sie...⁵ Каспадин Коля сифодне сфой лекцион не брочидал... (*Берет Колю за руку.*) Kommen Sie⁶.

Коля (*печально*). Morgen, Herr Schaaf, morgen...⁷

Шааф (*резко*). Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faulen Leute...^[2] Kommen Sie...⁸ (*Коля упирается.*)

Наталья Петровна (*Вере*). С кем это ты так долго гуляла? Я тебя не видала с утра.

Вера. С Алексеем Николаичем... с Колей...

Наталья Петровна. А! (*Оборачиваясь.*) Коля, что это значит?

Коля (*понизив голос*). Господин Шааф... Мамаша...

Ракитин (*Наталье Петровне*). Они там змея делают, а здесь вот ему урок хотят задать.

Шааф (*с чувством достоинства*). Gnädige Frau...⁹

Наталья Петровна (*строго Коле*). Извольте слушаться, довольно вы сегодня бегали... Ступайте с господином Шааф.

Шааф (*уводя Колю в залу*). Es ist unerhört!¹⁰

Коля (*уходя, шёпотом Ракитину*). А ты всё-таки клей прикажи... (*Ракитин кивает.*)

Шааф (*дергая Колю*). Kommen Sie, mein Herr...¹¹ (*Уходит с ним в залу. Ракитин уходит вслед за ними.*)

Наталья Петровна (*Вере*). Сядь... ты, должно быть, устала... (*Садится сама.*)

Вера (*саясь*). Никак нет-с.

Наталья Петровна (*с улыбкой Шпигельскому*). Шпигельский, посмотрите на нее, ведь она устала?

Шпигельский. Да ведь это Вере Александровне здорово.

Наталья Петровна. Я не говорю... (*Вере.*) Ну, что вы в саду делали?

Вера. Играли-с; бегали-с. Сперва мы смотрели, как плотину копают, а потом Алексей Николаич за белкой на дереволез, высоко-высоко, и начал верхушку качать... Нам всем даже страшно стало... Белка, наконец, упала, и Трезор чуть-чуть ее не поймал... Однако она ушла.

Наталья Петровна (*с улыбкой взглянув на Шпигельского*). А потом?

Вера. А потом Алексей Николаич Коле лук сделал... да так скоро... а потом он к нашей корове на лугу подкрался и вдруг ей на спину вскочил... корова испугалась и побежала, забрыкала... а он смеется (*смеется сама*), а потом Алексей Николаич хотел нам змея сделать, вот мы и пришли сюда.

⁵ Позвольте... (*Нем.*)

⁶ Идемте (*нем.*).

⁷ Завтра, господин Шааф, завтра... (*Нем.*)

⁸ Завтра, завтра, не сегодня, так ленивцы говорят... Идемте... (*Нем.*)

⁹ Сударыня... (*Нем.*)

¹⁰ Это неслыханно! (*Нем.*)

¹¹ Идемте, сударь... (*Нем.*)

Наталья Петровна (*треплет ее по щеке*). Дитя, дитя, совершенное ты дитя... а? как вы думаете, Шпигельский?

Шпигельский (*медленно и глядя на Наталью Петровну*). Я с вами согласен.

Наталья Петровна. То-то же.

Шпигельский. Да ведь это ничему не мешает... Напротив...

Наталья Петровна. Вы думаете? (*Вере*.) Ну, и очень вы веселились?

Вера. Да-с... Алексей Николаич такой забавный.

Наталья Петровна. Вот как. (*Помолчав немного*.) Верочка, а сколько тебе лет? (*Вера с некоторым изумлением глядит на нее*.) Дитя... дитя... (*Ракитин входит из залы*.)

Шпигельский (*хлопотливо*). Ах, я и забыл... у вас кучер болен... а я его еще не видал...

Наталья Петровна. Что у него?

Шпигельский. Горячка; впрочем, опасности нет никакой.

Наталья Петровна (*ему вслед*). Вы у нас обедаете, доктор?

Шпигельский. Если позволите. (*Уходит в залу*.)

Наталья Петровна. Mon enfant, vous feriez bien de mettre une autre robe pour le dîner...¹² (*Вера встает*.) Подойди ко мне... (*Целует ее в лоб*.) Дитя, дитя. (*Вера целует у ней руку и идет в кабинет*.)

Ракитин (*тихонько Вере, мигая глазом*). А я Алексею Николаичу послал всё, что нужно.

Вера (*вполголоса*). Благодарствуйте, Михайло Александрч. (*Уходит*.)

Ракитин (*подходит к Наталье Петровне. Она ему протягивает руку. Он тотчас ее пожимает*). Наконец мы одни... Наталья Петровна, скажите мне, что с вами?

Наталья Петровна. Ничего, Michel, ничего. И если что было, теперь все прошло. Сядьте. (*Ракитин садится подле нее*.) С кем этого не случается? Ходят же по небу тучки. Что вы на меня так глядите?

Ракитин. Я гляжу на вас... Я счастлив.

Наталья Петровна (*улыбается ему в ответ*). Откройте окно, Michel. Как хорошо в саду! (*Ракитин встает и открывает окно*.) Здравствуй, ветер. (*Смеется*.) Он словно ждал случая ворваться... (*Оглядываясь*.) Как он завладел всей комнатой... Теперь его не выгонишь...

Ракитин. Вы сами теперь мягки и тихи, как вечер после грозы.

Наталья Петровна (*задумчиво повторяя последние слова*). После грозы... Да разве была гроза?

Ракитин (*качая головой*). Собиралась.

Наталья Петровна. В самом деле? (*Глядя на него, после небольшого молчания*.) А знаете ли что, Мишель, я не могу вообразить себе человека добрее вас. Право. (*Ракитин хочет ее остановить*.) Нет, не мешайте мне высказаться. Вы снисходительны, ласковы, постоянны. Вы не изменяетесь. Я вам многим обязана.

Ракитин. Наталья Петровна, зачем вы мне это говорите именно теперь?

Наталья Петровна. Не знаю; мне весело, я отдыхаю; не запрещайте мне болтать...

Ракитин (*жмет ей руку*). Вы добры, как ангел.

Наталья Петровна (*смеясь*). Сегодня поутру вы бы этого не сказали... Но послушайте, Michel, вы меня знаете, вы должны меня извинить. Наши отношения так чисты, так искренни... и всё-таки не совсем естественны. – Мы с вами имеем право не только Аркадию, но всем прямо в глаза глядеть... Да; но... (*Задумывается*.) Вот оттого-то мне иногда и тяжело бывает, и неловко, я злюсь, я готова, как дитя, выместить свою досаду на другом, особенно на вас... Вас это предпочтение не сердит?

Ракитин (*с живостью*). Напротив...

¹² Дитя мое, вы бы надели другое платье к обеду... (*франц.*)

Наталья Петровна. Да, иногда весело помучить, кого любишь... кого любишь... Ведь я, как Татьяна, тоже могу сказать: «К чему лукавить?»^[3]

Ракитин. Наталья Петровна, вы...

Наталья Петровна (*перебивая его*). Да... я вас люблю; но знаете ли что, Ракитин? Знаете ли, что мне иногда странным кажется: я вас люблю... и это чувство так ясно, так мирно... Оно меня не волнует... я им согрета, но... (*С живостью.*) Вы никогда не заставили меня плакать... а я бы, кажется, должна была... (*Перерываясь.*) Что это значит?

Ракитин (*несколько печально*). Такой вопрос не требует ответа.

Наталья Петровна (*задумчиво*). А ведь мы давно с вами знакомы.

Ракитин. Четыре года. Да, мы старые друзья.

Наталья Петровна. Друзья... Нет, вы мне более, чем друг...

Ракитин. Наталья Петровна, не касайтесь до этого вопроса... Я боюсь за мое счастье, как бы оно не исчезло у вас под руками.

Наталья Петровна. Нет... нет... нет. Всё дело в том, что вы слишком добры... Вы мне слишком потакаете... Вы меня избаловали... Вы слишком добры, слышите?

Ракитин (*с улыбкою*). Слушаю-с.

Наталья Петровна (*глядя на него*). Я не знаю, как вы... Я не желаю другого счастья... Многие могут мне позавидовать. (*Протягивает ему обе руки.*) Не правда ли?

Ракитин. Я в вашей власти... делайте из меня, что хотите... (*В зале раздается голос Ислаева: «Так вы послали за ним?»*).

Наталья Петровна (*быстро приподнимаясь*). Он! Я не могу теперь его видеть... Прощайте! (*Уходит в кабинет.*)

Ракитин (*глядя ей вслед*). Что это такое? Начало конца или просто конец? (*Помолчав немного.*) Или начало? (*Входит Ислаев с озабоченным видом и снимает шляпу.*)

Ислаев. Здравствуй, Michel.

Ракитин. Мы уже виделись сегодня.

Ислаев. А! Извини... Я совершенно захлопотался. (*Ходит по комнате.*) – Странное дело! Русский мужик очень смышлен, очень понятлив, я уважаю русского мужика... а между тем иногда говоришь ему, говоришь, толкуешь, толкуешь... Ясно, кажется, а пользы никакой. У русского мужика нет этого... этого...

Ракитин. Да ты всё еще над плотиной хлопочешь?

Ислаев Этого... так сказать... этой любви к работе нету... именно любви нет. Он тебе мнения твоего хорошо высказать не даст, – «Слушаю, батюшка...» А какое: слушаю – просто ничего не понял. Посмотри-ка на немца – то ли дело! Терпенья у русского нет. – Со всем тем, я его уважаю... А где Наташа? Не знаешь?

Ракитин. Она сейчас здесь была.

Ислаев. Да который час? Пора бы обедать. С утра на ногах – дела пропасть... А еще сегодня на постройке не был. Время так вот и уходит. Беда! – просто никуда не успеваешь! (*Ракитин улыбается.*) Ты, я вижу, смеешься надо мной... Да что ж, брат, делать? Кому что. Я человек положительный, рожден быть хозяином – и больше ничем. Было время – я о другом мечтал; да осекся, брат! Пальцы себе обжег – во-как! – Что это Беляев не идет?

Ракитин. Кто такое Беляев?

Ислаев. А новый наш учитель, русский. Дичок еще порядочный; ну, да привыкнет. Малый неглупый. Я его попросил сегодня посмотреть, что постройка... (*Входит Беляев.*) А, да вот и он! Ну, что? Как там? Ничего не делают небось? А?

Беляев. Нет-с; работают.

Ислаев. Второй сруб кончили?

Беляев. Начали третий.

Ислаев. А насчет венцов – вы сказали?

Беляев. Сказал.

Ислаев. Ну – а они что?

Беляев. Они говорят, что иначе они и не делали никогда.

Ислаев. Гм. Ермил плотник там?

Беляев. Там.

Ислаев. А!.. Ну, благодарствуйте! (*Входит Наталья.*) А! Наташа! здравствуй!

Ракитин. Что ты это сегодня со всеми двадцать раз здороваешься?

Ислаев. Говорят тебе, захлопотался. Ах, кстати! Я тебе не показывал новую мою веялку? Пойдем, пожалуйста; это любопытно. Вообрази – ураган из нее, просто ураган. До обеда еще успеем... Хочешь?

Ракитин. Изволь.

Ислаев. А ты, Наташа, не идешь с нами?

Наталья Петровна. Будто я понимаю что в ваших веялках! – Ступайте вы одни – да смотрите, не замешкайтесь.

Ислаев (*уходя с Ракитиным*). Мы сейчас... (*Беляев собирается за ними идти.*)

Наталья Петровна (*Беляеву*). Куда же вы, Алексей Николаич?

Беляев. Я-с... я...

Наталья Петровна. Впрочем, если вы хотите гулять...

Беляев. Нет-с, я целое утро был на воздухе!

Наталья Петровна. А! ну в таком случае сядьте... Сядьте здесь. (*Указывая на стул.*) Мы с вами еще не поговорили как следует, Алексей Николаич. Мы еще не познакомились. (*Беляев кланяется и садится.*) А я желаю с вами познакомиться.

Беляев. Я-с... мне очень лестно.

Наталья Петровна (*с улыбкой*). Вы меня теперь боитесь, я это вижу... но погодите, вы меня узнаете, вы перестанете меня бояться. Скажите... Скажите, сколько вам лет?

Беляев. Двадцать один год-с.

Наталья Петровна. Ваши родители живы?

Беляев. Мать моя умерла. Отец жив.

Наталья Петровна. И давно ваша матушка скончалась?

Беляев. Давно-с.

Наталья Петровна. Но вы ее помните?

Беляев. Как же... помню-с.

Наталья Петровна. А батюшка ваш в Москве живет?

Беляев. Никак нет-с, в деревне.

Наталья Петровна. А! что, у вас есть братья... сестры?

Беляев. Одна сестра.

Наталья Петровна. Вы ее очень любите?

Беляев. Люблю-с. Она гораздо моложе меня.

Наталья Петровна. А как ее зовут?

Беляев. Натальей.

Наталья Петровна (*с живостью*). Натальей? Это странно. И меня также Натальей зовут... (*Останавливается.*) И вы очень ее любите?

Беляев. Да-с.

Наталья Петровна. Скажите, как вы находите моего Колю?

Беляев. Он очень милый мальчик.

Наталья Петровна. Не правда ли? И такой любящий! Он уже успел привязаться к вам.

Беляев. Я готов стараться... Я рад...

Наталья Петровна. Вот, видите ли, Алексей Николаич, конечно, я бы желала сделать из него дельного человека. Я не знаю, удастся ли это мне, но во всяком случае я хочу, чтобы

он всегда с удовольствием вспоминал о времени своего детства. Пусть он растет себе на воле – это главное. Я сама была иначе воспитана, Алексей Николаич; мой отец был человек не злой, но раздражительный и строгий... все в доме, начиная с маменьки, его боялись. Мы с братом, бывало, всякий раз украдкой крестились, когда нас звали к нему. Иногда мой отец принимался меня ласкать, но даже в его объятиях я, помнится, вся замирала. Брат мой вырос, и вы, может быть, слышали об его разрыве с отцом... Я никогда не забуду этого страшного дня... Я до самой кончины батюшки осталась покорною дочерью... он называл меня своим утешеньем, своей Антигоной...^[4] *(он ослеп в последние годы своей жизни)*; но самые его нежные ласки не могли изгладить во мне первые впечатления моей молодости... Я боялась его, слепого старика, и никогда в его присутствии не чувствовала себя свободной... Следы этой робости, этого долгого принуждения, может быть, до сих пор не исчезли совершенно... я знаю, я с первого взгляда кажусь... как это сказать?... холодной, что ли... Но я замечаю, что я рассказываю вам о самой себе, вместо того чтобы говорить вам о Коле. Я только хотела сказать, что я по собственному опыту знаю, как хорошо ребенку расти на воле... Вот вас, я думаю, в детстве не стесняли, не правда ли?

Беляев. Как вам сказать-с... Меня, конечно, никто не стеснял... мной никто не занимался.

Наталья Петровна *(робко)*. А ваш батюшка разве...

Беляев. Ему было не до того-с. Он всё больше по соседям ездил... по делам-с... Или хотя и не по делам, а... Он через них, можно сказать, хлеб свой добывал. Через свои услуги.

Наталья Петровна. А! И так-таки никто не занимался вашим воспитанием?

Беляев. По правде сказать, никто. Впрочем, оно, должно быть, заметно. Я слишком хорошо чувствую свои недостатки.

Наталья Петровна. Может быть... но зато... *(Останавливается и продолжает с некоторым смущением.)* Ах, кстати, Алексей Николаич, это вы вчера в саду пели?

Беляев. Когда-с?

Наталья Петровна. Вечером, возле пруда, вы?

Беляев. Я-с. *(Поспешно.)* Я не думал... пруд отсюда так далеко... Я не думал, чтобы здесь можно было слышать...

Наталья Петровна. Да вы как будто извиняетесь? У вас очень приятный звонкий голос, и вы так хорошо поете. Вы учились музыке?

Беляев. Никак нет-с. Я понаслышке пою-с... одне простые песни.

Наталья Петровна. Вы их прекрасно поете... Я вас когда-нибудь попрошу... не теперь, а вот когда мы с вами больше познакомимся, когда мы сблизимся с вами... ведь не правда ли, Алексей Николаич, мы с вами сблизимся? Я чувствую к вам доверие, моя болтовня вам это может доказать... *(Она протягивает ему руку для того, чтобы, он ее пожал. Беляев нерешительно берет ее и после некоторого недоумения, не зная, что делать с этой рукой, целует ее. Наталья Петровна краснеет и отнимает у него руку. В это время входит из залы Шпигельский, останавливается и делает шаг назад. Наталья Петровна быстро встает, Беляев то же.)*

Наталья Петровна *(с смущением)*. А, это вы, доктор... а мы вот здесь с Алексеем Николаичем... *(Останавливается.)*

Шпигельский *(громко и развязно)*. Вообразите себе, Наталья Петровна, какие дела у вас происходят. Вхожу я в людскую, спрашиваю больного кучера, глядь! а мой больной сидит за столом и в обе щеки уписывает блин с луком. Вот после этого и занимайся медициной, надейся на болезнь да на безобидные доходы!

Наталья Петровна *(принужденно улыбаясь)*. А! В самом деле... *(Беляев хочет уйти.)* Алексей Николаич, я забыла вам сказать...

Вера (вбегая из залы). Алексей Николаич! Алексей Николаич! (Она вдруг останавливается при виде Натальи Петровны.)

Наталья Петровна (с некоторым удивлением). Что такое? Что тебе надобно?

Вера (краснея и потупя глаза, указывает на Беляева). Их зовут.

Наталья Петровна. Кто?

Вера. Коля... то есть Коля меня просил насчет змея...

Наталья Петровна. А! (Вполголоса Вере.) On n'entre pas comme cela dans une chambre... Cela ne convient pas.¹³ (Обращаясь к Шпигельскому.) Да который час, доктор? У вас всегда верные часы... Пора обедать.

Шпигельский. А вот, позвольте. (Вынимает часы из кармана.) Теперь-с... теперь-с, доложу вам – пятого двадцать минут.

Наталья Петровна. Вот видите. Пора! (Подходит к зеркалу и поправляет себе волосы. Между тем Вера шепчет что-то Беляеву. Оба смеются. Наталья Петровна их видит в зеркале. Шпигельский сбоку поглядывает на нее.)

Беляев (смеясь, вполголоса). Неужели?

Вера (кивая головой, тоже вполголоса). Да, да, так и упала.

Наталья Петровна (с притворным равнодушием оборачиваясь к Вере). Что такое? Кто упал?

Вера (с смущением). Нет-с... там качели Алексей Николаич устроил, так нянюшка вот вздумала...

Наталья Петровна (не дожидаясь конца ответа, к Шпигельскому). Ах, кстати, Шпигельский, подите-ка сюда... (Отводит его в сторону и обращается опять к Вере.) Она не ушиблась?

Вера. О нет-с!

Наталья Петровна. Да... а всё-таки, Алексей Николаич, это вы напрасно...

Матвей (входит из залы и докладывает). Кушанье готово-с.

Наталья Петровна. А! Да где ж Аркадий Сергеич? Вот они опять опоздают с Михаилом Александровичем.

Матвей. Они уж в столовой-с.

Наталья Петровна. А маменька?

Матвей. В столовой и онэ-с.

Наталья Петровна. А! ну, так пойдемте. (Указывая на Беляева.) Вера, allez en avant avec monsieur¹⁴ (Матвей выходит, за ним идут Беляев и Вера.)

Шпигельский (Наталье Петровне). Вы мне что-то хотели сказать?

Наталья Петровна. Ах, да! Точно... Вот видите ли... Мы еще с вами поговорим о... о вашем предложенье.

Шпигельский. Насчет... Веры Александровны?

Наталья Петровна. Да. Я подумаю... я подумаю.

(Оба уходят в залу.)

¹³ Так не входят в комнату... Это неприлично. (франц.)

¹⁴ идите вперед с месье (франц.).

Действие второе

Театр представляет сад. Направо и налево под деревьями скамейки; прямо малинник. Входят справа Катя и Матвей. У Кати в руках корзинка.

Матвей. Так как же, Катерина Васильевна? Извольте наконец объясниться, убедительно вас прошу.

Катя. Матвей Егорыч, я, право...

Матвей. Вам, Катерина Васильевна, слишком хорошо известно, как, то есть, я к вам расположен. Конечно, я старше вас летами; об этом, точно, спорить нельзя; но всё-таки я еще постою за себя, я еще в самом прыску-с. Нрава я тоже, как вы изволите знать, кроткого; кажется, чего еще?

Катя. Матвей Егорыч, поверьте, я очень чувствую, очень благодарна, Матвей Егорыч... Да вот... Подождать, я думаю, надо.

Матвей. Да чего же ждать, помилуйте, Катерина Васильевна? Прежде, позвольте вам заметить, вы этого не говорили-с. А что касается до уваженья, кажется, я могу за себя то есть поручиться. Такое уважение получать будете, Катерина Васильевна, какого лучше и требовать нельзя. Притом я человек непьющий, ну, и от господ тоже худого слова не слыхал.

Катя. Право, Матвей Егорыч, я не знаю, что мне вам сказать...

Матвей. Эх, Катерина Васильевна, это вы недавно что-то начали того-с...

Катя (*слегка покраснев*). Как недавно? Отчего недавно?

Матвей. Да уж я не знаю-с... а только прежде вы... вы со мной прежде иначе изволили поступать.

Катя (*глянув в кулисы, торопливо*). Берегитесь... Немец идет.

Матвей (*с досадой*). А ну его, долгоносого журавля!.. А я с вами еще поговорю-с. (*Уходит направо. Катя тоже хочет идти в малинник. Входит слева Шааф, с удочкой на плече.*)

Шааф (*вслед Кате*). Кута? Кута, Катерин?

Катя (*останавливаясь*). Нам малины велено набрать, Адам Иваныч.

Шааф. Малин?... малин прятный фрукт. Фи любит малин?

Катя. Да, люблю.

Шааф. Хе, хе!.. И я... и я тоже. Я фзе люблю, что фи любит. (*Видя, что она хочет уйти.*) О, Катерин, ботождит немношко.

Катя. Да некогда-с... Ключница браниться будет.

Шааф. Э! ничефо. Фот и я иту... (*Указывая на уду.*) Как это сказать, рибить, фи понимайт, рибить, то ись риб брать. Фи любит риб?

Катя. Да-с.

Шааф. Э, хе, хе, и я, и я. А знаете ли, чево я вам зкажу, Катерин... По-немецки есть безенка (*поет*). «Cathrinchen, Cathrinchen, wie lieb'ich dich so sehr!..» то ись по-русски: «О, Катринушка, Катринушка, фи карош, я тиебия люблю». (*Хочет обнять ее одной рукой.*)

Катя. Полноте, полноте, как вам не стыдно... Господа вон идут. (*Спасается в малинник.*)

Шааф (*принимая суровый вид, вполголоса*). Das ist dumm...¹⁵

(*Входит справа Наталья Петровна, под руку с Ракитиным.*)

Наталья Петровна (*Шаафу*). А! Адам Иваныч! вы идете рыбу удить?

Шааф. Дочно дак-с.

¹⁵ Это глупо... (*Нем.*)

Наталья Петровна. А где Коля?

Шааф. З Лисафет Богданофне... урок на фортепиано...

Наталья Петровна. А! (*Оглядываясь.*) Вы здесь одни?

Шааф. Атин-с.

Наталья Петровна. Вы не видали Алексея Николаича?

Шааф. Никак нет.

Наталья Петровна (*помолчав*). Мы с вами пойдем, Адам Иваныч, хотите? посмотрим, как-то вы рыбу ловите?

Шааф. Я одшень рад.

Ракитин (*вполголоса Наталье Петровне*), Что за охота?

Наталья Петровна (*Ракитину*). Пойдемте, пойдемте, beau ténébreux...¹⁶ (*Все трое уходят направо.*)

Катя (*осторожно выставляя голову из малинника*). Ушли... (*Выходит немного, останавливается и задумывается.*) Вишь, немец!.. (*Вздыхает и опять принимается рвать малину, напевая вполголоса.*)

Не огонь горит, не смола кипит,
А кипит-горит ретиво сердце...

А Матвей Егорыч-то прав! (*Продолжая напевать.*)

А кипит-горит ретиво сердце
Не по батюшке, не по матушке...

Крупная какая малина... (*Продолжая напевать.*)

Не по батюшке, не по матушке...

Экая Жара! Даже душно. (*Продолжая напевать.*)

Не по батюшке, не по матушке...
А кипит-горит по ...

(*Вдруг оглядывается; умолкает и до половины прячется за куст. Слева входят Беляев и Верочка; у Беляева в руках змей.*)

Беляев (*проходя мимо малинника, Кате*). Что ж ты перестала, Катя? (*Поет.*)

А кипит-горит по красной девице...

Катя (*краснея*). У нас она не так поется.

Беляев. А как же? (*Катя смеется и не отвечает.*) Что это ты, малину набираешь? Дай-ка отведать.

Катя (*отдавая ему корзинку*). Возьмите всё...

Беляев. Зачем всё... Вера Александровна, хотите? (*Вера берет из корзинки, и он берет.*) Ну, вот и довольно. (*Хочет отдать корзинку Кате.*)

¹⁶ демоническое существо (*франц.*).

Катя (*отталкивая его руку*). Да возьмите всё, возьмите.

Беляев. Нет, спасибо, Катя. (*Отдает ей корзинку.*) Спасибо. (*Вере.*) Вера Александровна, сядемте-ка на скамейку. Вот (*указывая на змея*) нужно ему хвост привязать. Вы мне поможете. (*Оба идут и садятся на скамейку. Беляев дает ей змея в руки.*) Вот так. Смотрите же держите прямо. (*Начинает привязывать хвост.*) Что же вы?

Вера. Да эдак я вас не вижу.

Беляев. Да на что ж вам меня видеть?

Вера. То есть я хочу видеть, как вы привязываете хвост.

Беляев. А! ну, постойте. (*Устраивает так змея, что ей можно его видеть.*) Катя, что ж ты не поешь? Пой. (*Спустя немного Катя начинает напевать вполголоса.*)

Вера. Скажите, Алексей Николаич, вы в Москве тоже иногда пускали змея?

Беляев. Не до змеев в Москве! Подержите-ка веревку... вот так. Вы думаете, нам в Москве другого нечего делать?

Вера. Что ж вы делаете в Москве?

Беляев. Как что? мы учимся, профессоров слушаем.

Вера. Чему же вас учат?

Беляев. Всему.

Вера. Вы, должно быть, очень хорошо учитесь. Лучше всех других.

Беляев. Нет, не очень хорошо. Какое лучше всех! Я ленив.

Вера. Зачем же вы ленитесь?

Беляев. А бог знает! Таким уж, видно, родился.

Вера (*помолчав*). Что, у вас есть друзья в Москве?

Беляев. Как же. Эх, эта веревка не довольно крепка.

Вера. И вы их любите?

Беляев. Еще бы!.. Вы разве не любите ваших друзей?

Вера. Друзей... У меня нет друзей.

Беляев. То есть я хотел сказать, ваших приятельниц.

Вера (*медленно*). Да.

Беляев. Ведь у вас есть приятельницы?..

Вера. Да... только я не знаю, отчего... я с некоторых пор что-то мало об них думаю... даже Лизе Мбшнной не отвечала, а уж она как меня просила в своем письме.

Беляев. Как же это вы говорите, у вас нет друзей... а я-то что?

Вера (*с улыбкой*). Ну, вы... Вы другое дело. (*Помолчав.*) Алексей Николаич!

Беляев. Что?

Вера. Вы пишете стихи?

Беляев. Нет. А что?

Вера. Так. (*Помолчав.*) У нас в пансионе одна барышня писала стихи.

Беляев (*затягивая зубами узел*). Вот как! и хорошие?

Вера. Я не знаю. Она нам их читала, а мы плакали.

Беляев. Отчего же вы плакали?

Вера. От жалости. Так ее было жаль нам!

Беляев. Вы воспитывались в Москве?

Вера. В Москве, у госпожи Болюс. Наталья Петровна меня оттуда в прошлом году взяла.

Беляев. Вы любите Наталью Петровну?

Вера. Люблю; она такая добрая. Я ее очень люблю.

Беляев (*с усмешкой*). И, чай, боитесь ее?

Вера (*тоже с усмешкой*). Немножко.

Беляев (*помолчав*). А кто вас в пансион поместил?

Вера. Натальи Петровны матушка покойница. Я у нее в доме выросла. Я сирота.

Беляев (*опустив руки*). Вы сирота? И ни отца, ни матери вы не помните?

Вера. Нет.

Беляев. И у меня мать умерла. Мы оба с вами сироты. Что ж делать! Унывать нам всё-таки не следует.

Вера. Говорят, сироты меж собою скоро дружатся.

Беляев (*глядя ей в глаза*). В самом деле? А вы как думаете?

Вера (*тоже глядя ему в глаза, с улыбкой*). Я думаю, что скоро.

Беляев (*смеется и снова принимается за змей*). Хотел бы я знать, сколько уж я времени в здешних местах?

Вера. Сегодня двадцать восьмой день.

Беляев. Какая у вас память! Ну, вот и кончен змей. Посмотрите, каков хвост! Надо за Колей сходить.

Катя (*подходя к ним с корзинкой*). Хотите еще малины?

Беляев. Нет, спасибо, Катя. (*Катя молча отходит.*)

Вера. Коля с Лизаветой Богдановной.

Беляев. И охота же в такую погоду ребенка в комнате держать!

Вера. Лизавета Богдановна нам бы только мешала...

Беляев. Да я не об ней говорю...

Вера (*поспешно*). Коля без нее не мог бы с нами пойти... Впрочем, она вчера об вас с большой похвалой отзывалась.

Беляев. В самом деле?

Вера. Вам она не нравится?

Беляев. Ну ее! Пусть себе табак нюхает на здоровье!.. Зачем вы вздыхаете?

Вера (*помолчав*). Так. Как небо ясно!

Беляев. Так вы от этого вздыхаете? (*Молчание.*) Вам, может быть, скучно?

Вера. Мне скучно? Нет. Я иногда сама не знаю, о чем я вздыхаю... Мне вовсе не скучно. Напротив... (*Помолчав.*) Я не знаю... я, должно быть, не совсем здорова. Вчера я шла наверх за книжкой – и вдруг на лестнице, вообразите, вдруг села на ступеньку и заплакала... Бог знает отчего, и потом долго всё слезы навертывались... Что такое это значит? А между тем мне хорошо...

Беляев. Это от роста. Вы растете. Это бывает. То-то у вас вчера вечером глаза как будто распухли.

Вера. А вы заметили?

Беляев. Как же.

Вера. Вы всё замечаете.

Беляев. Ну, нет... не всё.

Вера (*задумчиво*). Алексей Николаич...

Беляев. Что?

Вера (*помолчав*). Что бишь я хотела спросить у вас? Я забыла, право, что я хотела спросить.

Беляев. Вы так рассеянны?

Вера. Нет... но... ах, да! Вот что я хотела спросить. Вы мне, кажется, сказывали – у вас есть сестра?

Беляев. Есть.

Вера. Скажите – похожа я на нее?

Беляев. О нет. Вы гораздо лучше ее.

Вера. Как это можно! Ваша сестра... я бы желала быть на ее месте.

Беляев. Как? вы желали бы быть теперь в нашем домишке?

Вера. Я не то хотела сказать... У вас разве домик маленький?

Беляев. Очень маленький... Не то, что здесь.

Вера. Да и на что так много комнат?

Беляев. Как на что? вот вы со временем узнаете, на что нужны комнаты.

Вера. Со временем... Когда?

Беляев. Когда вы сами станете хозяйкой...

Вера (*задумчиво*). Вы думаете?

Беляев. Вот вы увидите. (*Помолчав.*) Так что ж, сходить за Колей, Вера Александровна...

а?

Вера. Отчего вы меня не зовете Верочкой?

Беляев. А вы меня разве можете называть Алексеем?..

Вера. Отчего же... (*Вдруг вздрагивая.*) Ах!

Беляев. Что такое?

Вера (*вполголоса*). Наталья Петровна сюда идет.

Беляев (*тоже вполголоса*). Где?

Вера (*указывая головой*). Вон – по дорожке, с Михайлом Александрычем.

Беляев (*вставая*). Пойдемте к Коле... Он, должно быть, уж кончил свой урок.

Вера. Пойдемте... а то я боюсь, она меня бранить будет... (*Оба встают и быстро уходят налево. Катя опять прячется в малинник. Справа входят Наталья Петровна и Ракитин.*)

Наталья Петровна (*останавливаясь*). Это, кажется, господин Беляев уходит с Верочкой?

Ракитин. Да, это они...

Наталья Петровна. Они как будто от нас убегают.

Ракитин. Может быть.

Наталья Петровна (*помолчав*). Однако я не думаю, чтобы Верочке следовало... эдак, наедине с молодым человеком, в саду... Конечно, она дитя; но всё-таки это неприлично... Я ей скажу.

Ракитин. Сколько ей лет?

Наталья Петровна. Семнадцать! Ей уже семнадцать лет... А сегодня жарко. Я устала. Сядемте. (*Оба садятся на скамейку, на которой сидели Вера и Беляев.*) Шпигельский уехал?

Ракитин. Уехал.

Наталья Петровна. Напрасно вы его не удержали. Я не знаю, зачем этому человеку вздумалось сделаться уездным доктором... Он очень забавен. Он меня смешит.

Ракитин. А я так вообразил, что вы сегодня не в духе смеяться.

Наталья Петровна. Почему вы это думали?

Ракитин. Так!

Наталья Петровна. Потому что мне сегодня всё чувствительное не нравится? О да! предупреждаю вас, сегодня решительно ничего не в состоянии меня тронуть. – Но это не мешает мне смеяться, напротив. Притом мне нужно было с Шпигельским переговорить.

Ракитин. Можно узнать – о чем?

Наталья Петровна. Нет, нельзя. Вы и без того всё знаете, что я думаю, что я делаю... Это скучно.

Ракитин. Извините меня... Я не предполагал...

Наталья Петровна. Мне хочется хоть что-нибудь скрыть от вас.

Ракитин. Помилуйте! из ваших слов можно заключить, что мне всё известно...

Наталья Петровна (*перебивая его*). А будто нет?

Ракитин. Вам угодно смеяться надо мной.

Наталья Петровна. Так вам точно не всё известно, что во мне происходит? В таком случае я вас не поздравляю. Как? человек наблюдает за мной с утра до вечера...

Ракитин. Что это, упрек?

Наталья Петровна. Упрек? (*Помолчав.*) Нет, я теперь точно вижу: вы не проницательны.

Ракитин. Может быть... но так как я наблюдаю за вами с утра до вечера, то позвольте мне сообщить вам одно замечание...

Наталья Петровна. На мой счет? Сделайте одолжение.

Ракитин. Вы на меня не рассердитесь?

Наталья Петровна. Ах, нет! Я бы хотела, да нет.

Ракитин. Вы с некоторых пор, Наталья Петровна, находитесь в каком-то постоянно раздраженном состоянии, и это раздражение в вас невольное, внутреннее: вы словно боретесь сами с собою, словно недоумеваете. Перед моей поездкой к Криницыным я этого не замечал; это в вас недавно. (*Наталья Петровна чертит зонтиком перед собой.*) Вы иногда так глубоко вздыхаете... вот как усталый, очень усталый человек вздыхает, которому никак не удастся отдохнуть.

Наталья Петровна. Что ж вы из этого заключаете, господин наблюдатель?

Ракитин. Я? Ничего... Но меня это беспокоит.

Наталья Петровна. Покорно благодарю за участие.

Ракитин. И притом...

Наталья Петровна (*с некоторым нетерпением*). Пожалуйста, переменимте разговор. (*Молчание.*)

Ракитин. Вы никуда не намерены выехать сегодня?

Наталья Петровна. Нет.

Ракитин. Отчего же? Погода хорошая.

Наталья Петровна. Лень. (*Молчание.*) Скажите мне... ведь вы знаете Большинцова?

Ракитин. Нашего соседа, Афанасья Иваныча?

Наталья Петровна. Да.

Ракитин. Что за вопрос? Не далее как третьего дня мы с ним у вас играли в преферанс.

Наталья Петровна. Что он за человек, желаю я знать.

Ракитин. Большинцов?

Наталья Петровна. Да, да, Бобынцов.

Ракитин. Вот уж этого я, признаться, никак не ожидал!

Наталья Петровна (*с нетерпением*). Чего вы не ожидали?

Ракитин. Чтобы вы когда-нибудь стали спрашивать о Большинцове! Глупый, толстый, тяжелый человек – а впрочем, дурного ничего об нем сказать нельзя.

Наталья Петровна. Он совсем не так глуп и не так тяжел, как вы думаете.

Ракитин. Может быть. Я, признаюсь, не слишком внимательно изучал этого господина.

Наталья Петровна (*иронически*). Вы за ним не наблюдали?

Ракитин (*принужденно улыбается*). И с чего вам вздумалось...

Наталья Петровна. Так! (*Опять молчание.*)

Ракитин. Посмотрите, Наталья Петровна, как хорош этот темно-зеленый дуб на темно-синем небе. Он весь затоплен лучами солнца, и что за могучие краски... Сколько в нем несокрушимой жизни и силы, особенно когда вы его сравните с той молоденькой березой... Она словно вся готова исчезнуть в сиянии; ее мелкие листочки блестят каким-то жидким блеском, как будто тают, а между тем и она хороша...

Наталья Петровна. Знаете ли что, Ракитин? Я уже давно это заметила... Вы очень тонко чувствуете так называемые красоты природы и очень изящно, очень умно говорите об них... так изящно, так умно, что, я воображаю, природа должна быть вам несказанно благодарна за ваши изысканно-счастливые выражения; вы волочитесь за ней, как раздушенный маркиз на красных каблучках за хорошенькой крестьянкой... Только вот в чем беда: мне иногда кажется, что она никак бы не могла понять, оценить ваших тонких замечаний, точно так же, как

крестьянка не поняла бы придворных учтивостей маркиза; природа гораздо проще, даже грубее, чем вы предполагаете, потому что она, слава богу, здорова... Березы не тают и не падают в обморок, как нервические дамы.

Ракитин. Quelle tirade!¹⁷ Природа здорова... то есть, другими словами, я болезненное существо.

Наталья Петровна. Не вы одни болезненное существо, оба мы с вами не слишком здоровы.

Ракитин. О, мне известен также этот способ говорить другому самым безобидным образом самые неприятные вещи... Вместо того чтобы сказать ему, например, прямо в лицо: ты, братец, глуп, сто́ит только заметить ему с добродушной улыбкой: мы ведь, дескать, оба с вами глупы.

Наталья Петровна. Вы обижаетесь? Полноте, что за вздор! Я только хотела сказать, что мы оба с вами... слово: болезненный – вам не нравится... что мы оба старые, очень старые.

Ракитин. Почему же старые? Я про себя этого не думаю.

Наталья Петровна. Ну, однако, послушайте; вот мы с вами теперь сидим здесь... может быть, на этой же самой скамейке за четверть часа до нас сидели... два точно молодые существа.

Ракитин. Беляев и Верочка? Конечно, они моложе нас... между нами несколько лет разницы, вот и всё... Но мы от этого еще не старики.

Наталья Петровна. Между нами разница не в одних летах.

Ракитин. А! я понимаю... Вы завидуете их... naïveté¹⁸, их свежести, невинности... словом, их глупости...

Наталья Петровна. Вы думаете? А! вы думаете, что они глупы? у вас, я вижу, все глупы сегодня. Нет, вы меня не понимаете. Да и притом... глупы! Что за беда! Что хорошего в уме, когда он не забавляет?... Ничего нет утомительнее невеселого ума.

Ракитин. Гм. Отчего вы не хотите говорить прямо, без обиняков? я вас не забавляю – вот что вы хотите сказать... К чему вы ум вообще за меня грешного заставляете страдать?

Наталья Петровна. Это вы всё не то... *(Катя выходит из малинника.)* Что это, ты малины набрала, Катя?

Катя. Точно так-с.

Наталья Петровна. Покажи-ка... *(Катя подходит к ней.)* Славная малина! Какая алая... а твои щеки еще алей. *(Катя улыбается и потупляет глаза.)* Ну, ступай. *(Катя уходит.)*

Ракитин. Вот еще молодое существо в вашем вкусе.

Наталья Петровна. Конечно. *(Встает.)*

Ракитин. Куда вы?

Наталья Петровна. Во-первых, я хочу посмотреть, что делает Верочка... Пора ей домой... а во-вторых, признаюсь, наш разговор что-то мне не нравится. Лучше на некоторое время прекратить наши рассуждения о природе и молодости.

Ракитин. Вам, может быть, угодно гулять одной?

Наталья Петровна. По правде сказать, да. Мы увидимся скоро... Впрочем, мы расстанемся друзьями? *(Протягивает ему руку.)*

Ракитин *(вставая).* Еще бы! *(Жмет ей руку.)*

Наталья Петровна. До свиданья. *(Она раскрывает зонтик и уходит налево.)*

Ракитин *(ходит некоторое время взад и вперед).* Что с ней? *(Помолчав.)* Так! каприз. Каприз? Прежде я этого в ней не замечал. Напротив, я не знаю женщины, более ровной в обхожденье. Какая причина?.. *(Ходит опять и вдруг останавливается.)* Ах, как смешны люди,

¹⁷ Какая тирада! *(франц.)*

¹⁸ простодушию *(франц.)*.

у которых одна мысль в голове, одна цель, одно занятие в жизни... Вот как я, например. Она правду сказала: с утра до вечера наблюдаешь мелочи и сам становишься мелким... Всё так; но без нее я жить не могу, в ее присутствии я более чем счастлив; этого чувства нельзя назвать счастьем, я весь принадлежу ей, расстаться с нею мне было бы, без всякого преувеличения, точно то же, что расстаться с жизнью. Что с ней? Что значит эта внутренняя тревога, эта невольная едкость речи? Не начинаю ли я надоедать ей? Гм. (*Садится.*) Я никогда себя не обманывал; я очень хорошо знаю, как она меня любит; но я надеялся, что это спокойное чувство со временем... Я надеялся! Разве я вправе, разве я смею надеяться? Признаюсь, мое положение довольно смешно... почти презрительно. (*Помолчав.*) Ну, к чему такие слова? Она честная женщина, а я не ловелас. (*С горькой усмешкой.*) К сожалению. (*Быстро поднимаясь.*) Ну, полно! Вон весь этот вздор из головы! (*Прохаживаясь.*) Какой сегодня прекрасный день! (*Помолчав.*) Как она ловко уязвила меня... Мои «изысканно-счастливые» выражения... Она очень умна, особенно когда не в духе. И что за внезапное поклонение простоте и невинности?... Этот русский учитель... Она мне часто говорит о нем. Признаюсь, я в нем ничего особенного не вижу. Просто студент, как все студенты. Неужели она... Быть не может! Она не в духе... сама не знает, чего ей хочется, и вот царапает меня. Бьют же дети свою няню... Какое лестное сравнение! Но не надобно мешать ей. Когда этот припадок тоскливого беспокойства пройдет, она сама первая будет смеяться над этим долговязым птенцом, над этим свежим юношей... Объяснение ваше недурно, Михайло Александрыч, друг мой, да верно ли оно? А господь ведает! Вот увидим. Уж не раз случалось вам, мой любезнейший, после долгой возни с самим собою, отказаться вдруг от всех предположений и соображений, сложить спокойно ручки и смиренно ждать, что-то будет. А пока, сознайтесь, вам самим порядочно неловко и горько... Таково уже ваше ремесло... (*Оглядывается.*) А! да вот и он сам, наш непосредственный юноша... Кстати пожаловал... Я с ним еще ни разу не поговорил как следует. Посмотрим, что за человек. (*Слева входит Беляев.*) А, Алексей Николаич! И вы вышли погулять на свежий воздух?

Беляев. Да-с.

Ракитин. То есть, признаться, воздух сегодня не совсем свеж; жара страшная, но здесь, под этими липами, в тени, довольно сносно. (*Помолчав.*) Видели вы Наталью Петровну?

Беляев. Я сейчас их встретил... Оне с Верой Александровной в дом пошли.

Ракитин. Да уж это не вас ли я с Верой Александровной здесь видел, с полчаса тому назад?

Беляев. Да-с... Я с ней гулял.

Ракитин. А! (*Берет его под руку.*) Ну, как вам нравится жизнь в деревне?

Беляев. Я люблю деревню. Одна беда: здесь охота плохая.

Ракитин. А вы охотник?

Беляев. Да-с... А вы?

Ракитин. Я? нет; я, признаться, плохой стрелок. Я слишком ленив.

Беляев. Да и я ленив... только не ходить.

Ракитин. А! Что ж вы – читать ленивы?

Беляев. Нет, я люблю читать. Мне лень долго работать; особенно одним и тем же предметом заниматься мне лень.

Ракитин (*улыбаясь*). Ну, а, например, с дамами разговаривать?

Беляев. Э! да вы надо мной смеетесь... Дам я больше боюсь.

Ракитин (*с некоторым смущением*). С чего вы вздумали... с какой стати стану я над вами смеяться?

Беляев. Да так... что за беда! (*Помолчав.*) Скажите, где здесь можно достать пороху?

Ракитин. Да в городе, я думаю; он там продается под именем мака. Вам нужно хорошего?

Беляев. Нет: хоть винтовочного. Мне не стрелять, мне фейерверки делать.

Ракитин. А! вы умеете...

Беляев. Умею. Я уже выбрал место: за прудом. Я слышал, через неделю именины Натальи Петровны; так вот бы кстати.

Ракитин. Наталье Петровне будет очень приятно такое внимание с вашей стороны... Вы ей нравитесь, Алексей Николаич, скажу вам.

Беляев. Мне это очень лестно... Ах, кстати, Михайло Александрыч, вы, кажется, получаете журнал. Можете вы мне дать почитать?

Ракитин. Извольте, с удовольствием... Там есть хорошие стихи.

Беляев. Я до стихов не охотник.

Ракитин. Почему же?

Беляев. Да так. Смешные стихи мне кажутся натянутыми, да притом их немного; а чувствительные стихи... я не знаю... Не верится им что-то.

Ракитин. Вы предпочитаете повести?

Беляев. Да-с, хорошие повести я люблю... но критические статьи – вот те меня забирают.

Ракитин. А что?

Беляев. Теплый человек их пишет...^[5]

Ракитин. А сами вы – не занимаетесь литературой?

Беляев. О нет-с! Что за охота писать, коли таланту бог не дал. Только людей смешить. Да и притом вот что удивительно, вот что объясните мне, сделайте одолжение: иной и умный, кажется, человек, а как возьмется за перо – хоть святых вон неси. Нет, куда нам писать – дай бог понимать написанное!

Ракитин. Знаете ли что, Алексей Николаич? Не у многих молодых людей столько здравого смысла, сколько у вас.

Беляев. Покорно вас благодарю за комплимент. (*Помолчав.*) Я выбрал место для фейерверка за прудом, потому что я умею делать римские свечи, которые горят на воде...

Ракитин. Это, должно быть, очень красиво... Извините меня, Алексей Николаич, но позвольте вас спросить... Вы знаете по-французски?

Беляев. Нет. Я перевел роман Поль де Кока «Монфермельскую молочницу» – может быть, слыхали – за пятьдесят рублей ассигнациями; но я ни слова не знаю по-французски.^[6] Вообразите: «катр-вен-дис» я перевел: четыре двадцать-десять... Нужда, знаете ли, заставила. А жаль. Я бы желал по-французски знать. Да лень проклятая. Жорж Санда я бы желал по-французски прочесть. Да выговор... как с выговором прикажете сладить? ан, он, ен, ён... Беда!

Ракитин. Ну, этому горю еще можно помочь...

Беляев. Позвольте узнать, который час?

Ракитин (*смотрит на часы*). Половина второго.

Беляев. Что это Лизавета Богдановна так долго Колю держит за фортепьянами... Ему, чай, смерть теперь хочется побегать.

Ракитин (*ласково*). Да ведь надобно же и учиться, Алексей Николаич...

Беляев (*со вздохом*). Не вам бы это говорить, Михайло Александрыч – не мне бы слушать... Конечно, не всем же быть такими шалопаями, как я.

Ракитин. Ну, полноте...

Беляев. Да уж про это я знаю...

Ракитин. А я, так напротив, тоже знаю, и наверное, что именно то, что вы в себе считаете недостатком, эта ваша непринужденность, ваша свобода – это именно и нравится.

Беляев. Кому, например?

Ракитин. Да хоть бы Наталье Петровне.

Беляев. Наталье Петровне? С ней-то я и не чувствую себя, как вы говорите, свободным.

Ракитин. А! В самом деле?

Беляев. Да и, наконец, помилуйте, Михайло Александрыч, разве воспитание не первая вещь в человеке? Вам легко говорить... Я, право, не понимаю вас... (*Вдруг останавливаясь.*) Что это? Как будто коростель в саду крикнул? (*Хочет идти.*)

Ракитин. Может быть... но куда же вы?

Беляев. За ружьем... (*Идет в кулисы налево, навстречу ему выходит Наталья Петровна.*)

Наталья Петровна (*увидав его, вдруг улыбается*). Куда вы, Алексей Николаич?

Беляев. Я-с...

Ракитин. За ружьем... Он коростеля в саду услышал...

Наталья Петровна. Нет, не стреляйте, пожалуйста, в саду... Дайте этой бедной птице пожить... Притом вы бабушку испугать можете.

Беляев. Слушаю-с.

Наталья Петровна (*смеясь*). Ах, Алексей Николаич, как вам не стыдно? «Слушаю-с» – что это за слово? Как можно... так говорить? Да постойте; мы вот с Михаилом Александрычем займемся вашим воспитанием... Да, да... Мы уже с ним не раз говорили о вас... Против вас заговор, я вас предупреждаю. Ведь вы позволите мне заняться вашим воспитанием?

Беляев. Помилуйте... Я-с...

Наталья Петровна. Во-первых – не будьте застенчивы, это к вам вовсе не пристало. Да, мы займемся вами. (*Указывая на Ракитина.*) Ведь мы с ним старики – а вы молодой человек... Не правда ли? Посмотрите, как это всё хорошо пойдет. Вы будете заниматься Колей – а я... а мы вами.

Беляев. Я вам буду очень благодарен.

Наталья Петровна. То-то же. О чем вы тут разговаривали с Михайлой Александрычем?

Ракитин (*улыбаясь*). Он мне рассказывал, каким образом он перевел французскую книгу – ни слова не зная по-французски.

Наталья Петровна. А! Ну вот мы вас и по-французски выучим. Да кстати, что вы делали с вашим змеем?

Беляев. Я его домой отнес. Мне показалось, что вам... неприятно было...

Наталья Петровна (*с некоторым смущением*). Отчего ж вам это показалось? Оттого, что я Верочке... что я Верочку домой взяла? Нет, это... Нет, вы ошиблись. (*С живостью.*) Впрочем, знаете ли что? Теперь Коля, должно быть, кончил свой урок. Пойдемте возьмемте его, Верочку, змея – хотите? И вместе все отправимся на луг. А?

Беляев. С удовольствием, Наталья Петровна.

Наталья Петровна. И прекрасно. Ну, пойдемте же, пойдемте. (*Протягивает ему руку.*) Да возьмите же мою руку, какой вы неловкий. Пойдемте... скорей. (*Оба быстро уходят налево.*)

Ракитин (*глядя им вслед*). Что за живость... что за веселость... Я никогда у ней на лице такого выражения не видал. И какая внезапная перемена! (*Помолчав.*) *Souvent femme varie*...^{19[7]} Но я... я решительно ей сегодня не по нутру. Это ясно. (*Помолчав.*) Что ж! Увидим, что далее будет. (*Медленно.*) Неужели же... (*Махает рукой.*) Быть не может!.. Но эта улыбка, этот приветный, мягкий, светлый взгляд... Ах, не дай бог мне узнать терзания ревности, особенно бессмысленной ревности! (*Вдруг оглядываясь.*) Ба, ба, ба... какими судьбами?^{18]} (*Слева входят Шпигельский и Болыинцов. Ракитин идет им навстречу.*) Здравствуйте, господа... Я, признаться, Шпигельский, вас сегодня не ожидал... (*Жмет им руки.*)

Шпигельский. Да и я сам того-с... Я сам не воображал... Да вот заехал к нему (*указывая на Болыинцова*), а он уж в коляске сидит, сюда едет. Ну, я тотчас оглобли назад да вместе с ним и вернулся.

¹⁹ Как изменчива женщина... (*франц.*)

Ракитин. Что ж, добро пожаловать.

Большинцов. Я точно собирался...

Шпигельский (*заминая его речь*). Нам люди сказали, что господа все в саду... По крайней мере, в гостиной никого не было...

Ракитин. Да вы разве не встретили Наталью Петровну?

Шпигельский. Когда?

Ракитин. Да вот сейчас.

Шпигельский. Нет. Мы не прямо из дому сюда пришли. Афанасию Иванычу хотелось посмотреть, есть ли в рощице грибы?

Большинцов (*с недоумением*). Я...

Шпигельский. Ну, да мы знаем, что вы до подберезников большой охотник. Так Наталья Петровна домой пошла? Что ж? И мы можем вернуться.

Большинцов. Конечно.

Ракитин. Да она пошла домой для того, чтобы позвать всех гулять... Они, кажется, собираются пускать змея.

Шпигельский. А! И прекрасно. В такую погоду надобно гулять.

Ракитин. Вы можете остаться здесь.... Я пойду, скажу ей, что вы приехали.

Шпигельский. Для чего же вы будете беспокоиться... Помилуйте, Михайло Александрович...

Ракитин. Нет... мне и без того нужно...

Шпигельский. А! ну в таком случае мы вас не удерживаем... Без церемонии, вы знаете...

Ракитин. До свиданья, господа. (*Уходит налево.*)

Шпигельский. До свидания. (*Большинцову.*) Ну-с, Афанасий Иваныч...

Большинцов (*перебивая его*). Что это вам, Игнатий Ильич, вздумалось насчет грибов... Я удивляюсь; какие грибы?

Шпигельский. А небось мне, по-вашему, следовало сказать, что, дескать, заработал мой Афанасий Иваныч, прямо не хотел пойти, попросился сторонкой?

Большинцов. Оно так... да всё же грибы... Я не знаю, я, может быть, ошибаюсь...

Шпигельский. Наверное ошибаетесь, друг мой. Вы вот лучше о чем подумайте. Вот мы с вами сюда приехали... сделано по-вашему. Смотрите же! не ударьте лицом в грязь.

Большинцов. Да, Игнатий Ильич, ведь вы... Вы мне сказали, то есть... Я бы желал положительно узнать, какой ответ...

Шпигельский. Почтеннейший мой Афанасий Иваныч! От вашей деревни досюда считается пятнадцать верст с лишком; вы на каждой версте по крайней мере три раза предлагали мне тот же самый вопрос... Неужели же этого вам мало? Ну, слушайте же: только это я вас балую в последний раз. Вот что мне сказала Наталья Петровна: «Я...»

Большинцов (*кивая головой*). Да.

Шпигельский (*с досадой*). Да... Ну, что «да»? Ведь я еще вам ничего не сказал... «Я, говорит, мало знаю господина Большинцова, но он мне кажется хорошим человеком; с другой стороны, я нисколько не намерена принуждать Верочку; и потому пусть он ездит к нам, и, если он заслужит...»

Большинцов. Заслужит? Она сказала: заслужит?

Шпигельский. «Если он заслужит ее расположение, мы с Анной Семеновной не будем препятствовать...»

Большинцов. «Не будем препятствовать»? Так-таки и сказала? Не будем препятствовать?

Шпигельский. Ну да, да, да. Какой вы странный человек! «Не будем препятствовать их счастью».

Большинцов. Гм.

Шпигельский. «Их счастьем». Да; но, заметьте, Афанасий Иванович, в чем теперь задача состоит... Вам теперь нужно убедить самое Веру Александровну в том, что для нее брак с вами, точно, счастье; вам нужно заслужить ее расположение.

Большинцов (*моргая*). Да, да, заслужить... точно; я с вами согласен.

Шпигельский. Вы непременно хотели, чтобы я вас сегодня же сюда привез... Ну, посмотрим, как вы будете действовать.

Большинцов. Действовать? да, да, нужно действовать, нужно заслужить, точно. Только вот что, Игнатий Ильич... Позвольте мне признаться вам, как лучшему, моему другу, в одной моей слабости: я вот, вы изволите говорить, желал, чтобы вы сегодня привезли меня сюда...

Шпигельский. Не желали, а требовали, неотступно требовали.

Большинцов. Ну да, положим... я с вами согласен. Да вот, видите ли: дома... я точно... я дома на всё, кажется, был готов; а теперь вот робость одолевает.

Шпигельский. Да отчего ж вы робеете?

Большинцов (*взглянув на него исподлобья*). Риск-с.

Шпигельский. Что-о?

Большинцов. Риск-с. Большой риск-с. Я, Игнатий Ильич, должен вам признаться, как...

Шпигельский (*прерывая*). Как лучшему вашему другу... знаем, знаем... Далее?

Большинцов. Точно так-с, я с вами согласен. Я должен вам признаться, Игнатий Ильич, что я... я вообще с дамами, с женским полом вообще, мало, так сказать, имел сношений; я, Игнатий Ильич, признаюсь вам откровенно, просто не могу придумать, о чем можно с особой женского пола поговорить – и притом наедине... особенно с девицей.

Шпигельский. Вы меня удивляете. Я так не знаю, о чем нельзя с особой женского пола говорить, особенно с девицей, и особенно наедине.

Большинцов. Ну, да вы... Помилуйте, где ж мне за вами? Вот по этому-то случаю я бы желал прибегнуть к вам, Игнатий Ильич. Говорят, в этих делах лиха беда начать, так нельзя ли того-с, мне для вступления в разговор – словечко, что ли, сообщить какое-нибудь приятное, вроде, например, замечанья – а уж там я пойду. Уж там я как-нибудь сам.

Шпигельский. Словечка я вам никакого не сообщу, Афанасий Иванович, потому что вам никакое словечко ни к чему не послужит... а совет я вам дать могу, если хотите.

Большинцов. Да сделайте же одолжение, батюшка... А что касается до моей благодарности... Вы знаете...

Шпигельский. Полноте, полноте; что я, разве торгуюсь с вами?

Большинцов (*понижив голос*). Насчет троечки будьте покойны.

Шпигельский. Да полноте же наконец! Вот видите ли, Афанасий Иванович... Вы, бесспорно, прекрасный человек во всех отношениях... (*Большинцов слегка кланяется*) человек с отличными качествами...

Большинцов. О, помилуйте!

Шпигельский. Притом у вас, кажется, триста душ?

Большинцов. Триста двадцать-с.

Шпигельский. Не заложенных?

Большинцов. За мной копейки долгу не водится.

Шпигельский. Ну, вот видите. Я вам сказывал, что вы отличнейший человек и жених хоть куда. Но вот вы сами говорите, что вы с дамами мало имели сношений...

Большинцов (*со вздохом*). Точно так-с. Я, можно сказать, Игнатий Ильич, сызмала чуждался женского пола.

Шпигельский. Ну, вот видите. Это в муже не порок, напротив; но всё-таки в иных случаях, например при первом объяснении в любви, необходимо хоть что-нибудь уметь сказать... Не правда ли?

Большинцов. Я совершенно с вами согласен.

Шпигельский. А то ведь, пожалуй, Вера Александровна может подумать, что вы чувствуете себя нездоровыми – и больше ничего. Притом фигура ваша, хотя тоже во всех отношениях благовидная, не представляет ничего такого, что эдак в глаза, знаете ли, бросается, в глаза; а нынче это требуется.

Большинцов (*со вздохом*). Нынче это требуется.

Шпигельский. Девицам, по крайней мере, это нравится. Ну, да и лета ваши, наконец... словом, нам с вами любезностью брать не приходится. Стало быть, вам нечего думать о приятных словечках. Это опора плохая. Но у вас есть другая опора, гораздо более твердая и надежная, а именно ваши качества, почтеннейший Афанасий Иванович, и ваши триста двадцать душ. Я на вашем месте просто сказал бы Вере Александровне...

Большинцов. Наедине?

Шпигельский. О, непременно наедине! «Вера Александровна!» (*По движениям губ Большинцова заметно, что он шёпотом повторяет каждое слово за Шпигельским.*) «Я вас люблю и прошу вашей руки. Я человек добрый, простой, смиренный и не бедный: вы будете со мною совершенно свободны; я буду стараться всячески вам угодить. А вы извольте справиться обо мне, извольте обратить на меня немножко побольше внимания, чем до сих пор, – и дайте мне ответ, какой угодно и когда угодно. Я готов ждать, и даже за удовольствие почту».

Большинцов (*громко произнося последнее слово*). Почту. Так, так, так... я с вами согласен. Только вот что, Игнатий Ильич; вы, кажется, изволили употребить слово: смиренный... дескать, смиренный я человек...

Шпигельский. А что ж, разве вы не смиренный человек?

Большинцов. Та-ак-с... но всё-таки мне кажется... Будет ли оно прилично, Игнатий Ильич? Не лучше ли сказать, например...

Шпигельский. Например?

Большинцов. Например... например... (*Помолчав.*) Впрочем, можно, пожалуй, сказать и смиренный.

Шпигельский. Эх, Афанасий Иванович, послушайтесь вы меня; чем проще вы будете выражаться, чем меньше украшений вы подпустите в вашу речь, тем лучше дело пойдет, поверьте мне. А главное, не настаивайте, не настаивайте, Афанасий Иванович. Вера Александровна еще очень молода; вы ее запугать можете... Дайте ей время хорошо обдумать ваше предложение. Да! еще одно... чуть было не забыл; вы ведь мне позволили вам советы давать... Вам иногда случается, любезный мой Афанасий Иванович, говорить: крухт и фост... Оно, пожалуй, отчего же... можно... но, знаете ли: слова – фрукт и хвост как-то употребительнее; более, так сказать, в употребление вошли. А то еще, помнится, вы однажды при мне одного хлебо-солного помещика назвали бонжибаном; дескать, «какой он бонжибан!» Слово тоже, конечно, хорошее, но, к сожалению, оно ничего не значит. Вы знаете, я сам не слишком горазд насчет французского диалекта, а настолько-то смыслю. Избегайте красноречья, и я вам ручаюсь за успех. (*Оглядываясь.*) Да вот они, кстати, все идут сюда. (*Большинцов хочет удалиться.*) Куда же вы? опять за грибами? (*Большинцов улыбается, краснеет и остается.*) Главное дело не робеть!

Большинцов (*торопливо*). А ведь Вере Александровне еще ничего неизвестно?

Шпигельский. Еще бы!

Большинцов. Впрочем, я на вас надеюсь... (*Сморкается. Слева входят: Наталья Петровна, Вера, Беляев с змеем, Коля, за ними Ракитин и Лизавета Богдановна. Наталья Петровна очень в духе.*)

Наталья Петровна (*Большинцову и Шпигельскому*). А, здравствуйте, господа; здравствуйте, Шпигельский; я вас не ожидала сегодня, но я всегда вам рада. Здравствуй, Афанасий Иваныч. (*Большинцов кланяется с некоторым замешательством.*)

Шпигельский (*Наталье Петровне, указывая на Большинцова*). Вот этот барин непременно желал привезти меня сюда...

Наталья Петровна (*смеясь*). Я ему очень обязана... Но разве вас нужно заставлять к нам ездить?

Шпигельский. Помилуйте! но... Я только сегодня поутру... отсюда... Помилуйте...

Наталья Петровна. А, запутался, запутался, господин дипломат!

Шпигельский. Мне, Наталья Петровна, очень приятно видеть вас в таком, сколько я могу заметить, веселом расположении духа.

Наталья Петровна. А! вы считаете нужным это заметить... Да разве со мною это так редко случается?

Шпигельский. О, помилуйте, нет... но...

Наталья Петровна. Monsieur le diplomate²⁰, вы более и более путаетесь.

Коля (*который всё время нетерпеливо вертелся около Беляева и Веры*). Да что ж, тапан, когда же мы будем змея пускать?

Наталья Петровна. Когда хочешь... Алексей Николаич, и ты, Верочка, пойдемте на луг... (*Обращаясь к остальным.*) Вас, господа, я думаю, это не может слишком занять. Лизавета Богдановна, и вы, Ракитин, поручаю вам доброго нашего Афанасья Иваныча.

Ракитин. Да отчего, Наталья Петровна, вы думаете, что это нас не займет?

Наталья Петровна. Вы люди умные... Вам это должно казаться шалостью... Впрочем, как хотите. Мы не мешаем вам идти за нами... (*К Беляеву и Верочке.*) Пойдемте. (*Наталья, Вера, Беляев и Коля уходят направо.*)

Шпигельский (*посмотрев с некоторым удивлением на Ракитина, Большинцову*). Добрый наш Афанасий Иваныч, дайте же руку Лизавете Богдановне.

Большинцов (*торопливо*). Я с большим удовольствием... (*Берет Лизавету Богдановну под руку.*)

Шпигельский (*Ракитину*). А мы пойдем с вами, если позволите, Михайло Александрыч. (*Берет его под руку.*) Вишь, как они бегут по аллее. Пойдемте, посмотримте, как они будут змей пускать, хотя мы и умные люди... Афанасий Иваныч, не угодно ли вперед идти?

Большинцов (*на ходу Лизавете Богдановне*). Сегодня, погода, очень, можно сказать, приятная-с.

Лизавета Богдановна (*жестоманясь*). Ах, очень!

Шпигельский (*Ракитину*). А мне с вами, Михайло Александрыч, нужно переговорить... (*Ракитин вдруг смеется.*) О чем вы?

Ракитин. Так... ничего... Мне смешно, что мы в арьергард попали.

Шпигельский. Авангарду, вы знаете, очень легко сделаться арьергардом... Всё дело в перемене дирекции. (*Все уходят направо.*)

²⁰ Господин дипломат (*франц.*).

Действие третье

Та же декорация, как в первом действии. Из дверей в залу входят Ракитин и Шпигельский.

Шпигельский. Так как же, Михайло Александрыч, помогите мне, сделайте одолжение.

Ракитин. Да чем могу я вам помочь, Игнатий Ильич?

Шпигельский. Как чем? помилуйте. Вы, Михайло Александрыч, войдите в мое положение. Собственно я в этом деле сторона, конечно; я, можно сказать, действовал больше из желания угодить... Уж погубит меня мое доброе сердце!

Ракитин (*смеясь*). Ну, до гибели вам еще далеко.

Шпигельский (*тоже смеясь*). Это еще неизвестно, а только мое положение действительно неловко. Я Большинцова по желанью Натальи Петровны сюда привез, и ответ ему сообщил с ее же позволения, а теперь с одной стороны на меня дуются, словно я глупость сделал, а с другой Большинцов не дает мне покоя. Его избегают, со мной не говорят...

Ракитин. И охота же вам была, Игнатий Ильич, взяться за это дело. Ведь Большинцов, между нами, ведь он просто глуп.

Шпигельский. Вот тебе на: между нами! Экую новость вы изволили сказать! Да с каких пор одни умные люди женятся? Уж коли в чем другом, в женитьбе-то не следует дуракам хлеб отбивать. Вы говорите, я за это дело взялся... Вовсе нет. Вот как оно состоялось: приятель просит меня замолвить за него слово... Что ж? мне отказать ему было, что ли? Я человек добрый: отказывать не умею. Я исполняю поручение приятеля; мне отвечают: «Покорнейше благодарим; не извольте, то есть, более беспокоиться...» Я понимаю и более не беспокою. Потом вдруг сами мне предлагают и поощряют меня, так сказать... Я повинуюсь; на меня негодуют. Чем же я тут виноват?

Ракитин. Да кто вам говорит, что вы виноваты... Я удивляюсь только одному: из чего вы так хлопочете?

Шпигельский. Из чего... из чего... Человек мне покоя не дает.

Ракитин. Ну, полноте...

Шпигельский. Притом же он мой старинный приятель.

Ракитин (*с недоверчивой улыбкой*). Да! Ну, это другое дело.

Шпигельский (*тоже улыбаясь*). Впрочем, я с вами хитрить не хочу... Вас не обманешь. Ну, да... он мне обещал... у меня пристяжная на ноги села, так вот он мне обещал...

Ракитин. Другую пристяжную?

Шпигельский. Нет, признаться, целую тройку.

Ракитин. Давно бы вы сказали!

Шпигельский (*живо*). Но вы, пожалуйста, не подумайте... Я бы ни за что не согласился быть в таком деле посредником, это совершенно противно моей натуре (*Ракитин, улыбается*), если б я не знал Большинцова за честнейшего человека... Впрочем, я и теперь желаю только одного: пусть мне ответят решительно – да или нет?

Ракитин. Разве уж до того дело дошло?

Шпигельский. Да что вы воображаете?.. Не о женитьбе речь идет, а о позволении ездить, посещать...

Ракитин. Да кто ж это может запретить?

Шпигельский. Экие вы... запретить! Конечно, для всякого другого... но Большинцов человек робкий, невинная душа, прямо из золотого века, Астреи,^[9] только что тряпки не сосет... Он на себя мало надеется, его нужно несколько поощрить. Притом его намеренья – самые благородные.

Ракитин. Да и лошади хороши.

Шпигельский. И лошади хороши. (*Нюхает табак и предлагает Ракитину табакерку.*) Вам не угодно?

Ракитин. Нет, благодарствуйте.

Шпигельский. Так так-то, Михайло Александрыч. Я вас, вы видите, не хочу обманывать. Да и к чему? Дело ясное, как на ладони. Человек честных правил, с состоянием, смиренный... Годится – хорошо. Не годится – ну, так и сказать.

Ракитин. Всё это прекрасно, положим; да я-то тут что? Я, право, не вижу, в чем я могу.

Шпигельский. Эх, Михайло Александрыч! Разве мы не знаем, что Наталья Петровна вас очень уважает и даже иногда слушается вас... Право, Михайло Александрыч (*сбоку обнимая его*), будьте друг, замолвите словечко...

Ракитин. И вы думаете, что хороший это муж для Верочки?

Шпигельский (*принимая серьезный вид*). Я убежден в этом. Вы не верите... Вот вы увидите. Ведь в супружестве, вы сами знаете, главная вещь – солидный характер. А уж Большинцов на что солиднее! (*Оглядывается.*) А вот, кажется, и сама Наталья Петровна сюда идет... Батюшка, отец, благодетель! Две рыжих на пристяжке, гнедая в корню! Похлопочите!

Ракитин (*улыбаясь*). Ну, хорошо, хорошо...

Шпигельский. Смотрите же, я полагаюсь на вас... (*Спасается в залу.*)

Ракитин (*глядя ему вслед*). Экой проныра этот доктор! Верочка... и Большинцов! А, впрочем, что же? Бывают свадьбы и хуже. Исполню его комиссию, а там – не мое дело! (*Оборачивается; из кабинета выходит Наталья Петровна и, увидя его, останавливается.*)

Наталья Петровна (*нерешительно*). Это... вы... я думала, что вы в саду...

Ракитин. Вам как будто неприятно...

Наталья Петровна (*перерывая его*). О, полноте! (*Идет на авансцену.*) Вы здесь одни?

Ракитин. Шпигельский сейчас ушел отсюда.

Наталья Петровна (*слегка наморщив брови*). А! этот уездный Талейран...^[10] Что он вам такое говорил? Он всё еще тут вертится?

Ракитин. Этот уездный Талейран, как вы его называете, сегодня у вас, видно, не в милости... а, кажется, вчера...

Наталья Петровна. Он смешон; он забавен, точно; но... он не в свои дела мешается... Это неприятно. Притом он, при всем своем низкопоклонстве, очень дерзок и навязчив... Он большой циник.

Ракитин (*подходя к ней*). Вы вчера не так об нем отзывались...

Наталья Петровна. Может быть. (*Живо.*) Так что ж он вам такое говорил?

Ракитин. Он мне говорил... о Большинцове.

Наталья Петровна. А! об этом глупом человеке?

Ракитин. И об нем вы вчера иначе отзывались.

Наталья Петровна (*принужденно улыбаясь*). Вчера – не сегодня.

Ракитин. Для всех... но, видно, не для меня.

Наталья Петровна (*опустив глаза*). Как так?

Ракитин. Для меня сегодня то же, что вчера.

Наталья Петровна (*протянув ему руку*). Я понимаю ваш упрек, но вы ошибаетесь. Вчера я бы не созналась в том, что я виновата перед вами... (*Ракитин хочет остановить ее.*) Не возражайте мне... Я знаю, и вы знаете, что я хочу сказать... а сегодня я сознаюсь в этом. Я сегодня многое обдумала... Поверьте, Мишель, какие бы глупые мысли ни занимали меня, что бы я ни говорила, что бы я ни делала, я ни на кого так не полагаюсь, как на вас. (*Понизив голос.*) Я никого... так не люблю, как я вас люблю... (*Небольшое молчание.*) Вы мне не верите?

Ракитин. Я верю вам... но вы сегодня как будто печальны... что с вами?

Наталья Петровна (*не слушает его и продолжает*). Только я убедилась в одном, Раки-тин: ни в каком случае нельзя за себя отвечать, и ни за что нельзя ручаться. Мы часто своего прошедшего не понимаем... где же нам отвечать за будущее! На будущее цепей не наложишь.

Ракитин. Это правда.

Наталья Петровна (*после долгого молчания*). Послушайте, я хочу быть с вами откровенной, может быть, я немножко огорчу вас... но я знаю: вас бы еще более огорчила моя скрытность. Признаюсь вам, Мишель, этот молодой студент... этот Беляев произвел на меня довольно сильное впечатление...

Ракитин (*вполголоса*). Я это знал.

Наталья Петровна. А! вы это заметили? Давно ли?

Ракитин. Со вчерашнего дня.

Наталья Петровна. А!

Ракитин. Уже третьего дня, помните, я говорил вам о перемене, происшедшей в вас... Я тогда еще не знал, чему приписать ее. Но вчера, после нашего разговора... и на этом лугу... если б вы могли себя видеть! Я не узнавал вас; вы словно другою стали. Вы смеялись, вы прыгали, вы резвились, как девочка, ваши глаза блестели, ваши щеки разгорелись, и с каким доверчивым любопытством, с каким радостным вниманием вы глядели на него, как вы улыбались. (*Взглянув на нее.*) Вот даже теперь ваше лицо оживляется от одного воспоминания... (*Отворачивается.*)

Наталья Петровна. Нет, Ракитин, ради бога, не отворачивайтесь от меня... Послушайте: к чему преувеличивать? Этот человек меня заразил своею молодостью – и только. Я сама никогда не была молода, Мишель, с самого моего детства и до сих пор... Вы ведь знаете всю мою жизнь... С непривычки мне всё это в голову бросилось, как вино, но, я знаю, это так же скоро пройдет, как оно пришло скоро... Об этом даже говорить не стоит. (*Помолчав.*) Только вы не отворачивайтесь от меня, не отнимайте у меня вашей руки... Помогите мне...

Ракитин (*вполголоса*). Помочь вам... жестокое слово! (*Громко.*) Вы сами не знаете, Наталья Петровна, что с вами происходит. Вы уверены, что об этом говорить не стоит, и просите помощи... Видно, вы чувствуете, что она вам нужна!

Наталья Петровна. То есть... да... Я обращаюсь к вам, как к другу.

Ракитин (*горько*). Да-с... Я, Наталья Петровна, готов оправдать вашу доверенность... но позвольте мне немного собраться с духом...

Наталья Петровна. Собраться с духом? Да разве вам грозит какая-нибудь... неприятность? Разве что изменилось?

Ракитин (*горько*). О нет! всё по-прежнему.

Наталья Петровна. Да что вы думаете, Мишель? Неужели вы можете предполагать...

Ракитин. Я ничего не предполагаю.

Наталья Петровна. Неужели ж вы до того меня презираете...

Ракитин. Перестаньте, ради бога. Поговоримте лучше о Большинцове. Доктор ожидает ответа насчет Верочки, вы знаете.

Наталья Петровна (*печально*). Вы на меня сердитесь.

Ракитин. Я? О нет. Но мне жаль вас.

Наталья Петровна. Право, это даже досадно. Мишель, как вам не стыдно... (*Ракитин молчит. Она пожимает плечами и продолжает с досадой.*) Вы говорите, доктор ждет ответа? Да кто его просил вмешиваться...

Ракитин. Он уверял меня, что вы сами...

Наталья Петровна (*перебивая его*). Может быть, может быть... Хотя я, кажется, ничего ему не сказала положительного... Притом я могу переменить свои намеренья. Да и наконец, боже мой, что за беда! Шпигельский занимается делами всякого рода, в его ремесле не всё же ему должно удаваться.

Ракитин. Он только желает знать, какой ответ...

Наталья Петровна. Какой ответ... (*Помолчав.*) Мишель, полноте, дайте мне руку... к чему этот равнодушный взгляд, эта холодная вежливость?... Чем я виновата? Подумайте, разве это моя вина? Я пришла к вам в надежде услышать добрый совет, я ни одно мгновение не колебалась, я не думала от вас скрываться, а вы... Я вижу, напрасно я была откровенна с вами... Вам бы и в голову не пришло... Вы ничего не подозревали, вы меня обманули. А теперь вы бог знает что думаете.

Ракитин. Я? помилуйте!

Наталья Петровна. Дайте же мне руку... (*Он не шевелится; она продолжает, несколько обиженная.*) Вы решительно отворачиваетесь от меня? Смотрите же, тем хуже для вас. Впрочем, я не пеняю на вас... (*Горько.*) Вы ревнуете!

Ракитин. Я не вправе ревновать, Наталья Петровна... Помилуйте, что вы?

Наталья Петровна (*помолчав*). Как хотите. А что касается до Большинцова, я еще не поговорила с Верочкой.

Ракитин. Я могу вам ее сейчас послать.

Наталья Петровна. Зачем же сейчас!.. Впрочем, как хотите.

Ракитин (*направляясь к двери кабинета*). Так прикажете прислать ее?

Наталья Петровна. Мишель, в последний раз... Вы мне сейчас говорили, что вам меня жаль... Так-то вам жаль меня! Неужели ж...

Ракитин (*холодно*). Прикажете?

Наталья Петровна (*с досадой*). Да. (*Ракитин идет в кабинет. Наталья Петровна некоторое время остается неподвижной, садится, берет со стола книгу, раскрывает ее и роняет на колена.*) И этот! Да что ж это такое? Он... и он! А я еще на него надеялась. А Аркадий? Боже мой! Я и не вспомнила о нем! (*Выпрямясь.*) Я вижу, пора прекратить всё это... (*Из кабинета входит Вера.*) Да... пора.

Вера (*робко*). Вы меня спрашивали, Наталья Петровна?

Наталья Петровна (*быстро оглядываясь*). А! Верочка! Да, я тебя спрашивала.

Вера (*подходя к ней*). Вы здоровы?

Наталья Петровна. Я? Да. А что?

Вера. Мне показалось...

Наталья Петровна. Нет, это так. Мне немножко жарко... Вот и всё. Сядь. (*Вера садится.*) Послушай, Вера; ведь ты теперь ничем не занята?

Вера. Нет-с.

Наталья Петровна. Я спрашиваю это у тебя, потому что мне нужно с тобой поговорить... серьезно поговорить. Вот видишь, душа моя, ты до сих пор была еще ребенком; но тебе семнадцать лет; ты умна... Пора тебе подумать о своей будущности. Ты знаешь, я люблю тебя, как дочь; мой дом всегда будет твоим домом... но всё-таки ты в глазах других людей – сирота; ты не богата. Тебе со временем может наскучить вечно жить у чужих людей: послушай – хочешь ты быть хозяйкой, полной хозяйкой в своем доме?

Вера (*медленно*). Я вас не понимаю, Наталья Петровна.

Наталья Петровна (*помолчав*). У меня просят твоей руки. (*Вера с изумлением глядит, на Наталью Петровну.*) Ты этого не ожидала; признаюсь, мне самой оно кажется несколько странным. Ты еще так молода... Мне нечего тебе говорить, что я нисколько не намерена принуждать тебя... по-моему, тебе еще рано выходить замуж; я только сочла долгом сообщить тебе... (*Вера вдруг закрывает лицо руками.*) Вера... что это? ты плачешь? (*Берет ее за руку.*) Ты вся дрожишь?... Неужели ты меня боишься, Вера?

Вера (*глухо*). Я в вашей власти, Наталья Петровна...

Наталья Петровна (*отнимая Вере руки, от лица*). Вера, как тебе не стыдно плакать? Как не стыдно тебе говорить, что ты в моей власти? За кого ты меня считаешь? я говорю с

тобой, как с дочерью, а ты... (*Вера целует у ней руки.*) А? вы в моей власти? Так извольте же сейчас рассмеяться... Я вам приказываю... (*Вера улыбается сквозь слезы.*) Вот так. (*Наталья Петровна обнимает ее одной рукой и притягивает к себе.*) Вера, дитя мое, будь со мною, как бы ты была с твоей матерью, или нет, лучше вообрази, что я твоя старшая сестра, и давай потолкуем вдвоем обо всех этих чудесах... Хочешь?

Вера. Я готова-с.

Наталья Петровна. Ну, слушай же... Пододвинься поближе. Вот так. Во-первых: так как ты моя сестра, положим, то мне не для чего уверять тебя, что ты здесь у себя, дома: такие глазки везде дома. Стало быть, тебе и в голову не должно прийти, что ты кому-нибудь на свете в тягость и что от тебя хотят отделаться... Слышишь? Но вот в один прекрасный день твоя сестра приходит к тебе и говорит: вообрази себе, Вера, за тебя сватаются... А? что ты ей на это ответишь? Что ты еще очень молода, что ты и не думаешь о свадьбе?

Вера. Да-с.

Наталья Петровна. Да не говори мне: да-с. Разве сестрам говорят: да-с?

Вера (*улыбаясь*). Ну... да.

Наталья Петровна. Твоя сестра с тобой согласится, жениху откажут, и делу конец. Но если жених человек хороший, с состоянием, если он готов ждать, если он просит только позволения изредка тебя видеть, в надежде со временем тебе понравиться.

Вера. А кто этот жених?

Наталья Петровна. А! ты любопытна. Ты не догадываешься?

Вера. Нет.

Наталья Петровна. Ты его сегодня видела... (*Вера вся краснеет.*) Он, правда, не очень собой хорош и не очень молод... Большинцов.

Вера. Афанасий Иванович?

Наталья Петровна. Да... Афанасий Иванович.

Вера (*глядит некоторое время на Наталью, вдруг начинает смеяться и останавливается*). Вы не шутите?

Наталья Петровна (*улыбаясь*). Нет... но, я вижу, Большинцову больше нечего здесь делать. Если бы ты заплакала при его имени, он бы мог еще надеяться, но ты рассмеялась. Ему остается одно: отправиться с богом восвояси.

Вера. Извините меня... но, право, я никак не ожидала... Разве в его лета еще женятся?

Наталья Петровна. Да что ты думаешь? Сколько ему лет? Ему пятидесяти лет нету. Он в самой поре.

Вера. Может быть... но у него такое странное лицо...

Наталья Петровна. Ну, не станем больше говорить о нем. Он умер, похоронен... Бог с ним! Впрочем, оно понятно: девочке в твои лета такой человек, как Большинцов, не может понравиться... Вы все хотите выйти замуж по любви, не по рассудку, не правда ли?

Вера. Да, Наталья Петровна, вы... разве вы тоже не по любви вышли за Аркадия Сергеича?

Наталья Петровна (*помолчав*). Конечно, по любви. (*Помолчав опять и стиснув руку Вере.*) Да, Вера... я тебя сейчас назвала девочкой... но девочки правы. (*Вера опускает глаза.*) Итак, это дело решенное. Большинцов в отставке. Признаться, мне самой было бы не совсем приятно видеть его пухлое, старое лицо рядом с твоим свежим личиком, хотя он, впрочем, очень хороший человек. Вот видишь ли ты теперь, как напрасно ты меня боялась? Как всё скоро уладилось!.. (*С упрёком.*) Право, ты обошлась со мной, как будто я была твоя благодетельница! Ты знаешь, как я ненавижу это слово...

Вера (*обнимая ее*). Простите меня, Наталья Петровна.

Наталья Петровна. То-то же. Точно ты меня не боишься?

Вера. Нет. Я вас люблю; я не боюсь вас.

Наталья Петровна. Ну, благодарствуй. Стало быть, мы теперь большие приятельницы и ничего друг от друга не скроем. Ну, а если, бы я тебя спросила: Верочка, скажи-ка мне на ухо: ты не хочешь выйти замуж за Большинцова только потому, что он гораздо старше тебя и собой не красавец?

Вера. Да разве этого не довольно, Наталья Петровна?

Наталья Петровна. Я не спорю... но другой причины нет никакой?

Вера. Я его совсем не знаю...

Наталья Петровна. Всё так; да ты на мой вопрос не отвечаешь.

Вера. Другой причины нету.

Наталья Петровна. В самом деле? В таком случае я бы тебе советовала еще подумать. В Большинцова, я знаю, трудно влюбиться... но он, повторяю тебе, он хороший человек. Вот если бы ты кого-нибудь другого полюбила... ну, тогда другое дело. Но ведь твое сердце до сих пор еще молчит?

Вера (*робко*). Как-с?

Наталья Петровна. Ты никого еще не любишь?

Вера. Я вас люблю... Колю; я Анну Семеновну тоже люблю.

Наталья Петровна. Нет, я не об этой любви говорю, ты меня не понимаешь... Например – из числа молодых людей, которых ты могла видеть здесь или в гостях, неужели ж ни один тебе не нравится?

Вера. Нет-с... иные мне нравятся, но...

Наталья Петровна. Например, я заметила, ты на вечере у Криницыных три раза танцевала с этим высоким офицером... как бишь его?

Вера. С офицером?

Наталья Петровна. Да, у него еще такие большие усы.

Вера. Ах, этот!.. Нет, он мне не нравится.

Наталья Петровна. Ну, а Шаланский?

Вера. Шаланский хороший человек; но он... Я думаю, ему не до меня.

Наталья Петровна. А что?

Вера. Он... он, кажется, больше думает о Лизе Вельской.

Наталья Петровна (*взглянув на нее*). А!.. ты это заметила?... (*Молчание.*) Ну, а Ракитин?

Вера. Я Михаила Александровича очень люблю...

Наталья Петровна. Да, как брата. А, кстати, Беляев?

Вера (*покраснев*). Алексей Николаич? Алексей Николаич мне нравится.

Наталья Петровна (*наблюдая за Верой*). Да, он хороший человек. Только он так со всеми дичится...

Вера (*невинно*). Нет-с... Он со мной не дичится.

Наталья Петровна. А!

Вера. Он со мной разговаривает-с. Вам, может быть, оттого это кажется, что он... Он вас боится. Он еще не успел вас узнать.

Наталья Петровна. А ты почему знаешь, что он меня боится?

Вера. Он мне сказывал.

Наталья Петровна. А! он тебе сказывал... Он, стало быть, откровеннее с тобой, чем с другими?

Вера. Я не знаю, как он с другими, но со мной... может быть, оттого, что мы оба сироты. Притом... я в его глазах... ребенок.

Наталья Петровна. Ты думаешь? Впрочем, он мне тоже очень нравится. У него, должно быть, очень доброе сердце.

Вера. Ах, предоброе-с! Если б вы знали... все в доме его любят. Он такой ласковый. Со всеми говорит, всем помочь готов. Он третьего дня нищую старуху с большой дороги на руках

до больницы донес... Он мне цветок однажды с такого обрыва сорвал, что я от страха даже глаза закрыла; я так и думала, что он упадет и расшибется... но он так ловок! Вы сами, вчера на лугу, могли видеть, как он ловок.

Наталья Петровна. Да, это правда.

Вера. Помните, когда он бежал за змеем, через какой он ров перескочил? Да ему это всё нипочем.

Наталья Петровна. И в самом деле он для тебя сорвал цветок с опасного места? – Он, видно, тебя любит.

Вера *(помолчав)*. И всегда он весел... всегда в духе...

Наталья Петровна. Это, однако же, странно. Отчего ж он при мне...

Вера *(перебивая ее)*. Да я ж вам говорю, что он вас не знает. Но постойте, я ему скажу... Я ему скажу, что вас нечего бояться – не правда ли? – что вы так добры...

Наталья Петровна *(принужденно смеясь)*. Спасибо.

Вера. Вот вы увидите... А он меня слушается, даром что я моложе его.

Наталья Петровна. Я не знала, что ты с ним в такой дружбе... Смотри, однако, Вера, будь осторожна. Он, конечно, прекрасный молодой человек... но ты знаешь, в твои лета... Оно не годится. Могут подумать... Я уже вчера тебе это заметила – помнишь? – в саду. *(Вера опускает глаза.)* С другой стороны, я не хочу тоже препятствовать твоим наклонностям, я слишком уверена в тебе и в нем... но всё-таки... Ты не сердись на меня, душа моя, за мой педантизм... это наше стариновское дело надоедать молодежи наставлениями. Впрочем, я всё это напрасно говорю; ведь, не правда ли, он тебе нравится – и больше ничего?

Вера *(робко поднимая глаза)*. Он...

Наталья Петровна. Вот ты опять на меня по-прежнему смотришь? Разве так смотрят на сестру? Вера, послушай, нагнись ко мне... *(Лаская ее.)* Что, если бы сестра, настоящая, твоя сестра, тебя теперь спросила на ушко: Верочка, ты точно никого не любишь? а? Что бы ты ей отвечала? *(Вера нерешительно взглядывает на Наталью Петровну.)* Эти глазки мне что-то хотят сказать... *(Вера вдруг прижимает свое лицо к ее груди. Наталья Петровна бледнеет – и, помолчав, продолжает.)* Ты любишь? Скажи, любишь?

Вера *(не поднимая головы)*. Ах! я не знаю сама, что со мной...

Наталья Петровна. Бедняжка! Ты влюблена... *(Вера еще более прижимается к груди Натальи Петровны.)* Ты влюблена... а он? Вера, он?

Вера *(все еще не поднимая головы)*. Что вы у меня спрашиваете... Я не знаю... Может быть... Я не знаю, не знаю... *(Наталья Петровна вздрагивает и остается неподвижной. Вера поднимает голову и вдруг замечает перемену в ее лице.)* Наталья Петровна, что с вами?

Наталья Петровна *(приходя в себя)*. Со мной... ничего.. Что?.. ничего.

Вера. Вы так бледны, Наталья Петровна... Что с вами? Позвольте, я позвоню... *(Встает.)*

Наталья Петровна. Нет, нет... не звони. Это ничего... Это пройдет. Вот уж оно и прошло.

Вера. Позвольте мне по крайней мере позвать кого-нибудь...

Наталья Петровна. Напротив... я... я хочу остаться одна. Оставьте меня, слышишь? Мы еще поговорим. Ступай.

Вера. Вы не сердитесь на меня, Наталья Петровна?

Наталья Петровна. Я? За что? Нисколько. Я, напротив, благодарна тебе за твое доверие... Только оставь меня, пожалуйста, теперь. *(Вера хочет взять ее руку, но Наталья Петровна отворачивается, как будто не замечая движения Веры.)*

Вера *(со слезами на глазах)*. Наталья Петровна...

Наталья Петровна. Оставьте меня, прошу вас. *(Вера медленно уходит в кабинет.)*

Наталья Петровна (*одна, остается некоторое время неподвижной*). Теперь мне всё ясно... Эти дети друг друга любят... (*Останавливается и проводит рукой по лицу.*) Что ж? Тем лучше... Дай бог им счастья! (*Смеется.*) И я... Я могла подумать... (*Останавливается опять.*) Она скоро проболталась... Признаюсь, я и не подозревала... Признаюсь, эта новость меня поразила... Но погодите, не всё еще кончено. Боже мой... что я говорю? что со мной? Я себя не узнаю. До чего я дошла? (*Помолчав.*) Что это я делаю? Я бедную девочку хочу замуж выдать... за старика!.. Подсылаю доктора... тот догадывается, намекает... Аркадий, Ракитин... Да я... (*Содрогается и вдруг поднимает голову.*) Да что ж это, наконец? Я к Вере ревную? Я... я влюблена в него, что ли? (*Помолчав.*) И ты еще сомневаешься? Ты влюблена, несчастная! Как это сделалось... не знаю. Словно мне яду дали... Вдруг всё разбито, рассеяно, унесено... Он боится меня... Все меня боятся. Что ему во мне?.. На что ему такое существо, как я? Он молод, и она молода. А я! (*Горько.*) Где ему меня оценить? Они оба глупы, как говорит Ракитин... Ах! ненавижу я этого умника! А Аркадий, доверчивый, добрый мой Аркадий! Боже мой, боже мой! пошли мне смерть! (*Встает.*) Однако, мне кажется, я с ума схожу. К чему преувеличивать! Ну да... я поражена... мне это в диковинку, это в первый раз... я... да! в первый раз! Я в первый раз теперь люблю! (*Она садится опять.*) Он должен уехать. Да. И Ракитин тоже. Пора мне опомниться. Я позволила себе отступить на шаг – и вот! Вот до чего я дошла. И что мне в нем понравилось? (*Задумывается.*) Так вот оно, это страшное чувство... Аркадий! Да, я уйду в его объятия, я буду умолять его простить меня, защитить, спасти меня. – Он... и больше никого! Все другие мне чужие и должны мне остаться чужими... Но разве... разве нет другого средства? Эта девочка – она ребенок. Она могла ошибиться. Это всё детство, наконец... Из чего я... Я сама с ним объяснюсь, я спрошу у него... (*С укоризной.*) А, а? Ты еще надеешься? Ты еще хочешь надеяться? И на что я надеюсь! Боже мой, не дай мне презирать самое себя! (*Склоняет голову на руки. Из кабинета входит Ракитин, бледный и встревоженный.*)

Ракитин (*подходя к Наталье Петровне*). Наталья Петровна... (*Она не шевелится. Про себя.*) Что это у ней могло быть такое с Верой? (*Громко.*) Наталья Петровна...

Наталья Петровна (*поднимая голову*). Кто это? А! вы.

Ракитин. Мне Вера Александровна сказала, что вы нездоровы... я...

Наталья Петровна (*отворачиваясь*). Я здорова... С чего она взяла...

Ракитин. Нет, Наталья Петровна; вы нездоровы, посмотрите на себя.

Наталья Петровна. Ну, может быть... да вам-то что? Что вам надобно? Зачем вы пришли?

Ракитин (*тронутым голосом*). Я вам скажу, зачем я пришел. Я пришел просить у вас прощенья. Полчаса тому назад я был несказанно глуп и груб с вами... Простите меня. Видите ли, Наталья Петровна, как бы скромны ни были желанья и... и надежды человека, ему трудно не потеряться хотя на мгновение, когда их внезапно у него вырывают; но я теперь опомнился, я понял свое положение и свою вину, и желаю только одного – вашего прощенья. (*Он тихо садится подле нее.*) Взгляните на меня... не отворачивайтесь тоже и вы. Перед вами ваш прежний Ракитин, ваш друг, человек, который не требует ничего, кроме позволения служить вам, как вы говорили, опорой... Не лишайте меня вашего доверия, располагайте мной и забудьте, что я некогда... Забудьте всё, что могло вас оскорбить...

Наталья Петровна (*которая все время неподвижно глядела на пол*). Да, Да... (*Останавливаясь.*) Ах, извините, Ракитин, я ничего не слышала, что вы такое мне говорили.

Ракитин (*печально*). Я говорил... я просил у вас прощенья, Наталья Петровна. Я спрашивал у вас, хотите ли вы позволить мне остаться вашим другом.

Наталья Петровна (*медленно поворачиваясь к нему и кладя обе руки ему на плеча*). Ракитин, скажите, что со мной?

Ракитин (*помолчав*). Вы влюблены.

Наталья Петровна (*медленно повторяя за ним*). Я влюблена... Но это безумие. Раки-тин. Это невозможно. Разве это может так внезапно... Вы говорите, я влюблена... (*Умолкает.*)

Раки-тин. Да, вы влюблены, бедная женщина... Не обманывайте себя.

Наталья Петровна (*не глядя на него*). Что ж мне остается теперь делать?

Раки-тин. Я готов вам это сказать, Наталья Петровна, если вы мне обещаете...

Наталья Петровна (*перерывая его и всё не глядя на него*). Вы знаете, что эта девочка, Вера, его любит... Они оба друг в друга влюблены.

Раки-тин. В таком случае еще одной причиной больше...

Наталья Петровна (*опять его перерывает*). Я давно это подозревала, но она сама сей-час во всем созналась... сейчас.

Раки-тин (*вполголоса, словно про себя*). Бедная женщина!

Наталья Петровна (*проводя рукой по лицу*). Ну, однако... пора опомниться. Вы мне, кажется, хотели что-то сказать... Посоветуйте мне, ради бога, Раки-тин, что мне делать...

Раки-тин. Я готов вам советовать, Наталья Петровна, только под одним условием.

Наталья Петровна. Говорите, что такое?

Раки-тин. Обещайте мне, что вы не будете подозревать мои намерения. Скажите мне, что вы верите моему бескорыстному желанию помочь вам; помогите мне тоже и вы. Ваша доверенность даст мне силу, или уж лучше позвольте мне молчать.

Наталья Петровна. Говорите, говорите.

Раки-тин. Вы не сомневаетесь во мне?

Наталья Петровна. Говорите.

Раки-тин. Ну, так слушайте: он должен уехать. (*Наталья Петровна молча глядит на него.*) Да, он должен уехать. Я не стану говорить вам о... вашем муже, о вашем долге. В моих устах эти слова... неуместны... Но эти дети любят друг друга. Вы сами это мне сейчас сказали; вообразите же вы себя теперь между ними... Да вы погибнете!

Наталья Петровна. Он должен уехать... (*Помолчав.*) А вы? вы останетесь?

Раки-тин (*с смущением*). Я?... я?... (*Помолчав.*) И я должен уехать. Для вашего покоя, для вашего счастья, для счастья Верочки, и он... и я... мы оба должны уехать навсегда.

Наталья Петровна. Раки-тин... я до того дошла, что я... я почти готова была эту бед-ную девочку, сироту, порученную мне моею матерью, – выдать замуж за глупого, смешного старика!.. У меня духа неостало, Раки-тин; слова у меня замерли на губах, когда она рассмея-лась в ответ на мое предложение... но я сговаривалась с этим доктором, я позволяла ему зна-чительно улыбаться; я сносила эти улыбки, его любезности, его намеки... О, я чувствую, что я на краю пропасти, спасите меня!

Раки-тин. Наталья Петровна, вы видите, что я был прав... (*Она молчит; он поспешно продолжает.*) Он должен уехать... мы оба должны уехать... Другого спасенья нет.

Наталья Петровна (*уныло*). Но для чего же жить потом?

Раки-тин. Боже мой, неужели же до этого дошло... Наталья Петровна, вы выздоровеете, поверьте мне... Это всё пройдет. Как для чего жить?

Наталья Петровна. Да, для чего жить, когда все меня оставляют?

Раки-тин. Но... ваше семейство... (*Наталья Петровна опускает глаза.*) Послушайте, если вы хотите, после его отъезда я могу несколько дней еще остаться... для того, чтобы...

Наталья Петровна (*мрачно*). А! я вас понимаю. Вы рассчитываете на привычку, на прежнюю дружбу... Вы надеетесь, что я приду в себя, что я к вам вернусь; не правда ли? Я понимаю вас.

Раки-тин (*краснея*). Наталья Петровна! Зачем вы меня оскорбляете?

Наталья Петровна (*горько*). Я вас понимаю... но вы обманываетесь.

Раки-тин. Как? После ваших обещаний, после того как я для вас, для вас одних, для вашего счастья, для вашего положенья в свете, наконец...

Наталья Петровна. А! давно ли вы так об нем заботитесь? Зачем же вы прежде никогда мне не говорили об этом?

Ракитин *(вставая)*. Наталья Петровна, я сегодня же, я сейчас уеду отсюда, и вы более меня никогда не увидите... *(Хочет идти.)*

Наталья Петровна *(протягивая к нему руки)*. Мишель, простите меня; я сама не знаю, что я говорю... Вы видите, в каком я положении. Простите меня.

Ракитин *(быстро возвращается к ней и берет ее за руки)*. Наталья Петровна...

Наталья Петровна. Ах, Мишель, мне невыразимо тяжело... *(Прислоняется на его плечо и прижимает платок к глазам.)* Помогите мне, я погибла без вас... *(В это мгновение дверь залы растворяется, входят Ислаев и Анна Семеновна.)*

Ислаев *(громко)*. Я всегда был того мнения... *(Останавливается в изумлении при виде Ракитина и Натальи Петровны. Наталья Петровна оглядывается и быстро уходит. Ракитин остается на месте, чрезвычайно смущенный.)*

Ислаев *(Ракитину)*. Что это значит? Что за сцена?

Ракитин. Так... ничего... это...

Ислаев. Наталья Петровна нездорова, что ли?

Ракитин. Нет... но...

Ислаев. И отчего она вдруг убежала? О чем вы с ней говорили? Она как будто плакала... Ты ее утешат... Что такое?

Ракитин. Право, ничего.

Анна Семеновна. Однако как же ничего, Михаила Александрыч? *(Помолчав.)* Я пойду, посмотрю... *(Хочет идти в кабинет.)*

Ракитин *(останавливая ее)*. Нет, вы лучше оставьте ее теперь в покое, прошу вас.

Ислаев. Да что всё это значит? скажи наконец!

Ракитин. Ничего, клянусь тебе... Послушайте, я обещаю вам обоим сегодня же всё объяснить. Слово даю вам. Но теперь, пожалуйста, если вы мне доверяете, не спрашивайте у меня ничего – и Натальи Петровны не тревожьте.

Ислаев. Пожалуй... только это удивительно. С Наташей этого прежде не бывало. Это что-то необыкновенно.

Анна Семеновна. Главное – что могло заставить Наташу плакать? И отчего она ушла!.. Разве мы чужие?

Ракитин. Что вы говорите! Как можно! – Но послушайте – признаться сказать, мы не dokonчили нашего разговора... Я вас должен попросить... обоих – оставьте нас на некоторое время одних.

Ислаев. Вот как! Стало быть, между вами тайна?

Ракитин. Тайна... но ты ее узнаешь.

Ислаев *(подумавши)*. Пойдемте, маменька... оставимте их. Пусть они dokonчат свою таинственную беседу.

Анна Семеновна. Но...

Ислаев. Пойдемте, пойдемте. – Вы слышите, он обещается всё объяснить.

Ракитин. Ты можешь быть спокоен...

Ислаев *(холодно)*. О, я совершенно спокоен! *(К Анне Семеновне.)* Пойдемте. *(Уходят оба.)*

Ракитин *(глядит им вслед и быстро подходит к дверям кабинета)*. Наталья Петровна... Наталья Петровна, выйдите, прошу вас.

Наталья Петровна *(выходит из кабинета. Она очень бледна)*. Что они сказали?

Ракитин. Ничего, успокойтесь... Они, точно, несколько удивились. Ваш муж подумал, что вы нездоровы... Он заметил ваше волнение... Сядьте; вы едва на ногах стоите... *(Наталья Петровна садится.)* Я ему сказал... я попросил его не беспокоить вас... оставить нас одних.

Наталья Петровна. И он согласился?

Ракитин. Да. Я, признаться, должен был ему обещать, что завтра всё объясню... Зачем вы ушли?

Наталья Петровна (*горько*). Зачем!.. Но что ж вы скажете?

Ракитин. Я... я придумаю что-нибудь. Теперь дело не в том... Надобно нам воспользоваться этой отсрочкой. Вы видите, это не может так продолжаться... Вы не в состоянии переносить подобные тревоги... они недостойны вас... я сам... Но не об этом речь. Будьте только вы тверды, а уж я! Послушайте, вы ведь согласны со мной...

Наталья Петровна. В чем?

Ракитин. В необходимости... нашего отъезда? Согласны? В таком случае мешкать нечего. Если вы мне позволите, я сейчас сам переговорю с Беляевым... Он благородный человек, он поймет...

Наталья Петровна. Вы хотите с ним переговорить? вы? Но что вы ему можете сказать?

Ракитин (*с смущением*). Я...

Наталья Петровна (*помолчав*). Ракитин, послушайте, не кажется ли вам, что мы оба словно сумасшедшие?.. Я испугалась, перепугала вас, и всё, может быть, из пустяков.

Ракитин. Как?

Наталья Петровна. Право. Что это мы с вами? Давно ли, кажется, всё было так тихо, так покойно в этом доме... и вдруг... откуда что взялось! Право, мы все с ума сошли. Полноте, довольно мы подурачились... Станемте жить по-прежнему... А Аркадию вам нечего будет объяснять; я сама ему расскажу наши проказы, и мы вдвоем над ними посмеемся. Я не нуждаюсь в посреднике между мной и моим мужем!

Ракитин. Наталья Петровна, вы теперь меня пугаете. Вы улыбаетесь, и бледны, как смерть... Да вспомните хоть то, что вы мне за четверть часа говорили...

Наталья Петровна. Мало ли чего нет! А впрочем, я вижу, в чем дело... Вы сами поднимаете эту бурю... для того, чтобы, по крайней мере, не одному потонуть.

Ракитин. Опять, опять подозрение, опять упрек, Наталья Петровна... Бог с вами... но вы меня терзаете. Или вы раскаиваетесь в своей откровенности?

Наталья Петровна. Я ни в чем не раскаиваюсь.

Ракитин. Так как же мне понять вас?

Наталья Петровна (*с живостью*). Ракитин, если вы хотя слово скажете от меня или обо мне Беляеву, я вам этого никогда не прощу.

Ракитин. А! вот что!.. Будьте покойны, Наталья Петровна. Я не только ничего не скажу господину Беляеву, но даже не прощусь с ним, уезжая отсюда. Я не намерен навязываться с своими услугами.

Наталья Петровна (*с некоторым смущением*). Да вы, может быть, думаете, что я переменяла свое мнение насчет... его отъезда?

Ракитин. Я ничего не думаю.

Наталья Петровна. Напротив, я так убеждена в необходимости, как вы говорите, его отъезда, что я сама намерена ему отказать. (*Помолчав.*) Да; я сама ему откажу.

Ракитин. Вы?

Наталья Петровна. Да; я. И сейчас же. Я вас прошу прислать его ко мне.

Ракитин. Как? сейчас?

Наталья Петровна. Сейчас. Я прошу вас об этом, Ракитин. Вы видите, я теперь спокойна. Притом мне теперь не помешают. Надобно этим воспользоваться... Я вам буду очень благодарна. Я его расспрошу.

Ракитин. Да он вам ничего не скажет, помилуйте. Он мне сам сознался, что ему в вашем присутствии неловко.

Наталья Петровна (*подозрительно*). А! вы уже говорили с ним обо мне? (*Ракитин пожимает плечами.*) Ну, извините, извините меня, Мишель, и пришлите мне его. Вы увидите, я ему откажу, и всё кончится. Всё пройдет и позабудется, как дурной сон. Пожалуйста, пришлите его мне. Мне непременно нужно с ним переговорить окончательно. Вы будете мной довольны. Пожалуйста.

Ракитин (*который всё время не сводил с нее взора, холодно и печально*). Извольте. Ваше желание будет исполнено. (*Идет к дверям залы.*)

Наталья Петровна (*ему вслед*). Благодарствуйте, Мишель.

Ракитин (*оборачиваясь*). О, не благодарите меня по крайней мере... (*Быстро уходит в залу.*)

Наталья Петровна (*одна, помолчав*). Он благородный человек... Но неужели я когда-нибудь его любила? (*Встает.*) Он прав. Тот должен уехать. Но как отказать ему! Я только желаю знать, точно ли ему нравится эта девочка? Может быть, это всё пустяки. Как могла я прийти в такое волнение... к чему все эти излияния? Ну, теперь делать нечего. Желаю я знать, что он мне скажет? Но он должен уехать... Непременно... непременно. Он, может быть, не захочет мне отвечать... Ведь он меня боится... Что ж? Тем лучше. Мне нечего с ним много разговаривать... (*Прикладывает руку ко лбу.*) А у меня голова болит. Не отложить ли до завтра? В самом деле. Сегодня мне всё кажется, что за мной наблюдают... До чего я дошла! Нет, уж лучше кончить разом... Еще одно, последнее усилие, и я свободна!.. О да! я жажду свободы и покоя.^[11] (*Из залы входит Беляев.*) Это он...

Беляев (*подходя к ней*). Наталья Петровна, мне Михайло Александрыч сказал, что вам угодно было меня видеть...

Наталья Петровна (*с некоторым усилием*). Да, точно... Мне нужно с вами... объясниться.

Беляев. Объясниться?

Наталья Петровна (*не глядя на него*). Да... объясниться. (*Помолчав.*) Позвольте вам сказать, Алексей Николаич, я... я недовольна вами.

Беляев. Могу я узнать, какая причина?

Наталья Петровна. Выслушайте меня... Я... я, право, не знаю, с чего начать. Впрочем, я должна предупредить вас, что мое неудовольствие не происходит от какого-нибудь упущения... по вашей части... Напротив, ваше обращение с Колей мне нравится.

Беляев. Так что же это может быть?

Наталья Петровна (*взглянув на него*). Вы напрасно тревожитесь... Ваша вина еще не так велика. Вы молоды; вероятно, никогда не жили в чужом доме. Вы не могли предвидеть...

Беляев. Но, Наталья Петровна...

Наталья Петровна. Вы желаете знать, в чем же дело наконец? Я понимаю ваше нетерпение. Итак, я должна вам сказать, что Верочка... (*взглянув на него*) Верочка мне во всем призналась.

Беляев (*с изумлением*). Вера Александровна? В чем могла вам признаться Вера Александровна? И что же я тут?

Наталья Петровна. И вы точно не знаете, в чем она могла признаться? Вы не догадываетесь?

Беляев. Я? нисколько.

Наталья Петровна. В таком случае извините меня. Если вы точно не догадываетесь – я должна просить у вас извинения. Я думала... я ошибалась. Но, позвольте вам заметить, я вам не верю. Я понимаю, что вас заставляет так говорить... Я очень уважаю вашу скромность.

Беляев. Я вас решительно не понимаю, Наталья Петровна.

Наталья Петровна. В самом деле? Неужели вы думаете меня уверить, что вы не заметили расположения этого ребенка, Веры, к вам?

Беляев. Расположение Веры Александровны ко мне? Я даже не знаю, что вам сказать на это... Помилуйте. Кажется, я всегда был с Верой Александровной, как...

Наталья Петровна. Как со всеми, не правда ли? (*Помолчав немного.*) Как бы то ни было, точно ли вы этого не знаете, притворяетесь ли вы, что не знаете, дело вот в чем: эта девочка вас любит. Она сама мне в этом созналась. Ну, теперь я спрашиваю вас, как честного человека, что вы намерены сделать?

Беляев (*с смущением*). Что я намерен сделать?

Наталья Петровна (*скрестив руки*). Да.

Беляев. Всё это так неожиданно, Наталья Петровна...

Наталья Петровна (*помолчав*). Алексей Николаич, я вижу... я нехорошо взялась за это дело. Вы меня не понимаете. Вы думаете, что я сержусь на вас... а я... только... немного взволнована. И это очень естественно. Успокойтесь. Сядемте. (*Оба садятся.*) Я буду откровенна с вами, Алексей Николаич, будьте же и вы хотя несколько более доверчивы со мной. Право, вы напрасно меня чуждаетесь. Вера вас любит... конечно, вы в этом не виноваты; я готова предположить, что вы в этом не виноваты... Но видите ли, Алексей Николаич, она сирота, моя воспитанница: я отвечаю за нее, за ее будущность, за ее счастье. Она еще молода, и, я уверена, чувство, которое вы внушили ей, может скоро исчезнуть... в ее лета любят ненадолго. Но вы понимаете, что моя обязанность была предупредить вас. Играть огнем всё-таки опасно... и я не сомневаюсь, что вы, зная теперь ее расположение к вам, перемените ваше обращение с ней, будете избегать свиданий, прогулок в саду... Не правда ли? Я могу на вас надеяться... С другим я бы побоялась так прямо объясниться.

Беляев. Наталья Петровна, поверьте, я умею ценить...

Наталья Петровна. Я вам говорю, что я в вас не сомневаюсь... притом это всё останется тайной между нами.

Беляев. Признаюсь вам, Наталья Петровна, всё, что вы мне сказали, кажется мне до того странным... конечно, я не смею не верить вам, но...

Наталья Петровна. Послушайте, Алексей Николаич. Всё, что я сказала вам теперь... я это сказала в том предположение, что с вашей стороны – нет ничего... (*перерывает самое себя*) потому что в противном случае... конечно, я вас еще мало знаю, но я настолько уже знаю вас, что не вижу причины противиться вашим намерениям. Вы не богаты... но вы молоды, у вас есть будущность, и когда два человека друг друга любят... Я, повторяю вам, я сочла своей обязанностью предупредить вас, как честного человека, насчет последствий вашего знакомства с Верой, но если вы...

Беляев (*с недоумением*). Я, право, не знаю, Наталья Петровна, что вы хотите сказать...

Наталья Петровна (*поспешно*). О, поверьте, я не требую от вас признания, я и без того... я из вашего поведения пойму, в чем дело... (*Взглянув на него.*) Впрочем, я должна вам сказать, что Вере показалось, что и вы к ней не совсем равнодушны.

Беляев (*помолчав, встает*). Наталья Петровна, я вижу: мне нельзя остаться у вас в доме.

Наталья Петровна (*вспыхнув*). Вы бы, кажется, могли подождать, чтобы я вам сама отказала... (*Встает.*)

Беляев. Вы были со мной откровенны... Позвольте же и мне быть откровенным с вами. Я не люблю Веру Александровну; по крайней мере, я не люблю ее так, как вы предполагаете.

Наталья Петровна. Да разве я... (*Останавливается.*)

Беляев. И если я понравился Вере Александровне, если ей показалось, что и я, как вы говорите, к ней неравнодушен, я не хочу ее обманывать; я ей самой всё скажу, всю правду. Но после подобного объяснения, вы поймете сами, Наталья Петровна, мне будет трудно здесь остаться: мое положение было бы слишком неловко. Я не стану вам говорить, как мне тяжело оставить ваш дом... мне другого делать нечего. Я всегда с благодарностью буду вспоминать об вас... Позвольте мне удалиться... Я еще буду иметь честь проститься с вами.

Наталья Петровна (*с притворным равнодушием*). Как хотите... но я, признаюсь, этого не ожидала... Я совсем не для того хотела с вами объясниться... Я только хотела предупредить вас... Вера еще дитя... Я, может быть, придала всему этому слишком много значенья. Я не вижу необходимости вашего отъезда. Впрочем, как хотите.

Беляев. Наталья Петровна... мне, право, невозможно более остаться здесь.

Наталья Петровна. Вам, видно, очень легко расстаться с нами!

Беляев. Нет, Наталья Петровна, не легко.

Наталья Петровна. Я не привыкла удерживать людей против их воли... но, признаюсь, это мне очень неприятно.

Беляев (*после некоторой нерешимости*). Наталья Петровна... я не желал бы причинить вам малейшую неприятность... Я остаюсь.

Наталья Петровна (*подозрительно*). А!.. (*Помолчав.*) Я не ожидала, что вы так скоро перемените ваше решение... Я вам благодарна, но... Позвольте мне подумать. Может быть, вы правы; может быть, вам точно надобно уехать. Я подумую, я вам дам знать... Вы позволите мне до сегодняшнего вечера оставить вас в неизвестности?

Беляев. Я готов ждать, сколько вам угодно. (*Кланяется и хочет уйти.*)

Наталья Петровна. Вы мне обещаете...

Беляев (*останавливаясь*). Что-с?

Наталья Петровна. Вы, кажется, хотели объясниться с Верой... Я не знаю, будет ли это прилично. Впрочем, я вам дам знать мое решение. Я начинаю думать, что вам точно надобно уехать. До свидания. (*Беляев вторично кланяется и уходит в залу. Наталья Петровна смотрит ему вслед.*) Я спокойна! Он ее не любит... (*Прохаживается по комнате.*) Итак, вместо того чтобы отказать ему, я сама его удержала? Он остается... Но что я скажу Ракитину? Что я сделала? (*Помолчав.*) И какое имела я право разгласить любовь этой бедной девочки?.. Как? Я сама выманила у ней признание... полупризнание, и потом я же сама так безжалостно, так грубо... (*Закрывает лицо руками.*) Может быть, он начинал ее любить... С какого права я растоптала этот цветок в зародыше... Да и полно, растоптала ли я его? Может быть, он обманул меня... Хотела же я его обмануть!.. О нет! Он для этого слишком благороден... Он не то, что я! И из чего я так торопилась? сейчас всё разболтала? (*Вздыхнув.*) Мало чего нет? Если бы я могла предвидеть... Как я хитрила, как я лгала перед ним... а он! Как он смело и свободно говорил.. Я склонялась перед ним... Это человек! Я его еще не знала.. Он должен уехать. Если он останется... Я чувствую, я дойду до того, что я потеряю всякое уважение к самой себе... Он должен уехать, или я погибла! Я ему напишу, пока он еще не успел увидаться с Верой... Он должен уехать! (*Быстро уходит в кабинет.*)

Действие четвертое

Театр представляет большие пустые сени. Стены голые, пол неровный, каменный; шесть кирпичных, выбеленных и облупленных колонн, по три с каждого бока, поддерживают потолок. Налево два открытых окна и дверь в сад. Направо дверь в коридор, ведущий к главному дому; прямо железная дверь в кладовую. Возле первой колонны направо садовая зеленая скамья; в одном углу несколько лопат, леек и горшков. Вечер. Красные лучи солнца падают сквозь окна на пол.

Катя (входит из двери направо, проворно идет к окну и глядит некоторое время в сад). Нет, не видать. А мне сказали, что он пошел в оранжерею. Знать, еще не вышел оттуда. Что ж, подожду, пока мимо пойдет. Ему другой дороги нету... (Вздыхает и прислоняется к окну.) Он, говорят, уезжает. (Вздыхает опять.) Как же это мы без него будем... Бедная барышня! Как она меня просила... Что ж, отчего не услужить? Пусть поговорит с ней напоследях. Экая теплынь сегодня! А, кажись, дождик накрапывает... (Опять выглядывает из окна и вдруг подается назад.) Да уж они не сюда ли?.. Точно сюда. Ах, батюшки... (Хочет убежать, но не успевает еще дойти до двери коридора, как уже из сада входит Шпигельский с Лизаветой Богдановной. Катя прячется за колонну.)

Шпигельский (отряхивая шляпу). Мы можем здесь дождик переждать. Он скоро пройдет.

Лизавета Богдановна. Пожалуй.

Шпигельский (оглядываясь). Что это за строение? Кладовая, что ли?

Лизавета Богдановна (указывая на железную дверь). Нет, кладовая вот где. Эти сени, говорят, Аркадия Сергеича батюшка пристроил, когда из чужих краев вернулся.

Шпигельский. А! я вижу, в чем дело: Венеция, сударь ты мой. (Садится на скамью.) Присядемте. (Лизавета Богдановна садится.) А признайтесь, Лизавета Богдановна, дождик этот некстати пошел Он перервал наши объяснения на самом чувствительном месте.

Лизавета Богдановна (опустив глаза). Игнатий Ильич...

Шпигельский. Но никто нам не мешает возобновить наш разговор... Кстати, вы говорите, Анна Семеновна не в духе сегодня?

Лизавета Богдановна. Да, не в духе. Она даже обедала у себя в комнате.

Шпигельский. Вот как! Экое несчастье, подумаешь!

Лизавета Богдановна. Она сегодня поутру застала Наталью Петровну в слезах... с Михайлом Александрычем... Он, конечно, свой человек, но всё-таки... Впрочем, Михайло Александрыч обещался всё объяснить.

Шпигельский. А! Ну, напрасно ж она тревожится. Михайло Александрыч, по моему мнению, никогда не был человеком опасным, а уж теперь-то менее, чем когда-нибудь.

Лизавета Богдановна. А что?

Шпигельский. Да так. Больно умно говорит. У кого сыплю, а у этих умников всё язычком выходит, болтовней. Вы, Лизавета Богдановна, и вперед не бойтесь болтунов: они не опасны, а вот те, что больше молчат, да с придурью, да темпераменту много, да затылок широк, те вот опасны.

Лизавета Богдановна (помолчав). Скажите, Наталья Петровна точно нездорова?

Шпигельский. Так же нездорова, как мы с вами.

Лизавета Богдановна. Она за обедом ничего не кушала.

Шпигельский. Не одна болезнь отнимает аппетит.

Лизавета Богдановна. Вы у Большинцова обедали?

Шпигельский. Да, у него... Я к нему съездил. И для вас только вернулся, ей-богу.

Лизавета Богдановна. Ну, полноте. А знаете ли что, Игнатий Ильич? Наталья Петровна за что-то на вас сердится... Она за столом не совсем выгодно об вас отозвалась.

Шпигельский. В самом деле? Видно, барыням не по нутру, коли у нашего брата глаза зрячие. Делай по-ихнему, помогай им – да и притворяйся еще, что не понимаешь их. Вишь, какие! Ну, однако, посмотрим. И Ракитин, чай, нос на квинту повесил?

Лизавета Богдановна. Да, он сегодня тоже как будто не в своей тарелке...

Шпигельский. Гм. А Вера Александровна? Беляев?

Лизавета Богдановна. Все, таки решительно все не в духе. Я, право, не могу придумать, что с ними сегодня со всеми?

Шпигельский. Много будете знать, до времени состареетесь, Лизавета Богдановна... Ну, впрочем, бог с ними. Поговоримте лучше об нашем деле. Дождик-то, вишь, всё еще не перестал... Хотите?

Лизавета Богдановна (*жестом опустил глаза*). Что вы у меня спрашиваете, Игнатий Ильич?

Шпигельский. Эх, Лизавета Богдановна, позвольте вам заметить: что вам за охота жеманиться, глаза вдруг эдак опускать? Мы ведь с вами люди не молодые! Эти церемонии, нежности, вздохи – это все к нам нейдет. Будемте говорить спокойно, дельно, как оно и прилично людям наших лет. Итак, вот в чем вопрос: мы друг другу нравимся... по крайней мере, я предполагаю, что я вам нравлюсь.

Лизавета Богдановна (*слегка жеманясь*). Игнатий Ильич, право...

Шпигельский. Ну да, да, хорошо. Вам, как женщине, оно даже и следует... эдак того... (*показывает рукой*) пофинтить то есть. Стало быть, мы друг другу нравимся. И в других отношениях мы тоже под пару. Я, конечно, про себя должен сказать, что я человек рода не высокого; ну да ведь и вы не знатного происхождения. Я человек не богатый; в противном случае я бы ведь и того-с... (*Усмехается.*) Но практика у меня порядочная, больные мои не все мрут; у вас, по вашим словам, пятнадцать тысяч наличных денег; это всё, изволите видеть, недурно. Притом же вам, я воображаю, надоело вечно жить в гувернантках, ну да и с старухой возиться, вистовать ей в преферанс и поддакивать – тоже, должно быть, не весело. С моей стороны, мне не то чтобы наскучила холостая жизнь, а стареюсь я, ну да и кухарки меня грабят; стало быть, оно всё, знаете ли, приходится под лад. Но вот в чем затруднение, Лизавета Богдановна: мы ведь друг друга вовсе не знаем, то есть, по правде сказать, вы меня не знаете... Я-то вас знаю. Мне ваш характер известен. Не скажу, чтобы за вами не водилось недостатков. Вы, в девицах будучи, маленько окисли, да ведь это не беда. У хорошего мужа жена что мягкий воск. Но я желаю, чтобы и вы меня знали перед свадьбой; а то вы, пожалуй, потом на меня пенять станете... Я вас обманывать не хочу.

Лизавета Богдановна (*с достоинством*). Но, Игнатий Ильич, мне кажется, я тоже имела случай узнать ваш характер...

Шпигельский. Вы? Э, полноте... Это не женское дело. Ведь вы, например, чай, думаете, что я человек веселого нрава – забавник, а?

Лизавета Богдановна. Мне всегда казалось, что вы очень любезный человек...

Шпигельский. То-то вот и есть. Видите, как легко можно ошибиться. Оттого, что я перед чужими дурачусь, анекдотцы им рассказываю, прислуживаю им, вы уж и подумали, что я в самом деле веселый человек. Если б я в них не нуждался, в этих чужих-то, да я бы и не посмотрел на них... Я и то, где только можно, без большой опасности, знаете, их же самих на смех поднимаю... Я, впрочем, не обманываю себя; я знаю, иные господа, которым и нужно-то я на каждом шагу, и скучно-то без меня, почитают себя вправе меня презирать; да ведь и я у них не в долгу. Вот, хоть бы Наталья Петровна... Вы думаете, я не вижу ее насквозь? (*Передразнивая ее.*) «Любезный доктор, я вас, право, очень люблю... у вас такой злой язык...» хе-хе, воркуй, голубушка, воркуй. Ух, эти мне барыни! И улыбаются-то оне вам и глазки эдак

щурят, а на лице написана гадливость... Брезгают оне нами, что ты будешь делать! Я понимаю, почему она сегодня дурно обо мне отзывается. Право, эти барыни удивительный народ! Оттого, что они каждый день одеколоном моются да говорят эдак небрежно, словно роняют слова – подбирай, мол, ты! – уж оне и воображают, что их за хвост поймать нельзя. Да, как бы не так! Такие же смертные, как и все мы, грешные!

Лизавета Богдановна. Игнатий Ильич... Вы меня удивляете.

Шпигельский. Я знал, что я вас удивлю. Вы, стало быть, видите, что я человек не веселый вовсе, может быть, даже и не слишком добрый... Но я тоже не хочу прослыть перед вами тем, чем я никогда не был. Как я ни ломаюсь перед господами, шутю меня никто не видал, по носу меня еще никто не щелкнул. Они меня даже, могу сказать, побаиваются; они знают, что я кусаюсь. Однажды, года три тому назад, один господин, черноземный такой, сдуру, за столом, взял да мне в волосы редьку воткнул. Что вы думаете? Я его в ту же минуту и не горячась, знаете, самым вежливым образом вызвал на дуэль. Черноземного от испуга чуть паралич не хватил; хозяин извиниться его заставил – эффект вышел необыкновенный!.. Я, признаться сказать, наперед знал, что он драться не станет. Вот, видите ли, Лизавета Богдановна, самолюбия у меня тьма; да жизнь уж такая вышла. Таланты тоже не большие... учился я кой-как. Доктор я плохой, перед вами мне нечего скрываться, и если вы когда у меня занеможете, не я вас лечить стану. Кабы таланты да воспитание, я бы в столицу махнул. Ну, для здешних обывателей, конечно, лучшего доктора и не надо. Что же касается собственно моего нрава, то я должен предупредить вас, Лизавета Богдановна: дома я угрюм, молчалив, взыскателен; не сержусь, когда мне угрожают и услуживают; люблю, чтобы замечали мои привычки и вкусно меня кормили; а впрочем, я не ревнив и не скуп, и в моем отсутствии вы можете делать всё, что вам угодно. Об романтической эдакой любви между нами, вы понимаете, и говорить нечего; а впрочем, я воображаю, что со мной еще можно жить под одной крышей... Лишь бы мне угождали да не плакали при мне, этого я терпеть не могу! А я не придиричив. Вот вам моя исповедь. Ну-с, что вы теперь скажете?

Лизавета Богдановна. Что мне вам сказать, Игнатий Ильич... Если вы не очернили себя с намерением...

Шпигельский. Да чем же я себя очернил? Вы не забудьте того, что другой бы на моем месте преспокойно промолчал бы о своих недостатках, благо вы ничего не заметили, а после свадьбы, шалишь, после свадьбы поздно. Но я для этого слишком горд. (*Лизавета Богдановна взглядывает на него.*) Да, да, горд... как вы ни изволите глядеть на меня. Я перед моей будущей женой притворяться и лгать не намерен, не только из пятнадцати, из ста тысяч; а чужому я из-за куля муки низехонько поклонюсь. Таков уж мой нрав... Чужому-то я зубы скалю, а внутренно думаю: экой ты болван, братец, на какую удочку идешь; а с вами я говорю, что думаю. То есть, позвольте, и вам я не всё говорю, что думаю; по крайней мере я вас не обманываю. Я должен вам большим чудачком казаться, точно, да вот постоите, я вам когда-нибудь расскажу мою жизнь: вы удивитесь, как я еще настолько уцелел. Вы тоже, чай, в детстве не на золоте ели, а всё-таки вы, голубушка, не можете себе представить, что такое настоящая, заматерелая бедность... Впрочем, это я вам всё когда-нибудь в другое время расскажу. А теперь вот вы лучше обдумайте, что я вам имел честь доложить... Обсудите хорошенько, наедине, это дельцо, да и сообщите мне ваше решение. Вы, сколько я мог заметить, женщина благоразумная. Вы... Кстати, сколько вам лет?

Лизавета Богдановна. Мне... мне... тридцать лет....

Шпигельский (*спокойно*). А вот и неправда: вам целых сорок.

Лизавета Богдановна (*вспыхнув*). Совсем не сорок, а тридцать шесть.

Шпигельский. Всё же не тридцать. Вот и от этого вам, Лизавета Богдановна, надобно отвыкнуть, тем более что замужняя женщина в тридцать шесть лет вовсе не стара. Табак тоже вы напрасно нюхаете. (*Вставая.*) А дождик, кажется, перестал.

Лизавета Богдановна (*тоже вставая*). Да, перестал.

Шпигельский. Итак, вы мне на днях дадите ответ?

Лизавета Богдановна. Я вам завтра же скажу мое решение.

Шпигельский. Вот люблю!.. Вот что умно, так умно! Ай да Лизавета Богдановна! Ну, дайте ж мне вашу руку. Пойдемте домой.

Лизавета Богдановна (*отдавая ему свою руку*). Пойдемте.

Шпигельский. А кстати: я не поцеловал ее у вас... а оно, кажется, требуется... Ну, на этот раз куда ни шло! (*Целует ее руку. Лизавета Богдановна краснеет.*) Вот так. (*Направляется к двери сада.*)

Лизавета Богдановна (*останавливаясь*). Так вы думаете, Игнатий Ильич, что Михайло Александрович точно не опасный человек?

Шпигельский. Я думаю.

Лизавета Богдановна. Знаете ли что, Игнатий Ильич? мне кажется, Наталья Петровна с некоторых пор... мне кажется, что господин Беляев... Она обращает на него внимание... а? Да и Верочка, как вы думаете? Уж не от этого ли сегодня...

Шпигельский (*перебывая ее*). Я забыл вам еще одно сказать, Лизавета Богдановна. Я сам ужасно любопытен, а любопытных женщин терпеть не могу. То есть я объяснюсь: по-моему, жена должна быть любопытна и наблюдательна (*это даже очень полезно для ее мужа*), только с другими... Вы понимаете меня: с другими. Впрочем, если вам непременно хочется знать мое мнение насчет Натальи Петровны, Веры Александровны, господина Беляева и вообще здешних жителей, слушайте же, я вам спою песенку. У меня голос прескверный, да вы не взыщите.

Лизавета Богдановна (*с удивлением*). Песенку!

Шпигельский. Слушайте! Первый куплет:

Жил-был у бабушки серенький козлик,^[12]
Жил-был у бабушки серенький козлик,
Фить как! вот как! серенький козлик!
Фить как! вот как! серенький козлик!

Второй куплет:

Вздумалось козлику в лес погуляти,
Вздумалось козлику в лес погуляти,
Фить как! вот как! в лес погуляти!
Фить как! вот как! в лес погуляти!

Лизавета Богдановна. Но я, право, не понимаю...

Шпигельский. Слушайте же! Третий куплет:

Серые во-олки козлика съели,
Серые во-олки козлика съели. (*Подпрыгивая.*)
Фить как! вот как! козлика съели!
Фить как! вот как! козлика съели!

А теперь пойдемте. Мне же, кстати, нужно с Натальей Петровной потолковать. Авось не укусит. Если я не ошибаюсь, я ей еще нужен. Пойдемте. (*Уходят в сад.*)

Катя (*осторожно выходя из-за колонны*). Насилу-то ушли! Экой этот лекарь злоющий... говорил, говорил, что говорил! А уж поет-то как? Боюсь я, как бы тем временем Алексей Николаич домой не вернулся... И нужно ж им было именно сюда прийти! (*Подходит к окну.*) А

Лизавета Богдановна? лекаршей будет... (*Смеется.*) Вишь, какая... Ну, да я ей не завидую... (*Выглядывает из окна.*) Как трава славно обмылась... как хорошо пахнет... Это от черемухи так пахнет... А, да вот он идет. (*Подождав.*) Алексей Николаич!.. Алексей Николаич...

Голос Беляева (*за кулисами*). Кто меня зовет? А, это ты, Катя? (*Подходит к окну.*) Что тебе надобно?

Катя. Войдите сюда... мне вам нужно что-то сказать.

Беляев. А! изволь. (*Отходит от окна и через минуту входит в двери.*) Вот я.

Катя. Вас дождик не замочил?

Беляев. Нет... я в теплице сидел с Потапом... что, он тебе дядей, что ли, приходится?

Катя. Да-с. Они мне дяденька.

Беляев. Какая ты сегодня хорошенькая! (*Катя улыбается и опускает глаза. Он достает из кармана персик.*) Хочешь?

Катя (*отказываясь*). Покорно благодарю... покушайте сами.

Беляев. А я разве отказался, когда ты мне вчера малины поднесла? Возьми... я для тебя его сорвал... право.

Катя. Ну, благодарствуйте. (*Берет персик.*)

Беляев. То-то же. Так что ж ты мне сказать хотела?

Катя. Барышня... Вера Александровна, попросила меня... Она желают вас видеть.

Беляев. А! Ну, я сейчас к ней пойду.

Катя. Нет-с... оне сами сюда будут. Им нужно с вами переговорить.

Беляев (*с некоторым изумлением*). Она хочет сюда прийти?

Катя. Да-с. Здесь, знаете ли... Сюда никто не заходит. Здесь не могут помешать... (*Вздыхает.*) Она вас очень любит, Алексей Николаич... Она такая добрая. Я схожу теперь за ней, хотите? А вы подождете?

Беляев. Конечно, конечно.

Катя. Сейчас... (*Идет и останавливается.*) Алексей Николаич, правда ли, говорят, вы от нас уезжаете?

Беляев. Я? нет... Кто тебе сказал?

Катя. Так вы не уезжаете? Ну, и слава богу! (*С смущением.*) Мы сейчас вернемся. (*Уходит в дверь, ведущую в дом.*)

Беляев (*остаётся на некоторое время неподвижным*). Это чудеса! чудеса со мной происходят. Признаюсь, я всего этого никак не ожидал... Вера меня любит... Наталья Петровна это знает... Вера сама ей во всем созналась... чудеса! Вера – такой милый, добрый ребенок; но... что значит, например, эта записка? (*Достает из кармана небольшой лоскуток бумаги.*) От Натальи Петровны... карандашом. «Не уезжайте, не решайтесь ни на что, пока я с вами не переговорила». О чем она хочет говорить со мной? (*Помолчав.*) Какие глупые мысли мне приходят в голову! Признаюсь, всё это меня чрезвычайно смущает. Если бы кто-нибудь мне месяц тому назад сказал, что я... я... Я никак не могу прийти в себя после этого разговора с Натальей Петровной. Отчего у меня сердце так бьется? И теперь Вера вот хочет меня видеть... Чтб я ей скажу! По крайней мере, я узнаю, в чем дело... Может быть, Наталья Петровна на меня сердится... Да за что же? (*Рассматривает опять записку.*) Это всё странно, очень странно. (*Дверь тихонько растворяется. Он быстро прячет записку. На пороге показываются Вера и Катя. Он подходит к ним. Вера очень бледна, не поднимает глаз и не трогается с места.*)

Катя. Не бойтесь, барышня, подойдите к нему; я буду настороже... Не бойтесь. (*Беляеву.*) Ах, Алексей Николаич! (*Она закрывает окна, уходит в сад и запирает за собою дверь.*)

Беляев. Вера Александровна... вы хотели меня видеть. Подойдите сюда, сядьте вот здесь. (*Берет ее за руку и ведет к скамье. Вера садится.*) Вот так. (*С удивлением глядя на нее.*) Вы плакали?

Вера (*не поднимая глаз*). Это ничего... Я пришла просить у вас прощения, Алексей Николаич.

Беляев. В чем?

Вера. Я слышала... у вас было неприятное объяснение с Натальей Петровной... Вы уезжаете... Вам отказали.

Беляев. Кто вам это сказал?

Вера. Сама Наталья Петровна... Я встретила ее после вашего объяснения с ней... Она мне сказала, что вы сами не хотите больше остаться у нас. Но я думаю, что вам отказали.

Беляев. Скажите, в доме это знают?

Вера. Нет... Одна Катя... Я должна была ей сказать... Я хотела с вами говорить, попросить у вас прощения. Представьте же теперь, как мне должно быть тяжело... Ведь я всему причиной, Алексей Николаич; я одна виновата.

Беляев. Вы, Вера Александровна?

Вера. Я никак не могла ожидать... Наталья Петровна... Впрочем, я ее извиняю. Извините меня и вы... Сегодня поутру я была глупым ребенком, а теперь... (*Останавливается.*)

Беляев. Еще ничего не решено, Вера Александровна... Я, может быть, останусь.

Вера (*печально*). Вы говорите, ничего не решено, Алексей Николаич... Нет, всё решено, всё кончено. Вот вы как со мной теперь; а помните, еще вчера в саду... (*Помолчав.*) Ах, я вижу, Наталья Петровна вам всё сказала.

Беляев (*с смущением*). Вера Александровна...

Вера. Она вам всё сказала, я это вижу... Она хотела поймать меня, и я, глупая, так и бросилась в ее сети... Но и она выдала себя... Я всё-таки не такой уже ребенок. (*Понизив голос.*) О, нет!

Беляев. Что вы хотите сказать?

Вера (*взглянув на него*). Алексей Николаич, точно ли вы сами хотели оставить нас?

Беляев. Да.

Вера. Отчего? (*Беляев молчит.*) Вы мне не отвечаете?

Беляев. Вера Александровна, вы не ошиблись... Наталья Петровна мне всё сказала.

Вера (*слабым голосом*). Что, например?

Беляев. Вера Александровна... Мне, право, невозможно... Вы меня понимаете.

Вера. Она вам, может быть, сказала, что я вас люблю?

Беляев (*нерешительно*). Да.

Вера (*быстро*). Да это неправда...

Беляев (*с смущением*). Как!..

Вера (*закрывает лицо руками и глухо шепчет сквозь пальцы*). Я, по крайней мере, ей этого не сказала, я не помню... (*Поднимая голову.*) О, как жестоко она поступила со мной! И вы... вы от этого хотите уехать?

Беляев. Вера Александровна, посудите сами...

Вера (*взглянув на него*). Он меня не любит! (*Опять закрывает лицо.*)

Беляев (*садится подле нее и берет ее руку*). Вера Александровна, дайте мне вашу руку... Послушайте, между нами не должно быть недоразумений. Я люблю вас, как сестру; я люблю вас, потому что вас нельзя не любить. Извините меня, если я... Я отроду не был в таком положении... Я бы не желал оскорбить вас... Я не стану притворяться перед вами; я знаю, что я вам понравился, что вы меня полюбили... Но посудите сами, что из этого может выйти? Мне всего двадцать лет, за мной гроша нету. Пожалуйста, не сердитесь на меня. Я, право, не знаю, что вам сказать.

Вера (*отнимая руки от лица и глядя на него*). И как будто я что-нибудь требовала, боже мой! Но зачем же так жестоко, так немилосердно... (*Она останавливается.*)

Беляев. Вера Александровна, я не желал огорчить вас.

Вера. Я вас не обвиняю, Алексей Николаич. В чем вы виноваты! Виновата одна я... За то и наказана! Я и ее не обвиняю; я знаю, она добрая женщина, но она не могла переломить себя... Она потерялась.

Беляев (*с недоумением*). Потерялась?

Вера (*оборачиваясь к нему*). Наталья Петровна вас любит, Беляев.

Беляев. Как?

Вера. Она влюблена в вас.

Беляев. Что вы говорите?

Вера. Я знаю, что я говорю. Сегодняшний день меня состарил... Я не ребенок больше, поверьте. Она вздумала ревновать... ко мне! (*С горькой улыбкой.*) Как вам это кажется?

Беляев. Да это быть не может!

Вера. Не может быть... Но зачем же она вдруг вздумала выдать меня за этого господина, как бишь его, за Большинцова? Зачем подсылала ко мне доктора, зачем сама уговаривала меня? О, я знаю, что я говорю! Если б вы могли видеть, Беляев, как у ней всё лицо переменялось, когда я ей сказала... О, вы не можете вообразить, как хитро, как лукаво она выманивала у меня это сознание... Да, она вас любит; это слишком ясно...

Беляев. Вера Александровна, вы ошибаетесь, уверяю вас.

Вера. Нет, я не ошибаюсь. Поверьте мне: я не ошибаюсь. Если она вас не любит, зачем же она меня так истерзала? Что я ей сделала? (*Горько.*) Ревность всё извиняет. Да что и говорить!.. И теперь вот, зачем она вам отказывает? Она думает, что вы... что мы с вами... О, она может успокоиться! Вы можете остаться! (*Закрывает лицо руками.*)

Беляев. Она до сих пор мне не отказала, Вера Александровна... Я вам уже сказывал, что еще ничего не решено...

Вера (*вдруг поднимает голову и глядит на него*). В самом деле?

Беляев. Да... но зачем вы так смотрите на меня?

Вера (*словно про себя*). А! я понимаю... Да, да... она сама еще надеется... (*Дверь из коридора быстро растворяется, и на пороге показывается Наталья Петровна. Она останавливается при виде Веры и Беляева.*)

Беляев. Что вы говорите?

Вера. Да, теперь мне всё ясно... Она опомнилась, она поняла, что я ей не опасна! и в самом деле, что я такое? Глупая девчонка, а она!

Беляев. Вера Александровна, как вы можете думать...

Вера. Да и наконец, кто знает? Может быть, она права... может быть, вы ее любите...

Беляев. Я?

Вера (*вставая*). Да, вы; отчего вы краснеете?

Беляев. Я, Вера Александровна?

Вера. Вы ее любите, вы можете ее полюбить?.. Вы не отвечаете на мой вопрос?

Беляев. Но помилуйте, что вы хотите, чтобы я отвечал вам? Вера Александровна, вы так взволнованы... Успокойтесь, ради бога...

Вера (*отворачиваясь от него*). О, вы обращаетесь со мной, как с ребенком... Вы даже не удостоиваете меня серьезного ответа... Вы просто желаете отделаться... Вы меня утешаете! (*Хочет уйти, но вдруг останавливается при виде Натальи Петровны.*) Наталья Петровна... (*Беляев быстро оглядывается.*)

Наталья Петровна (*делая несколько шагов вперед*). Да, я. (*Она говорит с некоторым усилием.*) Я пришла за тобой, Верочка.

Вера (*медленно и холодно*). Почему вам вздумалось именно сюда прийти? Вы, стало быть, меня искали?

Наталья Петровна. Да, я тебя искала. Ты неосторожна, Верочка... Уже не раз я тебе говорила... И вы, Алексей Николаич, вы забыли ваше обещание... Вы меня обманули.

Вера. Да полноте же наконец, Наталья Петровна, перестаньте! *(Наталья Петровна с изумлением глядит на нее.)* Полно вам говорить со мной, как с ребенком... *(Понизив голос.)* Я женщина с сегодняшнего дня... Я такая же женщина, как вы.

Наталья Петровна *(с смущением)*. Вера...

Вера *(почти шёпотом)*. Он вас не обманул... Не он искал этого свидания со мной. Ведь он меня не любит, вы это знаете, вам нечего ревновать.

Наталья Петровна *(с возрастающим изумлением)*. Вера!

Вера. Поверьте мне... не хитрите больше. Эти хитрости теперь уж ни к чему не служат... Я их насквозь вижу теперь. Поверьте. Я, Наталья Петровна, для вас не воспитанница, за которой вы наблюдаете *(с иронией)*, как старшая сестра... *(Пододвигается к ней.)* Я для вас соперница.

Наталья Петровна. Вера, вы забываетесь...

Вера. Может быть... но кто меня до этого довел? Я сама не понимаю, откуда у меня берется смелость так говорить с вами... Может быть, я говорю так оттого, что я ни на что более не надеюсь, оттого что вам угодно было растоптать меня... И вам это удалось... совершенно. Но слушайте: я не намерена лукавить с вами, как вы со мной... знайте: я ему *(указывая на Беляева)* всё сказала.

Наталья Петровна. Что вы могли ему сказать?

Вера. Что? *(С иронией.)* Да всё то, что мне удалось заметить. Вы надеялись из меня всё выведать, не выдавши самой себя. Вы ошиблись, Наталья Петровна. Вы слишком рассчитывали на свои силы...

Наталья Петровна. Вера, Вера, опомнитесь...

Вера *(шёпотом и еще ближе пододвинувшись к ней)*. Скажите же мне, что я ошибаюсь... Скажите мне, что вы его не любите... Сказал же он мне, что он меня не любит! *(Наталья Петровна в смущении молчит. Вера остается некоторое время неподвижной и вдруг прикладывает руку ко лбу.)* Наталья Петровна, простите меня... я... я сама не знаю... что со мною, простите меня, будьте снисходительны... *(Заливается слезами и быстро уходит в дверь коридора. Молчание.)*

Беляев *(подходя к Наталье Петровне)*. Я могу вас уверить, Наталья Петровна...

Наталья Петровна *(неподвижно глядя на пол протягивает руку в его направлении)*. Остановитесь, Алексей Николаич. Точно... Вера права... Пора... пора перестать мне хитрить. Я виновата перед ней, перед вами – вы вправе презирать меня. *(Беляев делает невольное движение.)* Я унилась в собственных глазах. Мне остается одно средство снова заслужить ваше уважение: откровенность, полная откровенность, какие бы ни были последствия. Притом я вас вижу в последний раз, я в последний раз говорю с вами. Я люблю вас. *(Она все не глядит на него.)*

Беляев. Вы, Наталья Петровна!..

Наталья Петровна. Да, я. Я вас люблю. Вера не обманулась и не обманула вас. Я любила вас с первого дня вашего приезда, но сама узнала об этом со вчерашнего дня. Я не намерена оправдывать мое поведение... Оно было недостойно меня... но по крайней мере вы теперь можете понять, можете извинить меня. Да, я ревновала к Вере; да, я мысленно выдавала ее за Большинцова, для того чтобы удалить ее от себя и от вас; да, я воспользовалась преимуществом моих лет, моего положения, чтобы выведать ее тайну, и – конечно, я этого не ожидала – и сама себя выдала. Я вас люблю, Беляев; но знайте: одна гордость вынуждает у меня это признание... комедия, разыгранная мною до сих пор, меня возмутила наконец. Вы не можете остаться здесь... Впрочем, после того, что я вам сейчас сказала, вам, вероятно, в моем присутствии будет очень неловко, и вы сами захотите как можно скорее удалиться отсюда. Я в этом уверена. Эта уверенность придала мне смелость. Я, признаюсь, не хотела, чтобы вы унесли дурное воспоминание обо мне. Теперь вы всё знаете... Я, может быть, помешала вам... может

быть, если б всё это не случилось, вы бы полюбили Верочку... У меня только одно извинение, Алексей Николаич... Всё это не было в моей власти. *(Она умолкает. Она все это говорит довольно ровным и спокойным голосом, не глядя на Беляева. Он молчит. Она продолжает с некоторым волнением, всё не глядя на него.)* Вы мне не отвечаете?.. Впрочем, я это понимаю. Вам нечего мне сказать. Положение человека, который не любит и которому объясняются в любви, слишком тягостно. Я благодарю вас за ваше молчание. Поверьте, когда я вам сказала... что я люблю вас, я не хитрила... по-прежнему; я ни на что не рассчитывала; напротив: я хотела сбросить наконец с себя личину, к которой, могу вас уверить, я не привыкла... Да и наконец, к чему еще жеманиться и лукавить, когда всё известно; к чему еще притворяться, когда даже некого обманывать? Всё кончено теперь между нами. Я вас более не удерживаю. Вы можете уйти отсюда, не сказавши мне ни слова, не простившись даже со мной. Я не только не сочту это за невежливость, напротив – я вам буду благодарна. Есть случаи, в которых деликатность неуместна... хуже грубости. Видно, нам не было суждено узнать друг друга. Прощайте. Да, нам не было суждено узнать друг друга... но, по крайней мере, я надеюсь, что теперь я в ваших глазах перестала быть тем притеснительным, скрытным и хитрым существом... Прощайте, навсегда. *(Беляев в волнение хочет что-то сказать и не может.)* Вы не уходите?

Беляев *(кланяется, хочет уйти и после некоторой борьбы с самим собою возвращается)*. Нет, я не могу уйти... *(Наталья Петровна в первый раз взглядывает на него.)* Я не могу уйти так!.. Послушайте, Наталья Петровна, вы вот сейчас мне сказали... вы не желаете, чтобы я унес невыгодное воспоминание об вас, но и я не хочу, чтобы и вы вспомнили обо мне, как о человеке, который... Боже мой! Я не знаю, как выразиться... Наталья Петровна, извините меня... Я не умею говорить с дамами... Я до сих пор знал... совсем не таких женщин. Вы говорите, что нам не было суждено узнать друг друга, но помилуйте, мог ли я, простой, почти необразованный мальчик, мог ли я даже думать о сближении с вами? Вспомните, кто вы и кто я! Вспомните, мог ли я сметь подумать... С вашим воспитанием... Да что я говорю о воспитании... Взгляните на меня... этот старый сюртук, и ваши пахучие платья... Помилуйте! Ну да! я боялся вас, я и теперь боюсь вас... Я, без всяких преувеличений, глядел на вас, как на существо высшее, и между тем... вы, вы говорите мне, что вы меня любите... вы, Наталья Петровна! Меня!.. Я чувствую, сердце во мне бьется, как отроду не билось; оно бьется не от одного изумления, не самолюбие во мне польщено... где!.. не до самолюбия теперь... Но я... я не могу уйти так, воля ваша!

Наталья Петровна *(помолчав, словно про себя)*. Что я сделала!

Беляев. Наталья Петровна, ради бога, поверьте...

Наталья Петровна *(измененным голосом)*. Алексей Николаич, если б я не знала вас за человека благородного, за человека, которому ложь недоступна, я бы могла бог знает что подумать. Я бы, может быть, раскаялась в своей откровенности. Но я верю вам. Я не хочу скрыть перед вами мои чувства: я благодарна вам за то, что вы мне сейчас сказали. Я теперь знаю, почему мы не сошлись... Стало быть, собственно во мне ничего вас не отталкивало... Одно мое положение... *(Останавливается.)* Всё к лучшему, конечно... но мне теперь легче будет расстаться с вами... Прощайте. *(Хочет уйти.)*

Беляев *(помолчав)*. Наталья Петровна, я знаю, что мне нельзя здесь остаться... но я не могу передать вам всё, что во мне происходит. Вы меня любите... мне даже страшно выговорить эти слова... все это для меня так ново... мне кажется, я вас вижу, слышу вас в первый раз, но я чувствую одно: мне необходимо уехать... я чувствую, что я ни за что отвечать не могу...

Наталья Петровна *(слабым голосом)*. Да, Беляев, вы должны уехать... Теперь, после этого объяснения, вы можете уехать... И неужели же точно, несмотря на всё, что я сделала... О, поверьте, если б я могла хоть отдаленно подозревать всё то, что вы мне теперь сказали – это признание, Беляев, оно бы умерло во мне... Я хотела только прекратить все недоразумения,

я хотела покаяться, наказать себя, я хотела разом перервать последнюю нить. Если б я могла себе представить... *(Она закрывает себе лицо.)*

Беляев. Я вам верю, Наталья Петровна, я верю вам. Да я сам, за четверть часа... разве я воображал... Я только сегодня, во время нашего последнего свиданья перед обедом, в первый раз почувствовал что-то необыкновенное, небывалое, словно чья-то рука мне стиснула сердце, и так горячо стало в груди... Я, точно, прежде как будто чуждался, как будто даже не любил вас; но, когда вы мне сказали сегодня, что Вере Александровне показалось... *(Останавливается.)*

Наталья Петровна *(с невольной улыбкой счастья на губах)*. Полноте, полноте, Беляев; нам не об этом должно думать. Нам не должно позабыть, что мы говорим друг с другом в последний раз... что вы завтра уезжаете...

Беляев. О, да! я завтра же уеду! Теперь я еще могу уехать... Всё это пройдет... Вы видите, я не хочу преувеличивать... Я уеду... а там, что бог даст! Я унесу с собой одно воспоминанье, я вечно буду помнить, что вы меня полюбили... Но как же это я до сих пор не узнал вас? Вот вы смотрите на меня теперь. Неужели я когда-нибудь старался избегать вашего взгляда... Неужели я когда-нибудь робел в вашем присутствии?

Наталья Петровна *(с улыбкой)*. Вы сейчас мне сказали, что вы боитесь меня.

Беляев. Я? *(Помолчав.)* Точно... Я сам себе удивляюсь... Я, я так смело говорю с вами? Я себя не узнаю.

Наталья Петровна. И вы не обманываетесь?..

Беляев. В чем?

Наталья Петровна. В том, что вы меня... *(Вздрагивая.)* О боже, что я делаю... Послушайте, Беляев... Придите ко мне на помощь... Ни одна женщина не находилась еще в подобном положении. Я не в силах больше, право... Может быть, оно так к лучшему, всё разом прекращено, но мы по крайней мере узнали друг друга... Дайте мне руку – и прощайте навсегда.

Беляев *(берет ее за руку)*. Наталья Петровна... я не знаю, что вам сказать на прощанье... сердце у меня так полно... Дай вам бог... *(Останавливается и прижимает ее руку к губам.)* Прощайте. *(Хочет уйти в садовую дверь.)*

Наталья Петровна *(глядя ему вслед)*. Беляев...

Беляев *(оборачиваясь)*. Наталья Петровна...

Наталья Петровна *(помолчав некоторое время, слабым голосом)*. Оставайтесь...

Беляев. Как?..

Наталья Петровна. Оставайтесь, и пусть бог нас рассудит! *(Она прячет голову в руки.)*

Беляев *(быстро подходит к ней и протягивает к ней руки)*. Наталья Петровна... *(В это мгновение дверь из сада растворяется, и на пороге показывается Раkitин. Он некоторое время глядит на обоих и вдруг подходит к ним.)*

Раkitин *(громко)*. А вас везде ищут, Наталья Петровна... *(Наталья Петровна и Беляев оглядываются.)*

Наталья Петровна *(отнимая руки от лица и словно приходя в себя)*. А, это вы... Кто меня ищет? *(Беляев, смущенный, кланяется Наталье Петровне и хочет уйти.)* Вы уходите, Алексей Николаич... не забудьте же, вы знаете... *(Он вторично кланяется ей и уходит в сад.)*

Раkitин. Аркадий вас ищет... Признаюсь, я не ожидал найти вас здесь... но, проходя мимо...

Наталья Петровна *(с улыбкой)*. Вы услышали наши голоса... Я встретила здесь Алексея Николаича... и имела с ним небольшое объяснение... Сегодня, видно, день объяснений, но теперь мы можем пойти домой... *(Хочет идти в дверь коридора.)*

Раkitин *(с некоторым волнением)*. Могу узнать... какое решение...

Наталья Петровна *(притворяясь удивленной)*. Какое решение?.. Я вас не понимаю.

Раkitин *(долго помолчав, печально)*. В таком случае я всё понимаю.

Наталья Петровна. Ну так и есть... Опять таинственные намеки! Ну да, я объяснилась с ним, и теперь всё опять пришло в порядок... Это пустяки были, преувеличенья... Всё, о чем мы говорили с вами, всё это ребячество. Это следует теперь позабыть.

Ракитин. Я вас не расспрашиваю, Наталья Петровна.

Наталья Петровна *(с принужденной развязностью)*. Что бишь я хотела сказать вам... Не помню. Всё равно. Пойдемте. Всё это кончено... всё прошло.

Ракитин *(пристально поглядев на нее)*. Да, всё кончено. Как вам должно быть теперь досадно на себя... за вашу сегодняшнюю откровенность... *(Он отворачивается.)*

Наталья Петровна. Ракитин... *(Он опять взглядывает на нее; она, видимо, не знает, что сказать.)* Вы еще не говорили с Аркадием?

Ракитин. Никак нет-с... Я еще не успел приготовиться... Вы понимаете, надобно что-нибудь сочинить...

Наталья Петровна. Как это несносно! Чего они от меня хотят? Следят за мной на каждом шагу. Ракитин, мне, право, совестно перед вами...

Ракитин. О, Наталья Петровна, не извольте беспокоиться... К чему? Всё это в порядке вещей. Но как заметно, что господин Беляев еще новичок! И к чему это он так смешался, убежал... Впрочем, со временем... *(вполголоса и скоро)* вы оба научитесь притворяться... *(Громко.)* Пойдемте. *(Наталья Петровна хочет подойти к нему и останавливается. В это мгновение за дверью сада раздается голос Ислаева: «Он сюда пошел, вы говорите?» и вслед за тем входят Ислаев и Шпигельский.)*

Ислаев. Точно... вот он. Ба, ба, ба! Да и Наталья Петровна тут же! *(Подходя к ней.)* Что это? продолжение сегодняшнего объяснения? – Видно, предмет важный.

Ракитин. Я встретил здесь Наталью Петровну...

Ислаев. Встретил? *(Оглядывается.)* Какое проходное место, подумаешь?

Наталья Петровна. Да зашел же ты сюда...

Ислаев. Я зашел сюда потому... *(Останавливается.)*

Наталья Петровна. Ты меня искал?

Ислаев *(помолчав)*. Да – я искал тебя. Не хочешь ли ты вернуться домой? Чай уже готов. Скоро смеркнется.

Наталья Петровна *(берет его руку)*. Пойдем.

Ислаев *(оглядываясь)*. А из этих сеней можно сделать две хорошие комнаты для садовников – или другую людскую – как вы полагаете, Шпигельский?

Шпигельский. Разумеется.

Ислаев. Пойдем садом, Наташа. *(Идет в садовую дверь. Он в течение всей этой сцены ни разу не взглянул на Ракитина, На пороге он оборачивается до половины.)* Господа, что же вы? Пойдемте чай пить. *(Уходит с Натальей Петровной.)*

Шпигельский *(Ракитину)*. Что ж, Михайло Александрыч, пойдемте... Дайте мне руку... Видно, нам с вами суждено состоять в арьергарде...

Ракитин *(с сердцем)*. Ах, господин доктор, вы, позвольте вам сказать, вы мне очень надоели...

Шпигельский *(с притворным добродушием)*. А уж себе-то как я надоел, Михайло Александрыч, если б вы знали! *(Ракитин невольно улыбается.)* Пойдемте, пойдемте... *(Оба уходят в дверь сада.)*

Действие пятое

Та же декорация, как в первом и третьем действиях. Утро. За столом сидит Ислаев и рассматривает бумаги. Он вдруг встает.

Ислаев. Нет! решительно не могу сегодня заниматься. Словно гвоздь засел мне в голову. (*Прохаживается.*) Признаюсь, я этого не ожидал; я не ожидал, что я буду тревожиться... как теперь тревожусь. – Как тут поступить?... вот в чем задача. (*Задумывается и вдруг кричит.*) Матвей!

Матвей (*входя*). Что прикажете?

Ислаев. Старосту мне позвать... Да копачам на плотине вели подождать меня... Ступай.

Матвей. Слушаю-с. (*Уходит.*)

Ислаев (*подходя опять к столу и перелистывая бумаги*). Да... задача!

Анна Семеновна (*входит и приближается к Ислаеву*). Аркаша...

Ислаев. А! это вы, маменька. Как ваше здоровье?

Анна Семеновна (*сидясь на диван*). Я здорова, слава богу. (*Вздыхает.*) Я здорова. (*Вздыхает еще громче.*) Слава богу. (*Видя, что Ислаев не слушает ее, вздыхает очень сильно, с легким стоном.*)

Ислаев. Вы вздыхаете... Что с вами?

Анна Семеновна (*опять вздыхает, но уже легче*). Ах, Аркаша, как будто ты не знаешь, о чем я вздыхаю!

Ислаев. Что вы хотите сказать?

Анна Семеновна (*помолчав*). Я мать твоя, Аркаша. Конечно, ты человек уже взрослый, с рассудком; но всё же – я твоя мать. – Великое слово: мать!

Ислаев. Объяснитесь, пожалуйста.

Анна Семеновна. Ты знаешь, на что я намекаю, друг мой. Твоя жена, Наташа... конечно, она прекрасная женщина – и поведение ее до сих пор было самое примерное... но она еще так молода, Аркаша! А молодость...

Ислаев. Я понимаю, что вы хотите сказать... Вам кажется, что ее отношения с Ракитиным...

Анна Семеновна. Сохрани бог! Я вовсе не думала...

Ислаев. Вы мне не дали договорить... Вам кажется, что ее отношения с Ракитиным не совсем... ясны. Эти таинственные разговоры, эти слезы – всё это вам кажется странным.

Анна Семеновна. А что, Аркаша, сказал он тебе наконец, о чем это у них были разговоры?... Мне он ничего не сказал.

Ислаев. Я, маменька, его не расспрашивал – а он, по-видимому, не слишком торопится удовлетворить мое любопытство.

Анна Семеновна. Так что ж ты намерен теперь сделать?

Ислаев. Я, маменька? Да ничего.

Анна Семеновна. Как ничего?

Ислаев. Да так же, ничего.

Анна Семеновна (*вставая*). Признаюсь, это меня удивляет. – Конечно, ты в своем доме хозяин и лучше меня знаешь, что хорошо и что дурно. Однако подумай, какие последствия...

Ислаев. Маменька, право, вы напрасно изволите тревожиться.

Анна Семеновна. Друг мой, ведь я мать... а впрочем, как знаешь. (*Помолчав.*) Я, признаюсь, пришла было к тебе с намерением предложить свое посредничество...

Ислаев (*с живостью*). Нет, уж на этот счет я должен просить вас, маменька, не беспокоиться... Сделайте одолжение!

Анна Семеновна. Как хочешь, Аркаша, как хочешь. – Я вперед уже ни слова не скажу. Я тебя предупредила, долг исполнила – а теперь – как воды в рот набрала. (*Небольшое молчание.*)

Ислаев. Вы сегодня никуда не выезжаете?

Анна Семеновна. А только я должна предупредить тебя: ты слишком доверчив, дружок мой; обо всех по себе судишь! Поверь мне: настоящие друзья слишком редки в наше время!

Ислаев (*с нетерпением*). Маменька...

Анна Семеновна. Ну – молчу, молчу! Да и где мне, старухе? Чай, из ума выжила! – И воспитана я была в других правилах – и сама старалась тебе внушить... Ну, ну, занимайся, я мешать не буду... Я уйду. (*Идет к двери и останавливается.*) Стало быть?.. Ну, как знаешь, как знаешь! (*Уходит.*)

Ислаев (*глядя ей вслед*). Что за охота людям, которые действительно вас любят, класть поочередно все свои пальцы в вашу рану? И ведь они убеждены в том, что от этого вам легче, – вот что забавно! – Впрочем, я матушку не виню: ее намерения точно самые лучшие – да и как не подать совета? – Но дело не в том... (*Садясь.*) Как мне поступить? (*Подумав, встает.*) Э! чем проще, тем лучше! – Дипломатические тонкости ко мне не идут... Я первый в них запутаюсь. (*Звонит. Входит Матвей.*) Михайло Александрович дома – не знаешь?

Матвей. Дома-с. Я их сейчас в биллиардной видел.

Ислаев. А! Ну, так попроси его ко мне.

Матвей. Слушаю-с. (*Уходит.*)

Ислаев (*ходя взад и вперед*). Не привык я к подобным передрягам... Надеюсь, что они не будут часто повторяться... Я хоть и крепкого сложения – а этого не вынесу. (*Кладет руку на грудь.*) Фу!.. (*Из залы входит Ракитин, смущенный.*)

Ракитин. Ты меня звал?

Ислаев. Да... (*помолчав.*) Michel, ведь ты у меня в долгу.

Ракитин. Я?

Ислаев. А как же? Ты разве забыл свое обещание? Насчет... Наташиных слез... и вообще... Вот как мы вас с матушкой застали, помнишь – ты мне сказал, что между вами есть тайна, которую ты хотел объяснить?

Ракитин. Я сказал: тайна?

Ислаев. Сказал.

Ракитин. Да какая же у нас может быть тайна? – Был у нас разговор.

Ислаев. О чем? – И отчего она плакала?

Ракитин. Ты знаешь, Аркадий... попадают такие минуты в жизни женщины... самой счастливой...

Ислаев. Ракитин, постой, эдак нельзя. – Я не могу видеть тебя в таком положении... Твое замешательство меня тяготит больше, чем тебя самого. (*Берет его за руку.*) Мы ведь старые друзья – ты меня с детства знаешь: хитрить я не умею – да и ты был всегда со мной откровенен. Позволь мне предложить тебе один вопрос... Даю наперед честное слово, что в искренности твоего ответа сомневаться не буду. Ты ведь любишь мою жену? (*Ракитин взглядывает на Ислаева.*) Ты меня понимаешь, любишь ли ты ее так... Ну, словом, любишь ли ты мою жену такой любовью, в которой мужу сознаться... трудно?

Ракитин (*помолчав, глухим голосом*). Да – я люблю твою жену... такой любовью.

Ислаев (*тоже помолчав*). Мишель, спасибо за откровенность. Ты благородный человек. – Ну, однако, что ж теперь делать? Сядь, обсудим-ка это дело вдвоем. (*Ракитин садится. Ислаев ходит по комнате.*) Я Наташу знаю; я знаю ей цену... Но и себе я цену знаю. Я тебя не стою, Michel... не перебивай меня, пожалуйста, – я тебя не стою. Ты умнее, лучше, наконец приятнее меня. Я простой человек. Наташа меня любит – я думаю, но у ней есть глаза... ну, словом, ты должен ей нравиться. И вот что я тебе еще скажу: я давно замечал ваше взаимное расположение... Но я в обоих вас всегда был уверен – и пока ничего не выходило наружу...

Эх! говорить-то я не умею! (*Останавливается.*) Но после вчерашней сцены, после вашего вторичного свидания вечером – как тут быть? И хоть бы я один вас застал – а тут замешались свидетели; маменька, это плут Шпигельский... Ну, что ты скажешь, Michel – а?

Ракитин. Ты совершенно прав, Аркадий.

Ислаев. Не в том вопрос... а что делать? Я должен тебе сказать, Michel, что хоть я и простой человек – а настолько понимаю, что чужую жизнь заедать не годится – и что бывают случаи, когда на своих правах настаивать грешно. Это я, брат, не из книг вычитал... совесть говорит. Дать волю... ну, что ж? дать волю! – Только это обдумать надо. Это слишком важно.

Ракитин (*вставая.*) Да уж я всё обдумал.

Ислаев. Как?

Ракитин. Я должен уехать... я уезжаю.

Ислаев (*помолчав*). Ты полагаешь?.. Совсем отсюда вон?

Ракитин. Да.

Ислаев (*опять начинает ходить взад и вперед*). Это... это ты какое слово сказал! А может быть, ты прав. Тяжело нам будет без тебя... Бог ведает, может, это и к цели не приведет... Но тебе видней, тебе лучше знать. Я полагаю, это ты придумал верно. Ты мне опасен, брат... (*С грустной улыбкой.*) Да... ты мне опасен. Вот я сейчас это сказал... насчет воли-то... А ведь, пожалуй, я бы не пережил! Мне без Наташи быть... (*Махает рукой.*) И вот что, брат, еще: с некоторых пор, особенно в эти последние дни, я вижу в ней большую перемену. В ней проявилось какое-то глубокое, постоянное волнение, которое меня пугает. Не правда ли, я не ошибаюсь?

Ракитин (*горько*). О нет, ты не ошибаешься!

Ислаев. Ну, вот видишь! Стало быть, ты уезжаешь?

Ракитин. Да.

Ислаев. Гм. И как это вдруг стряслось! И нужно же тебе было так смешаться, когда мы с матушкой застали вас...

Матвей (*входя*). Староста пришел-с.

Ислаев. Пусть подождет! (*Матвей уходит.*) Michel, однако ты ненадолго уезжаешь? Уж это, брат, пустяки!

Ракитин. Не знаю, право... Я думаю... надолго.

Ислаев. Да ты меня уж не принимаешь ли за Отелло за какого-нибудь? Право, с тех пор как свет стоит, я думаю, такого разговора не было между двумя друзьями! Не могу же я так с тобой расстаться...

Ракитин (*пожимая ему руку*). Ты меня уведомишь, когда мне можно будет воротиться.

Ислаев. Ведь тебя здесь заменить некому! Не Большинцов же в самом деле!

Ракитин. Тут есть другие...

Ислаев. Кто? Криницын? Фат этот? Беляев, конечно, добрый малый... но ведь ему до тебя, как до звезды небесной!

Ракитин (*язвительно*). Ты думаешь? Ты его не знаешь, Аркадий... Ты обрати на него внимание... Советую тебе... Слышишь? Он очень... очень замечательный человек!

Ислаев. Ба! То-то вы всё с Наташей хотели его воспитаньем заняться! (*Глянув в дверь.*) А! да вот и он, кажется, сюда идет... (*Поспешно.*) Итак, милый мой, это решено – ты уезжаешь... на короткое время... на этих днях... Спешить не к чему – нужно Наташу приготовить... Маменьку я успокою... И дай бог тебе счастья! Камень у меня ты снял с сердца... Обними меня, душа моя! (*Торопливо его обнимает и оборачивается ко входящему Беляеву.*) А... это вы! Ну... ну, как можете?

Беляев. Слава богу, Аркадий Сергеевич.

Ислаев. А что, Коля где?

Беляев. Он с господином Шаафом.

Ислаев. А... прекрасно! (*Берет шляпу.*) Ну, господа, однако, прощайте. Я еще нигде не был сегодня – ни на плотине, ни на постройке... Вот и бумаг не просмотрел. (*Схватывает их под мышку.*) До свиданья! Матвей! Матвей! ступай со мной! (*Уходит. Ракитин остается в задумчивости на авансцене.*)

Беляев (*подходя к Ракитину*). Как вы сегодня себя чувствуете, Михайло Александрыч?

Ракитин. Благодарствуйте. По-обыкновенному. А вы как?

Беляев. Я здоров.

Ракитин. Это видно!

Беляев. А что?

Ракитин. Да так... по вашему лицу... Э! да вы новый сюртук сегодня надели... И что я вижу! цветок в петлице. (*Беляев, краснея, вырывает его.*) Да зачем же... зачем, помилуйте... Это очень мило... (*Помолчав.*) Кстати, Алексей Николаич, если вам что-нибудь нужно... Я завтра еду в город.

Беляев. Завтра?

Ракитин. Да... а оттуда, может быть, в Москву.

Беляев (*с удивлением*). В Москву? Да вы, кажется, еще вчера мне говорили, что намерены пробыть здесь с месяц...

Ракитин. Да... но дела... обстоятельство вышло такое...

Беляев. И надолго вы уезжаете?

Ракитин. Не знаю... может быть, надолго.

Беляев. Позвольте узнать – Наталье Петровне известно ваше намерение?

Ракитин. Нет. Почему вы спрашиваете меня именно о ней?

Беляев. Я? (*Несколько смущенный.*) Так.

Ракитин (*помолчав и оглянувшись кругом*). Алексей Николаич, кажется, кроме нас, никого нет в комнате, не странно ли, что мы друг перед другом комедию разыгрываем, а? как вы думаете?

Беляев. Я вас не понимаю, Михайло Александрыч.

Ракитин. В самом деле? Вы точно не понимаете, зачем я уезжаю?

Беляев. Нет.

Ракитин. Это странно... Впрочем, я готов вам верить. Может быть, вы действительно не знаете причины... Хотите, я вам скажу, зачем я уезжаю?

Беляев. Сделайте одолжение.

Ракитин. Вот, видите ли, Алексей Николаич, – впрочем, я надеюсь на вашу скромность, – вы сейчас застали меня с Аркадием Сергеичем... У нас с ним был довольно важный разговор. Вследствие именно этого разговора я решился уехать. И знаете ли – почему? Я вам всё это говорю, потому что считаю вас за благородного человека... Ему вообразилось, что я... ну, да, что я люблю Наталью Петровну. Как вам это кажется, а? Не правда ли, какая странная мысль? Но я за то благодарен ему, что он не стал хитрить, наблюдать за нами, что ли, а просто и прямо обратился ко мне. Ну, теперь скажите, что бы вы сделали на моем месте? Конечно, его подозрения не имеют никакого основания, но они его тревожат... Для покоя друзей порядочный человек должен уметь иногда пожертвовать... своим удовольствием. Вот от этого-то я и уезжаю... Я уверен, вы одобрите мое решение, не правда ли? Не правда ли, вы... вы бы точно так же поступили на моем месте? Вы бы тоже уехали?

Беляев (*помолчав*). Может быть.

Ракитин. Мне очень приятно это слышать... Конечно, я не спорю, в моем намерении удалиться есть сторона смешная, я словно сам почитаю себя опасным; но, видите ли, Алексей Николаич, честь женщины такая важная вещь... И притом – я, разумеется, это говорю не про Наталью Петровну, – но я знавал женщин чистых и невинных сердцем, настоящих детей при всем уме, которые, именно вследствие этой чистоты и невинности, более других способны

были отдаться внезапному увлечению... А потому, кто знает? Лишняя осторожность в таких случаях не мешает, тем более что... Кстати, Алексей Николаич, вы, может быть, еще воображаете, что любовь высшее благо на земле?

Беляев (*холодно*). Я этого еще не испытал, но я думаю, что быть любимым женщиной, которую любишь, великое счастье.

Ракитин. Дай вам бог долго сохранить такие приятные убеждения! По-моему, Алексей Николаич, всякая любовь, счастливая равно как и несчастная, настоящее бедствие, когда ей отдаешься весь... Погодите! вы, может быть, еще узнаете, как эти нежные ручки умеют пытаться, с какой ласковой заботливостью они по частичкам раздирают сердце... Погодите! вы узнаете, сколько жгучей ненависти таится под самой пламенной любовью! Вы вспомните обо мне, когда, как больной жаждет здоровья, вы будете жаждать покоя, самого бессмысленного, самого пошлого покоя, когда вы будете завидовать всякому человеку беззаботному и свободному... Погодите! Вы узнаете, что значит принадлежать юбке, что значит быть порабощенным, зараженным – и как постыдно и томительно это рабство!.. Вы узнаете наконец какие пустячки покупаются такою дорогою ценою... Но к чему я это всё говорю вам, вы мне не поверите теперь. Дело в том, что мне очень приятно ваше одобрение... да, да... в таких случаях следует быть осторожным.

Беляев (*который всё время не спускал глаз с Ракитина*). Спасибо за урок, Михайло Александрович, хотя я в нем и не нуждался.

Ракитин (*берет, его за руку*). Вы извините меня, пожалуйста, я не имел намерения... не мне давать уроки кому бы то ни было... Я только так разговаривался...

Беляев (*с легкой иронией*). Безо всякого повода?

Ракитин (*немного смеявшись*). Именно, без всякого особенного повода. Я хотел только... Вы до сих пор, Алексей Николаич, не имели случая изучить женщин. Женщины – это очень своенравный народ.

Беляев. Да вы о ком говорите?

Ракитин. Так... ни о ком в особенности.

Беляев. О всех вообще, не правда ли?

Ракитин (*принужденно улыбаясь*). Да, может быть. Я, право, не знаю, с какой стати я попал в этот наставнический тон, но уж позвольте мне на прощанье дать вам один добрый совет. (*Остановившаяся и махнув рукой.*) Э! да впрочем, что я за советчик! Извините, пожалуйста, мою болтовню...

Беляев. Напротив, напротив...

Ракитин. Итак, вам ничего не нужно из города?

Беляев. Ничего спасибо. Но мне жаль, что вы уезжаете.

Ракитин. Покорно вас благодарю... Поверьте, что и мне тоже... (*Из двери кабинета выходят Наталья Петровна и Вера. Вера очень печальна и бледна.*) Я очень был рад с вами познакомиться... (*Опять жмет ему руку.*)

Наталья Петровна (*глядит некоторое время на обоих и подходит к ним*). Здравствуйте, господа...

Ракитин (*быстро оборачиваясь*). Здравствуйте, Наталья Петровна... Здравствуйте, Вера Александровна... (*Беляев молча кланяется Наталье Петровне и Вере. Он смущен.*)

Наталья Петровна (*Ракитину*). Что вы делаете хорошего?

Ракитин. Да ничего...

Наталья Петровна. А мы уж с Верой гуляли по саду... Сегодня так хорошо на воздухе... Липы так сладко пахнут. Мы все под липами гуляли... Приятно слушать в тени жужжание пчел над головой... (*Робко Беляеву*). Мы надеялись вас там встретить. (*Беляев молчит.*)

Ракитин Наталье Петровне. А! и вы сегодня обращаете внимание на красоты природы... (*Помолчав.*) Алексею Николаичу нельзя было идти в сад... Он сегодня новый сюртук надел...

Беляев (*слегка вспыхнув*). Конечно, ведь он у меня только один, а в саду, пожалуй, изорвать его можно.... Ведь вы вот что хотите сказать?

Ракитин (*покраснев*). О нет... я совсем не то... (*Вера идет молча к дивану направо, садится и принимается за работу. Наталья Петровна принужденно улыбается Беляеву. Небольшое, довольно тягостное молчание. Ракитин продолжает с язвительной небрежностью.*) Ах да, я и забыл вам сказать, Наталья Петровна, я сегодня уезжаю...

Наталья Петровна (*с некоторым волнением*). Вы уезжаете? Куда?

Ракитин. В город... По делам.

Наталья Петровна. Я надеюсь, ненадолго?

Ракитин. Как дела пойдут.

Наталья Петровна. Смотрите же, возвращайтесь скорей. (*К Беляеву, не глядя на него.*) Алексей Николаич, это ваши рисунки мне Коля показывал? Это вы рисовали?

Беляев. Да-с... я... безделицы...

Наталья Петровна. Напротив, это очень мило. У вас талант.

Ракитин. Я вижу, вы в господине Беляеве с каждым днем открываете новые достоинства.

Наталья Петровна (*холодно*). Может быть... Тем лучше для него. (*Беляеву.*) У вас, вероятно, есть другие рисунки, вы мне их покажете. (*Беляев кланяется.*)

Ракитин (*который всё время стоит как на иглах*). Однако я вспомнил, что мне пора укладываться... До свиданья. (*Идет к дверям залы.*)

Наталья Петровна (*ему вслед*). Да вы еще проститесь с нами...

Ракитин. Конечно.

Беляев (*после некоторой нерешительности*). Михайло Александрыч, погодите, я с вами пойду. Мне нужно сказать вам два слова...

Ракитин. А! (*Оба уходят в залу. Наталья Петровна остается посреди сцены; погода немного она садится налево.*)

Наталья Петровна (*после некоторого молчания*). Вера!

Вера (*не поднимая головы*). Что вам угодно?

Наталья Петровна. Вера, ради бога, не будьте так со мной... ради бога, Вера... Верочка... (*Вера ничего не говорит. Наталья Петровна встает, идет через всю сцену и тихо становится перед ней на колена. Вера хочет поднять ее, отворачивается и закрывает лицо. Наталья Петровна говорит на коленях.*) Вера, прости меня; не плачь, Вера. Я виновата перед тобой, я виновата. Неужели ты не можешь простить меня?

Вера (*сквозь слезы*). Встаньте, встаньте...

Наталья Петровна. Я не встану, Вера, пока ты не простишь меня. Тебе тяжело... но вспомни, разве мне легче... вспомни, Вера... Ведь ты всё знаешь... Между нами только та разница, что ты передо мной ни в чем не виновата, а я...

Вера (*горько*). Только та разница! Нет, Наталья Петровна, между нами другая есть разница... Вы сегодня так мягки, так добры, так ласковы...

Наталья Петровна (*перебивая ее*). Потому что я чувствую свою вину...

Вера. В самом деле? Только поэтому...

Наталья Петровна (*встает и садится подле нее*). Да какая же может быть другая причина?

Вера. Наталья Петровна, не мучьте меня больше, не расспрашивайте меня...

Наталья Петровна (*вздыхнув*). Вера, ты, я вижу, не можешь меня простить.

Вера. Вы сегодня так добры и так мягки, потому что вы чувствуете себя любимой.

Наталья Петровна (*в смущении*). Вера!

Вера (*оборачиваясь к ней*). Что ж, разве это не правда?

Наталья Петровна (*печально*). Поверь мне, мы обе с тобой равно несчастны.

Вера. Он вас любит!

Наталья Петровна. Вера, что нам за охота друг друга мучить? Пора нам обоим опомниться. Вспомни, в каком я положении, в каком мы положении обе. Вспомни, что об нашей тайне, по моей вине, конечно, знают уже здесь два человека... *(Останавливается)*. Вера, вместо того чтобы терзать друг друга подозрениями и упреками, не лучше ли нам вдвоем подумать о том, как бы выйти из этого тяжелого положения... как бы спастись! Или ты думаешь, что я могу выносить эти волнения, эти тревоги? Или ты забыла, кто я? Но ты меня не слушаешь.

Вера *(задумчиво глядит на пол)*. Он вас любит...

Наталья Петровна. Вера, он уедет.

Вера *(оборачиваясь)*. Ах, оставьте меня. *(Наталья Петровна глядит на нее с нерешительностью. В это мгновение в кабинете раздается голос Ислаева: «Наташа, а Наташа, где ты?»)*

Наталья Петровна *(быстро встает и подходит к двери кабинета)*. Я здесь.... Что тебе?

Голос Ислаева. Поди-ка сюда, мне нужно тебе что-то сказать...

Наталья Петровна. Сейчас. *(Она возвращается к Вере, протягивает ей руку. Вера не шевелится. Наталья Петровна вздыхает и уходит в кабинет.)*

Вера *(одна, после молчания)*. Он ее любит!.. И я должна остаться у ней в доме... О! это слишком... *(Она закрывает лицо руками и остается неподвижной. Из двери, ведущей в залу, показывается голова Шпигельского. Он осторожно оглядывается и подходит на цыпочках к Вере, которая его не замечает.)*

Шпигельский *(постояв перед ней, скрестя руки и с язвительной улыбкой на лице)*. Вера Александровна!.. А Вера Александровна...

Вера *(подняв голову)*. Кто это? Вы, доктор...

Шпигельский. Что вы, моя барышня, нездоровы, что ли?

Вера. Нет, ничего.

Шпигельский. Дайте-ка пощупать пульс. *(Щупает у ней пульс)*. Гм. Что так скоро? Ах вы, барышня моя, барышня... Не слушаетесь вы меня... А уж, кажется, я на что вам добра желаю.

Вера *(решительно взглянув на него)*. Игнатий Ильич...

Шпигельский *(проворно)*. Слушаю, Вера Александровна... Что за взгляд, помилуйте... Слушаю.

Вера. Этот господин... Большинцов, ваш знакомый, точно хороший человек?

Шпигельский. Мой приятель Большинцов? Отличнейший, честнейший человек... образец и пример добродетели.

Вера. Он не злой?

Шпигельский. Добрейший, помилуйте. Это не человек, это тесто, помилуйте. Только стоит взять да лепить. Такого добряка другого на свете днем с огнем не найти. Голубь, а не человек.

Вера. Вы за него ручаетесь?

Шпигельский *(кладет одну руку на сердце, а другую поднимает кверху)*. Как за самого себя!

Вера. В таком случае вы можете ему сказать... что я готова за него замуж выйти.

Шпигельский *(с радостным изумлением)*. Ой ли?

Вера. Только как можно скорее – слышите? – как можно скорее...

Шпигельский. Завтра, если хотите... Еще бы! Ай да Вера Александровна! Молодец барышня! Я сейчас же к нему поскачу. То-то я его обрадую... Вот какое неожиданное вышло обстоятельство! Ведь он в вас души не чает, Вера Александровна...

Вера *(с нетерпением)*. Я у вас этого не спрашиваю, Игнатий Ильич.

Шпигельский. Как знаете, Вера Александровна; как знаете. А только вы будете с ним счастливы, вы будете меня благодарить, увидите... (*Вера делает опять нетерпеливое движение.*) Ну, я молчу, я молчу... Стало быть, я могу ему сказать...

Вера. Можете, можете.

Шпигельский. Очень хорошо-с. Так я сейчас отправляюсь. До свиданья. (*Прислушиваясь.*) Кстати же, кто-то сюда идет. (*Идет в кабинет и на пороге делает про себя изумленную гримасу.*) До свиданья. (*Уходит.*)

Вера (*глядя ему вслед*). Всё на свете скорей, чем здесь остаться... (*Встает.*) Да; я решилась. Я не останусь в этом доме... ни за что. Я не могу сносить ее кроткого взора, ее улыбки, я не могу видеть, как она вся отдыхает, вся нежится в своем счастье... Ведь она счастлива, как она там ни прикидывайся грустной и печальной... Ее ласки мне нестерпимы... (*Из двери залы показывается Беляев. Он осматривается и подходит к Вере.*)

Беляев (*вполголоса*). Вера Александровна, вы одне?

Вера (*оглядывается, вздрагивает и, помолчав немного, произносит*). Да.

Беляев. Я рад, что вы одне... А то я не вошел бы сюда. Вера Александровна, я пришел проститься с вами.

Вера. Проститься?

Беляев. Да, я уезжаю.

Вера. Вы уезжаете? И вы уезжаете?

Беляев. Да... и я. (*С сильным внутренним волнением*). Вот, видите ли, Вера Александровна, мне нельзя здесь остаться. Мое присутствие уж и так здесь наделало много бед. Кроме того, что я, сам не знаю как, возмутил ваше спокойствие и спокойствие Натальи Петровны, я еще нарушил старинные, дружеские связи. По моей милости господин Ракитин уезжает отсюда, вы рассорились с вашей благодетельницей... Пора прекратить всё это. После моего отъезда всё, я надеюсь, опять успокоится и придет в порядок... Кружить голову богатым барыням и молодым девушкам не мое дело... Вы обо мне позабудете и, может быть, со временем станете удивляться, как это всё могло случиться... Меня даже теперь это удивляет... Я не хочу вас обманывать, Вера Александровна: мне страшно, мне жутко здесь остаться... Я не могу ни за что отвечать... Я, знаете ли, не привык ко всему этому. Мне неловко... мне так и кажется, что все глядят на меня... Да и, наконец, мне невозможно будет... теперь, с вами обеими...

Вера. О, на мой счет не беспокойтесь! Я не долго останусь здесь.

Беляев. Как?

Вера. Это моя тайна. Но я вам не буду мешать, поверьте.

Беляев. Ну, вот видите, как же мне не уехать? Посудите сами. Я словно чуму занес в этот дом: все бегут отсюда... Не лучше ли мне одному исчезнуть, пока еще есть время? Я сейчас имел большой разговор с господином Ракитиным... Вы не можете вообразить, сколько было горечи в его словах... А он поделом подтрунил над моим новым сюртуком... Он прав. Да: я должен уехать. Поверите ли, Вера Александровна, я не дождусь той минуты, когда я буду скакать в телеге по большой дороге... Мне душно здесь, мне хочется на воздух. Мне мочи нет как горько и в то же время легко, словно человеку, который отправляется в далекое путешествие, за море: ему тошно расставаться с друзьями, ему жутко, а между тем море так весело шумит, ветер так свежо дует ему в лицо, что кровь невольно играет в его жилах, как сердце в нем ни тяжело... Да, я решительно уезжаю. Вернусь в Москву, к своим товарищам, стану работать.

Вера. Вы, стало быть, ее любите, Алексей Николаич; вы ее любите, а между тем вы уезжаете.

Беляев. Полноте, Вера Александровна, к чему это? Разве вы не видите, что всё кончено. Всё. Вспыхнуло и погасло, как искра. Расстанемся друзьями. Пора. Я опомнился. Будьте здоровы, будьте счастливы, мы когда-нибудь увидимся... Я вас никогда не забуду, Вера Алексан-

дровна... Я вас очень полюбил, поверьте... (*Жмет ей руку и прибавляет поспешно.*) Отдайте от меня эту записку Наталье Петровне...

Вера (*с смущением взглянув на него*). Записку?

Беляев. Да... я не могу с ней проститься.

Вера. Да разве вы сейчас уезжаете?

Беляев. Сейчас... Я никому ничего не сказал об этом... исключая одного Михайла Александрыча. Он одобряет меня. Я отправлюсь отсюда сейчас пешком до Петровского. В Петровском я подожду Михайла Александрыча, и мы вместе поедem в город. Из города я напишу. Мои вещи мне вышлют. Вы видите, всё уже слажено... Впрочем, вы можете прочесть эту записку. В ней всего два слова.

Вера (*принимая от него записку*). И точно, вы уезжаете?..

Беляев. Да, да... Отдайте ей эту записку и скажите... Нет, Не говорите ей ничего. К чему? (*Прислушиваясь.*) Сюда идут. Прощайте... (*Бросается к двери, останавливается на минуту на пороге и бежит вон. Вера остается с запиской в руке. Из гостиной выходит Наталья Петровна.*)

Наталья Петровна (*подходя к Вере*). Верочка... (*Взглядывает на нее и останавливается.*) Что с тобой? (*Вера молча протягивает ей записку.*) Запис-ка?.. от кого?

Вера (*глухо*). Прочтите.

Наталья Петровна. Ты меня пугаешь. (*Читает про себя записку и вдруг прижимает обе руки к лицу и падает на кресло. Долгое молчание.*)

Вера (*приближаясь к ней*). Наталья Петровна...

Наталья Петровна (*не отнимая рук от лица*). Он уезжает!.. Он даже не хотел проститься со мной... О! с вами он, по крайней мере, простился!

Вера (*печально*). Он меня не любил...

Наталья Петровна (*отнимает руки и встает*). Но он не имеет права так уехать... Я хочу... Он не может так... Кто ему позволил так глупо перервать... Это презрение, наконец... Я... почему он знает, что я бы никогда не решилась... (*Опускается в кресло.*) Боже мой, боже мой!..

Вера. Наталья Петровна, вы сами сейчас мне говорили, что он должен уехать... Помните.

Наталья Петровна. Вам хорошо теперь... Он уезжает... Теперь мы обе с вами равны... (*Голос ее прерывается.*)

Вера. Наталья Петровна, вы мне сейчас говорили... вот ваши собственные слова: вместо того чтобы терзать друг друга, не лучше ли нам вдвоем подумать о том, как бы выйти из этого положения, как бы спастись... Мы спасены теперь.

Наталья Петровна (*почти с ненавистью отворачиваясь от нее*). Ах...

Вера. Я понимаю вас, Наталья Петровна... Не беспокойтесь... Я не долго буду тяготить вас своим присутствием. Нам вместе жить нельзя.

Наталья Петровна (*хочет протянуть ей руку и роняет ее на колена*). Зачем ты это говоришь, Верочка... Неужели и ты хочешь меня оставить? Да, ты права, мы спасены теперь. Всё кончено... всё опять пришло в порядок...

Вера (*холодно*). Не беспокойтесь, Наталья Петровна. (*Вера молча глядит на нее. Из кабинета выходит Ислаев.*)

Ислаев (*посмотрев некоторое время на Наталью Петровну, вполголоса Вере*). Она разве знает, что он уезжает?

Вера (*с недоумением*). Да... знает.

Ислаев (*про себя*). Да зачем же это он так скоро... (*Громко.*) Наташа... (*Берет ее за руку. Она поднимает голову.*) Это я, Наташа. (*Она силится улыбнуться.*) Ты нездорова, душа моя? Я бы посоветовал тебе прилечь, право...

Наталья Петровна. Я здорова, Аркадий... Это ничего.

Ислаев. Однако ты бледна... Право, послушайся меня... Отдохни немножко.

Наталья Петровна. Ну, пожалуй. *(Она хочет подняться и не может.)*

Ислаев *(помогая ей).* Вот видишь... *(Она опирается на его руку.)* Хочешь, я тебя провожу?

Наталья Петровна. О! я еще не так слаба! Пойдем, Вера. *(Направляется к кабинету. Из залы, входит Раkitин. Наталья Петровна, останавливается.)*

Раkitин. Я пришел, Наталья Петровна...

Ислаев *(перебивая его).* А, Michel! поди-ка сюда! *(Отводит его в сторону – и вполголоса, с досадой.)* Зачем же ты ей всё сейчас так и сказал? Ведь я тебя, кажется, просил! К чему было торопиться... Я застал ее здесь в таком волнении...

Раkitин *(с изумлением).* Я тебя не понимаю.

Ислаев. Ты сказал Наташе, что ты уезжаешь...

Раkitин. Так ты полагаешь, что она от этого пришла в волнение?

Ислаев. Тссс! – Она глядит на нас. *(Громко.)* Ты не идешь к себе, Наташа?

Наталья Петровна. Да... я иду...

Раkitин. Прощайте, Наталья Петровна! *(Наталья берет за ручку двери – и ничего не отвечает.)*

Ислаев *(кладя руку на плечо Раkitину).* Наташа, знаешь ли, что это один из лучших людей...

Наталья Петровна *(с внезапным порывом).* Да – я знаю, он прекрасный человек – все вы прекрасные люди... все, все... и между тем... *(Она вдруг закрывает лицо руками, толкает дверь коленом и быстро уходит. Вера уходит за ней. Ислаев садится молча у стола и опирается на локти.)*

Раkitин *(глядит некоторое время на него и с горькой улыбкой пожимает плечами).* Каково мое положение? Славно, нечего сказать! Право, даже освежительно. И прощание-то каково, после четырехлетней любви? Хорошо, очень хорошо, поделом болтуну. Да и, слава богу, всё к лучшему. Пора было прекратить эти болезненные, эти чахоточные отношения. *(Громко Ислаеву.)* Ну, Аркадий, прощай.

Ислаев *(поднимает голову. У него слезы на глазах).* Прощай, брат. – А оно того... не совсем легко. Не ожидал, брат. Словно буря в ясный день. Ну, перемелется... мука будет. А всё-таки спасибо, спасибо тебе! Ты – друг, точно!

Раkitин *(про себя, сквозь зубы).* Это слишком. *(Отрывисто.)* Прощай. *(Хочет идти в залу... Ему навстречу вбегают Шпигельский.)*

Шпигельский. Что такое? Мне сказали, Наталье Петровне дурно...

Ислаев *(вставая).* Кто вам сказал?

Шпигельский. Девушка... горничная...

Ислаев. Нет, это ничего, доктор. Я думаю, лучше Наташу не беспокоить теперь...

Шпигельский. А! ну и прекрасно! *(Раkitину.)* Вы, говорят, в город уезжаете?

Раkitин. Да; по делам.

Шпигельский. А! по делам!.. *(В это мгновение из залы врываются разом Анна Семеновна, Лизавета Богдановна, Коля и Шааф.)*

Анна Семеновна. Что такое? что такое? что с Наташей?

Коля. Что с мамашей? Что с ней?

Ислаев. Ничего с ней... Я сейчас ее видел... Что с вами?

Анна Семеновна. Да помилуй, Аркаша, нам сказали, что Наташе дурно...

Ислаев. А вы напрасно поверили.

Анна Семеновна. Зачем же ты горячишься так, Аркаша? Наше участие понятно.

Ислаев. Конечно... конечно...

Ракитин. Однако мне пора ехать.

Анна Семеновна. Вы уезжаете?

Ракитин. Да... уезжаю.

Анна Семеновна (*про себя*). А! Ну, теперь я понимаю.

Коля (*Ислаеву*). Папаша...

Ислаев. Чего тебе?

Коля. Зачем Алексей Николаич ушел?

Ислаев. Куда ушел?

Коля. Я не знаю... Поцеловал меня, надел фуражку и ушел... А теперь час русского урока.

Ислаев. Вероятно, он сейчас вернется... Впрочем, можно за ним послать.

Ракитин (*вполголоса Ислаеву*). Не посылай за ним, Аркадий. Он не вернется. (*Анна Семеновна старается прислушаться; Шпигельский шепчется с Лизаветой Богдановной.*)

Ислаев. Это что значит?

Ракитин. Он тоже уезжает.

Ислаев. Уезжает... куда?

Ракитин. В Москву.

Ислаев. Как в Москву! Да что, сегодня с ума все сходят, что ли?

Ракитин (*еще понизив голос*). Между нами... Верочка в него влюбилась... Ну, он, как честный человек, решил удалиться. (*Ислаев, растопырив руки, опускается в кресла.*) Ты понимаешь теперь, почему...

Ислаев (*вскакивая*). Я? я ничего не понимаю. У меня голова кругом идет. Что тут можно понять? Все улепетывают, кто куда, как куропатки, а всё потому, что честные люди... И всё это разом, в один и тот же день...

Анна Семеновна (*заходя сбоку*). Да что такое? Господин Беляев, ты говоришь...

Ислаев (*нервически кричит*). Ничего, матушка, ничего! Господин Шааф, извольте теперь заняться с Колей вместо господина Беляева. Извольте увести его.

Шааф. Злушаю-с... (*Берет Колю за руку.*)

Коля. Но, папаша...

Ислаев (*кричит*). Пошел, пошел! (*Шааф уводит Колю.*) А тебя, Ракитин, я провожу... Я лошадь велю оседлать, буду ждать тебя на плотине... А вы, маменька, пока, ради бога, не беспокойте Наташу – да и вы, доктор... Матвей! Матвей! (*Уходит поспешно. Анна Семеновна с достоинством и грустью садится. Лизавета Богдановна становится сзади ее. Анна Семеновна поднимает взоры к небу, как бы желая отчуждаться от всего, что происходит вокруг нее.*)

Шпигельский (*украдкой и лукаво Ракитину*). А что, Михайло Александрыч, не прикажете ли довести вас на новой троечке до большой дороги?

Ракитин. А!.. Разве вы уже получили лошадок?

Шпигельский (*скромно*). Я с Верой Александровной переговорил... Так прикажете-с?

Ракитин. Пожалуй! (*Кланяется Анне Семеновне.*) Анна Семеновна, честь имею...

Анна Семеновна (*всё так же величественно, не поднимаясь с места*). Прощайте, Михайло Александрыч... Желаю вам счастливого пути...

Ракитин. Покорно благодарю. Лизавета Богдановна... (*Кланяется ей. Она в ответ ему приседает. Он уходит в залу.*)

Шпигельский (*подходя к ручке Анны Семеновны*). Прощайте, барыня...

Анна Семеновна (*менее величественно, но всё-таки строго*). А! и вы уезжаете, доктор?

Шпигельский. Да-с... Больные, знаете, того-с. Притом же, вы видите, мое присутствие здесь не требуется. (*Раскланиваясь, хитро щурится Лизавете Богдановне, которая отвечает ему улыбкой.*) До свиданья... (*Убегает вслед за Ракитиным.*)

Анна Семеновна (*дает ему выйти и, скрестив руки, медленно обращается к Лизавете Богдановне*). Что вы об этом обо всем думаете, душа моя, а?

Лизавета Богдановна (*вздыхнув*). Не знаю-с, что вам сказать, Анна Семеновна.

Анна Семеновна. Слышала ты, Беляев тоже уезжает...

Лизавета Богдановна (*опять вздохнув*). Ах, Анна Семеновна, может быть, и мне недолго придется здесь остаться... И я уезжаю. (*Анна Семеновна с невыразимым изумлением глядит на нее. Лизавета Богдановна стоит перед ней, не поднимая глаз.*)

(1850)

Примечания

Источники текста

Студент, комедия в пяти действиях. Черновой автограф первой редакции пьесы, впоследствии названной «Месяц в деревне». Текст комедии занимает большую часть тетради (132 нумерованные страницы из 160) в синей картонной обложке, на которой вырезано: Тургенев. Обороты обложки испещрены записями имен и фамилий, росчерками, цифрами, набросками профилей (в ряду этих записей слова «Студент», «L'Etudiant», фамилии «Гервег», «Лепаж», отметка на французском языке «Сафо. Опера в двух актах, Гуно» и т. д.).

На титульном листе надпись: «Студент. Комедия в (трех) пяти действиях Ив. Тургенева. Кончена 22-го марта 1850 г. (rue et Hôtel <du Port-Mahon, № 9>, переписана и отправлена в Петербург 8-го апреля 1<850>. Париж. 1848». Па с. 2, а также на полях с. 51 (начало III действия) и 52 – перечень явлений, обозначенных инициалами действующих лиц. На с. 8 на полях ряд фамилий: Касимов, Казанов, Костин и др.; некоторые из них только начаты, записаны лишь первые их слоги: Ле, Ко (на этой странице студент впервые назван Колосовым). На с. 119 на полях несколько имен (среди них «Эмма» и «Herwegh»). На некоторых страницах – заметки Тургенева, использованные в тексте комедии. На с. 40 замечание: «О связи с литературой», поверх которого написан рассказ Беляева о неудачном драматурге. На страницах 41, 54, 65 и 132 записи: «Благодарность Большинцова», «Изменение пр<отив> вчерашнего», «Она сама не подозревала, как это было сильно», «выводок куропаток». На многих страницах наброски профилей, росчерки, рисунки и проч. На страницах 10, 11, 135 и 136 записаны заглавия и перечни действующих лиц трех ненаписанных комедий («Жених», «17-й №» и «Компаньонка» – см. наст. том, с. 523–524).

Автограф комедии «Студент», принадлежавший после смерти Тургенева дальней его родственнице О. В. Галаховой, в 1909 г. демонстрировался на выставке памяти И. С. Тургенева («Каталог выставки в память И. С. Тургенева в Императорской Академии Наук». Март 1909, 2-е изд., с исправлениями. СПб., 1909, с. 41). В 1918 г. рукопись перешла в Тургеневский музей в Орле (Португалов М. Тургениана. Орел, 1922, с. 3), откуда передана была в ГЛИМ в Москве. С 1941 г. рукопись находится в ЦГАЛИ. Данные о ней см. в статье Н. Н. Фатова «Рукопись „Студента“ Тургенева» (Культура театра, 1922, № 1–2, с. 47–52), краткое описание – в «Бюллетенях Государственного литературного музея», № 1 (И. С. Тургенев. Рукописи, переписка и документы. М., 1935, с. 10). Полностью рукопись комедии «Студент» см.: Т сб, вып. 1, с. 72–195.

Рукописный текст двух вставок в журнальную редакцию комедии «Месяц в деревне», на одном листе бумаги большого канцелярского формата. Лист исписан с обеих сторон. Вставки относятся к последней сцене 4-го действия, от слов: «Анна Семеновна (*останавливается и поднимает руку*)» до конца действия: «Оба уходят в дверь сада. Занавес падает», и к первой сцене действия 5-го, от самого его начала до реплики Веры: «Что вам угодно?» (см. наст. том, с. 387). Автограф хранится в Отделе письменных источников ГИМ. Полностью напечатан: Т сб, вып. 1, с. 197–199.

Совр, 1855, № 1, с. 29–170.

Цензурные изъятия в корректуре журнального текста пьесы, отмеченные в письме Д. Я. Колбасина к Тургеневу от 31 августа 1856 г. Автограф в ИРЛИ, впервые опубликован: Т и круж Совр, с. 255–261.

Т, Соч, 1869, ч. VII, с. 379–530.

Т, Соч, 1880, т. 10, с. 379–529.

Впервые опубликовано под заглавием «Месяц в деревне. Комедия в пяти действиях»: *Совр*, 1855, № 1, с. 29–170, с подписью: Ив. Тургенев. 1850. Этот текст явился результатом переработки первой редакции, которая писалась в 1848–1850 гг. в Париже и предназначалась для майской книжки «Современника» 1850 г., но в апреле была запрещена цензурой в корректуре. Последняя редакция, переработанная на основе текста чернового автографа, была опубликована в *Т, Соч*, 1869, ч. VII. В этой редакции пьеса перепечатывалась в последующих изданиях сочинений Тургенева.

В настоящем издании комедия «Месяц в деревне» печатается по последнему авторизованному тексту (*Т, Соч*, 1880, т. 10) с устранением, по рукописи и предшествующим изданиям, его явных дефектов.

Часть этих дефектов была отмечена самим Тургеневым в списке «Важнейшие опечатки», приложенном к т. 1 его сочинении издания 1880 г. Опечатку «Я Ничего» Тургенев механически исправляет на: «Я ничего», в то время как в черновом автографе и журнальном тексте стояло: «Я? Ничего» (с. 317, строка 15). В настоящем издании принято последнее чтение, как более соответствующее контексту.

К дефектам, не замеченным автором, относятся:

- С. 310, строка 15: любит? риб – вместо: любит риб?
- С. 317, строки 36–37: никаких не ожидал – вместо: никак не ожидал
- С. 321, строка 29: под руки вместо: под руку
- С. 326, строка 21: грибов вместо: грибов
- С. 326, строка 22: грибы вместо: грибы
- С. 329, строка 6: Шпигельский (со вздохом) – вместо: Шпигельский
- С. 329, строка 41: Игнатий Иваныч вместо: Игнатий Ильич
- С. 330, строка 30: грибами вместо: грибами
- С. 331, строка 3: привести вместо: привезти
- С. 340, строка 10: отнимая у Вере вместо: отнимая Вере
- С. 349, строка 4: Да, для, для чего жить вместо: Да, для чего жить
- С. 364, строка 22: я объясняюсь вместо: я объяснюсь
- С. 365, строка 18: Взглядывает из окна вместо: Выглядывает из окна.
- С. 368, строка 24: берет ее руки вместо: берет ее руку
- С. 377, строки 4–5: входит Ислаев и Шпигельский вместо: входят Ислаев и Шпигельский
- С. 379, строка 43: в ваше время вместо: в наше время
- С. 390, строка 41: я не пошел бы сюда вместо: я не вошел бы сюда

Комедию «Студент» Тургенев писал, как обозначено на титульном листе чернового автографа, в Париже, в 1848–1850 гг. Самое раннее из дошедших до нас упоминаний о новой комедии сохранилось в его письме к А. А. Краевскому от 2 (14) апреля 1849 г. Перечисляя начатые им работы, Тургенев отмечал: «„Студент“ – комедия в 5-ти действиях (первое действие кончено. Над этой вещью я намерен трудиться весь этот год)».

В первой редакции комедии полностью определились все действующие лица и сюжет будущего «Месяца в деревне». Больше того, именно в этой редакции, в отличие от последующих, в особенности от журнальной, идейные и психологические задачи, которые ставил перед собой автор, осуществлены наиболее полно. В любовной коллизии как бы проверяется жизнеспособность и сила трех социальных характеров: во-первых, дворянского либерала-интеллигента, носителя тонкой эмоциональной и духовной культуры; во-вторых, «положительного», делового человека – помещика-хозяина и, наконец, студента-разночинца, вдохновленного идеями

Белинского. В комедии художественно воплощены характерные для Тургенева уже с конца 40-х годов раздумья о «лишнем человеке», его психологии и социальной природе, о новом общественном явлении – разночинце-демократе, о судьбах русской женщины, об отношении человека к природе (ср., например, «Дневник лишнего человека», «Переписку» и др.).

По свидетельству современников, некоторые ситуации и образы «Месяца в деревне» носят автобиографический характер. М. Г. Савина вспоминала: «...Наталья Петровна существовала и в действительности. Теперь я забыла ее фамилию, но в Спасском Тургенев показывал мне даже портрет ее. И прибавил при этом: А Ракитин это я. Я всегда в своих романах неудачным любовником изображаю себя» (*Т и Савина*, с. 77). В литературе о тургеневской драматургии было высказано мнение, что «в Ракитине – несомненные отражения самого Тургенева, а время работы над „Месяцем в деревне“ – один из напряженных моментов романа Тургенева и Полины Виардо, с мужем которой у него были отношения, близкие отношениям Ракитина и Ислаева»^[13]. Вероятна автобиографическая основа ряда высказываний Ракитина (см. наст. том. с. 642). Однако эту автобиографичность не следует преувеличивать. Характер Ракитина имеет типическое значение. Не события личной жизни писателя определили основной драматический конфликт и большинство сюжетных ходов пьесы, а реальности современной эпохи.

В творческой истории «Месяца в деревне» сыграло известную роль знакомство Тургенева с драмой Бальзака «Мачеха» («*La Mère*»), шедшей весной 1848 г. в Париже, где Тургенев тогда жил^[14]. «Главные персонажи обеих пьес, – полагал Л. П. Гроссман, – вполне соответствуют друг другу в общей сценической схеме; они выполняют совершенно аналогичные роли. <...> Соотношение действующих лиц в обеих пьесах сводится в основном к следующей схеме: молодая женщина (Гертруда, Наталья Петровна) является соперницей юной девушки, своей падчерицы или приемной дочери (Полина, Верочка) в любви к молодому человеку, служащему у них (Фердинанд, Беляев); влюбленная женщина в целях удаления соперницы пытается выдать девушку замуж за явно неподходящего претендента (Годар, Большинцов). В этом плане, как и вообще в развитии соотношений между главными персонажами, принимает деятельное участие домашний врач, тонкий и насмешливый наблюдатель всего происходящего (Вернон, Шпигельский). Вот схема, неизменно определяющая развитие действия обеих пьес»^[15]. Однако, даже если Тургенев и воспользовался сюжетной схемой «Мачехи», он придал всей драме иной смысл, имеющий мало общего с содержанием пьесы Бальзака. От «Мачехи» «Месяц в деревне» отличается и конфликтом, и сутью изображенных характеров, и «психологической задачей». В «Мачехе», в частности, нет персонажа, соответствующего Ракитину, который несет у Тургенева важнейшую идейную и художественную нагрузку; пьеса Тургенева хотя и была существенно обеднена, но не распалась при удалении в цензурной ее редакции образа Ислаева; пьеса Бальзака при уничтожении образа мужа лишилась бы всякого смысла. Важное отличие отметил и Гроссман: в комедии Тургенева полностью отсутствует характерный для «Мачехи» мелодраматизм. Конечно, попытка Бальзака показать, по формулировке критика «*Revue des Deux Mondes*», что «вокруг какой-нибудь кушетки и ломберного стола человеческие страсти могут сплести такую же подлинную трагедию, как и в идеальном мире исторических героев»^[16], могла привлечь и Тургенева, но к его «Месяцу в деревне» никак нельзя было бы отнести слова, сказанные фельетонистом «Северной пчелы» по поводу «Мачехи»: «Что за развязка? Что за чудовищный сюжет? К чему это отравление? Почему не признаться отцу в тайном браке? По всему видно, что Бальзак хотел сильно потрясти своих слушателей и для этого придумал такой варварский конец» (*Сев Пчела*, 1848, 16 июня, № 133).

Кроме того, распространенный мотив такого же соперничества двух женщин был затронут Тургеневым еще до знакомства с драмой Бальзака, в наброске романтической драмы «Две сестры» (1844), связанной с театром Мериме (см. наст. том).

От «Месяца в деревне» тянутся нити и к другому произведению Тургенева 1844 г. – повести «Андрей Колосов». В черновой редакции пьесы на протяжении двух первых действий студент – герой комедии – носил имя «Андрей Колосов» (Андрей, А., Ан., Кол., К.). Многие черты Беляева – его обаяние, непосредственность, смелость – намечены уже в герое ранней повести, с его «ясным, простым взглядом на жизнь». Как и Беляев, он «воспитан был на медные гроши», жил в деревне, а затем «вступил в университет и начал жить уроками»; «профессора считали его малым неглупым, но „без больших способностей“ и ленивым» (ср. автохарактеристику Беляева, с. 312).

Однако, как отметил уже Белинский, в «Андрее Колосове» «много прекрасных очерков характеров и русской жизни, но как повесть в целом это произведение до того странно, не досказано, неуклюже, что очень немногие заметили, что в нем было хорошего» (Белинский, т. X, с. 345). В пьесе Тургенев продолжает разрабатывать образ Колосова и не только сопоставляет, но и сталкивает в драматическом конфликте героя-разночинца с представителями иной социальной среды.

Контраст «студента» и хозяев «дворянского гнезда» намечается с самого начала, еще до появления его на сцене, причем этот контраст особенно отчетлив в черновом автографе пьесы. По словам Натальи Петровны, обращенным к Рябинину (Ракитину печатных редакций), у него характерная внешность студента: «Худой, стройный, *волосы длинные*, веселый взгляд, смелое выражение... Вы увидите. Он, правда, довольно неловок, *ну и не совсем опрятен* – а для вас это беда...» (подчеркнутое отсутствует в печатных редакциях, см. с. 239). Несколько далее, уже после первого появления студента, Наталья Петровна замечает: «О нем нельзя судить как о нашем брате (печатный вариант: „... судить по тому, что... наш брат сделал бы на его месте“). Ведь он несколько на нас не похож, Рябинин» (см. с. 239).

Писатель тщательно отработывает реплику «студента» в первом действии о его детстве, об унижительных занятиях отца, которому «было не до того», то есть не до воспитания сына. Фраза: «Он с трудом добывал насущный хлеб» заменяется горькими словами о том, что отец был вынужден добывать свой хлеб унижительными «услугами». В дальнейшем Тургенев не счел нужным повторить слова Беляева о его «невоспитанности» и вычеркнул в черновой рукописи следующий знаменательный отрывок: «Да ведь и то сказать – какое воспитание я получил! Отец мой, конечно, человек добрейший, а грамоте куда плохо знает; ну и недостатков нет. Я сам, представьте, до 12 лет читать не умел... да спасибо наш дьячок...»

Таким образом, уже с самого начала определяется в пьесе социальная природа цельности, непосредственности, естественности Беляева.

Однако Беляев не только свежий, «непосредственный юноша» (по словам Рябинина), к тому же еще очень молодой («Вы еще дитя», – говорит Наталья Петровна; впоследствии эти слова недаром были вычеркнуты), Алексей Беляев – человек с передовыми взглядами, студент «политического отделения» Московского университета. Не случайно, что студент впервые обозначается буквой Б. в середине второго действия комедии, когда между ним и Рябининым происходит разговор о Белинском^[17]. Студент с восторгом говорит о статьях великого критика: «Иного я точно не понимаю, иное мне запутанным кажется, неясным – слова он употребляет такие странные, – а где он хорош, где он от сердца говорит – кажется, душу бы за него отдал...». Характерно упоминание в одной из следующих его реплик о Жорж Санд, с которой «дышать легко». В черновом автографе есть также свидетельство о литературных вкусах студента, совпадающих со вкусами самого Тургенева: писатель вложил в уста Беляева характеристику одной псевдоромантической трагедии, данную им самим в рецензии на «Смерть Ляпунова» С. А. Геденова (см.: наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 245).

Вероятно, мысль изобразить своего героя человеком передовым по своим литературным и общественно-политическим взглядам явилась у Тургенева не с самого начала работы над «Студентом». Несколько ранее первого обозначения студента как Б. он обращается к Ряби-

нину с просьбой дать почитать «Отечественные записки» (в двух печатных редакциях заменено просто «журналом» – см. с. 322). Автограф «Студента» показывает, что писатель колебался в выборе журнала, который получает Рябинин и который просит дать ему студент. Написав сначала – «От<ечественные> зап<иски>», Тургенев затем заменяет их «Библиотекой для чтения» (жур<нал> Б<иблиотека> д<ля чтения>), но затем восстанавливает первое название. Очевидно, весь облик Беляева был бы иным, если бы эта важная деталь не была разработана (в окончательной редакции остался лишь глухой намек: слова о критике – «теплый человек»).

В первой редакции комедии характерный образ студента являлся центральным, чем было обусловлено и название комедии.

В процессе работы над первой редакцией, отраженном в черновом ее автографе, Тургенев обогащает характеры действующих лиц, заостряет социальную проблематику, выявляет все психологическое богатство отношений своих героев. Это достигается путем многочисленных исправлений, зачеркиваний и вставок.

Для истории образа Ракитина важен ряд вариантов его высказываний о любви, например, его большой реплики в пятом действии, дающей резкую характеристику любовного «порабощения» (см. с. 385). Судя по тому, что эта реплика, выброшенная цензурой в тексте «Современника», – единственное из всех цензурных изъятий в корректуре, восстановленное автором в *Т, Соч, 1869*, а также по тому, что мотивы ее были использованы при окончании в декабре 1854 г. повести «Переписка» (в последнем, XV, письме героя повести^[18]), Тургенев придавал словам Ракитина особое значение. Характерно, что подобную же сентенцию мы встречаем в писавшемся одновременно со «Студентом» «Дневнике лишнего человека»: «...разве любовь – естественное чувство? Разве человеку свойственно, любить? Любовь – болезнь, а для болезни закон не писан».

Существенны некоторые вычеркнутые варианты из реплик Натальи Петровны, касающиеся ее отношений к Ракитину и Беляеву.

Уже в черновом автографе были сняты, вероятно, по художественным соображениям, так как другие подобные же высказывания остались при публикации или были изъятые цензурой, некоторые резко антидворянские выпады Шпигельского в четвертом действии. Они вносят дополнительные штрихи в его характеристику.

О поисках Тургеневым наиболее выразительных психологических ходов, деталей характеристик, мотивировок поведения действующих лиц свидетельствуют также многочисленные вставки на полях рукописи, сделанные на различных стадиях работы. Иной раз именно в этих вставках содержатся существенные высказывания героев или мотивировки дальнейших их действий. В первом действии вписан позднее рассказ Натальи Петровны о ее детстве, во второй – рассказ Верочки о внезапных слезах^[19], затем характеристика Большинцова («глупый, тяжелый человек»), реплики Беляева об отношении к Наталье Петровне, о его воспитании. Многие вставки уточняют и делают более ярким образ Беляева, а также отношение к нему других героев (восторженные слова Верочки и Натальи Петровны; ирония Ракитина). Вписаны важнейшие для характеристики Беляева слова его о чувствах, вызванных отъездом из усадьбы Ислаева.

О том, что комедия «Студент», как и другие произведения Тургенева в драматической форме, предназначалась для сцены (несмотря на ряд позднейших заявлений писателя), свидетельствует то большое внимание, которое он уделил отработке ремарок, стремясь дать точные указания актерам о характере мизансцен, о жестах, паузах и т. д.

Вскоре после окончания работы над первым действием комедии «Студент» Тургенев 2 (14) апреля 1849 г. сообщил о новой пьесе А. А. Краевскому, обещая ее «Отечественным запискам». Однако в ноябрьском номере «Современника», в рецензии на постановку в Александринском театре «Холостяка», Некрасов поспешил известить своих читателей о том, что «недавнее произведение г. Тургенева, комедия в пяти актах „Студент“, уже обещано авто-

ром редакции „Современника“, и мы скоро надеемся представить эту комедию нашим читателям»^[20].

В письме от 8 ноября этого же года Некрасов торопил Тургенева с окончанием комедии: «...вышлите ее на первую книжку <1850 г.> – этим по гроб обяжете, а если уж нельзя, то не позднее второй. Крайне нужно!» (*Некрасов*, т. X, с. 134). Очевидно, сообщение Некрасова в его рецензии вызвало протест или недоуменный вопрос Краевского в его письме к Тургеневу в ноябре 1849 г. Отвечая Краевскому 13 (25) декабря 1849 г., Тургенев просит у него извинения: «Я позабыл, что обещал Вам „Студента“ – и обещал его „Современнику“». В этом же письме Тургенев информировал Краевского о том, что „Студент“ доведен до 4-го акта».

Последние два действия комедии были написаны быстрее (в три-четыре месяца), чем два предыдущие (около девяти месяцев). Возможно, что работа над «Студентом» стимулировалась как настойчивыми просьбами Некрасова об ускорении публикации пьесы, так и положительными отзывами критики о «Холостяке», первом драматическом произведении Тургенева, появившемся на сцене (см. наст. том, с. 611–615).

Закончив работу над «Студентом» 22 марта 1850 г., Тургенев после собственноручной переписки пьесы отослал ее 8 апреля в Петербург, в редакцию «Современника». Однако в условиях усиления цензурно-полицейского гнета после процесса петрашевцев комедия уже в корректуре была запрещена цензорами С.-Петербургского цензурного комитета А. Л. Крыловым и И. И. Срезневским (см. письмо Тургенева к Н. М. Щепкину от 18 октября 1850, а также письмо Некрасова к М. С. Куторге от 16 мая 1850 г. – *Некрасов*, т. X, с. 148).

Запрещенная комедия, по словам Тургенева в письме к Полине Виардо от 28 октября 1850 г., пользовалась большим успехом в петербургских салонах. Возможно, что именно в это время к С. А. Миллер, ставшей впоследствии женой А. К. Толстого, попал тот список комедии, который Тургенев в 1867 г. просил через П. В. Анненкова переслать ему. С. А. Миллер интересовалась тургеневскими комедиями, что видно из письма Тургенева к ней от 19 (31) мая 1853 г.: «Вы мне не говорите, которая из моих пьес удостоилась Вашего одобрения; я знаю, что они все, более или менее, слабы; то, что может быть в них хорошего, это лишь замысел».

В том же 1850 г., осенью, Тургенев сделал еще одну попытку напечатать свою комедию, но уже под названием «Две женщины». Он послал ее 18 (30) октября в Москву Н. М. Щепкину, издававшему альманах «Комета» и просившему (через Грановского и Н. Н. Тютчева) Тургенева о сотрудничестве (см. письмо Тургенева к Н. М. Щепкину от 18 (30) октября). Автограф этой редакции неизвестен.

Можно предположить, что Тургенев, зная о претензиях петербургской цензуры, уже в этой редакции, в характеристике Беляева, устранил слишком явные признаки разночинца, а также сделал ряд других изменений, имевших целью завуалировать роль Беляева. Центр тяжести, тем самым, переносился с общественной проблематики на психологическую: возобладал «бродячий» мотив соперничества двух женщин в любви, что и обусловило, вероятно, перемену заглавия пьесы.

В ответ на письмо Н. М. Щепкина, в котором тот благодарил за присылку комедии, Тургенев писал 3 (15) ноября 1850 г. из Петербурга: «Что же касается до изменений цензурных, то – даю Вашему батюшке и Вам полное право изменять и выкинуть все что угодно – не считая нужным советоваться со мною». Однако Щепкину не пришлось воспользоваться этим разрешением, так как комедия вскоре была запрещена московским цензором И. М. Снегиревым (последний записал в своем дневнике 9 ноября, что «дочитал» комедию Тургенева «Две женщины»; позднее он вел, возможно, какие-то переговоры с Н. М. Щепкиным по поводу или комедии Тургенева или альманаха в целом, см. его запись от 18 ноября 1850 г.: Русский архив, 1903, кн. 3, с. 452 и 453).

В конце ноября 1854 г., по приезде в Петербург из Спасского, у Тургенева вновь является мысль о напечатании «Студента» в «Современнике». 29 ноября он обращается с вопросом

к Н. М. Щепкину, была ли комедия запрещена в 1850 г. Московским цензурным комитетом или лишь цензором И. М. Снегиревым (в последнем случае она могла быть вновь представлена в цензуру). После получения благоприятного ответа писатель принимается за переделку комедии, которая и была впервые напечатана в первом номере «Современника» за 1855 г. Публикации было предпослано автором особое «Замечание», в котором он писал: «Комедия эта написана четыре года тому назад и ни когда не назначалась для сцены. Это собственно не комедия, – а повесть в драматической форме» (*Т, ПСС и П, Сочинения*, т. III, с. 333).

4 декабря 1854 г. Тургенев писал М. Н. Толстой: «Я со вчерашнего дня опять попал в литературный свой хомут и должен работать. В 1-й книжке „Отеч. записок“ будет одна моя вещь, может быть и в „Современнике“». Работа была закончена не позже 22 декабря, о чем свидетельствует письмо Тургенева к М. Н. Толстой от этого числа.

Переработка комедии заключалась в том, что, по словам Тургенева в этом же письме, его «героиня из замужней женщины превращена во вдову, по неотразимому требованию цензуры». В 1867 г., приступая к подготовке издания своих «сцен и комедий» в составе нового собрания сочинений, Тургенев писал П. В. Анненкову, что в первом издании он должен был «Студента» «совершенно переделать и исказить по повелению цензуры и „Современника“». О том же он напоминал читателям в предисловии к «сценам и комедиям» в *Т, Соч, 1869*, ч. VII, с. III – IV (см.: наст. изд., Сочинения, т. 12). Незначительные поправки Тургенев, очевидно, делал в тексте рукописи предыдущей редакции пьесы, озаглавленной «Две женщины» (эта рукопись нам неизвестна). Места же, где действует Ислаев, он заменял новым текстом на отдельных листах (в Отделе письменных источников ГИМ сохранился один такой лист с пометами: «В четвертом действии к NB 3» и «В пятом действии. От NB 4»).

Кроме того, в тексте «Современника» сняты или затушеваны точные приметы «студентства» Беляева (например: «Наталя. Нет – молодой. *Студент*. – Мы его, впрочем, только на летние месяцы взяли» – с. 288; или: «Вера. Что ж вы делаете в Москве? Беляев. Как что? Мы учимся. В университет ходим – профессоров слушаем. Вера. Чему же вас учат? Беляев. Всему. *Я в политическом отделении*» – с. 312. Подчеркнутое отсутствует в «Современнике»). Причиной цензурного или автоцензурного характера можно объяснить замену «Отечественных записок» нейтральным – «журнал» (хотя по косвенным намекам можно догадаться, о каком журнале идет речь) и пропуск в реплике Беляева в первом действии восторженной оценки статей Белинского и самого критика и несколько далее такой же пропуск упоминания о Жорж Санд. Эти изменения могли быть сделаны еще в 1850 г., когда комедия получила название «Две женщины».

Вмешательство цензуры не ограничилось рукописью. В письме Д. Я. Колбасина к Тургеневу от 31 августа 1856 г. были отмечены все искажения и изъятия, сделанные в корректурных листах пьесы (см.: *Т и круг Совр*, с. 255–261). После устранения прямых указаний на то, что Беляев – студент, цензура снимает косвенные свидетельства. Беляев лишается характерных черт внешнего облика студента. В целом образ Беляева был серьезно обеднен, а замысел Тургенева – сделать его главным героем, достойным любви Наталии Петровны – в сущности полностью разрушен. В еще большей степени не посчастливилось Шпигельскому. Характер этого разночинца – умного, озлобленного, резкого в оценках, доходящих до цинизма, и остро ощущающего свое общественное неравноправие и приниженность – оказался существенно обедненным. Другие купюры были продиктованы «моральными» соображениями. Почти все эти отрывки, изъятые в корректуре, восходят к черновому автографу 1850 г. (с некоторыми вариантами, главным образом цензурного характера – так, например, в рассказе Шпигельского в корректуре отсутствуют его слова о матери: «таскалась по „расторяциям“», имеющиеся в рукописи; в конце концов снимается весь рассказ Шпигельского о его детстве). Однако в ряде случаев в списке цензурных изъятий, отмеченных в письме Колбасина, обнаруживаются отрывки, отсутствующие в единственной известной нам рукописи, но имевшиеся в корректуре «Совре-

менника». Так как мы не располагаем указанной корректурой, а также поскольку в последующих редакциях эти изъятия не были восстановлены, единственным свидетельством о них служит письмо Колбасина. Исключенной уже в корректуре фразе: «Он всё эдак усы к носу подымает и смотрит на них» в черновом автографе соответствовало: «Он должно быть много курит». В журнальном тексте появляется реплика Ракитина о «добром совете», который он хочет дать Беляеву «на прощанье» (со слов: «Я, право, не знаю, с какой стати...» – с. 386). Основная часть этой реплики не была пропущена (после «добрый совет»: «Вот видите ли, Алексей Николаевич, если вам когда-нибудь случится заметить, что женщина вдруг почувствовала к вам расположение, не теряйте времени, пользуйтесь удобным случаем, хватайтесь за него обеими руками, деликатность тут ни к чёрту не годится; женская любовь, что весенний ручей: сегодня он бежит, взволнованный и мутный, в уровень с краями оврага, завтра едва сочтется свеженькой струйкой на самом дне размытого русла»). Точно так же было изъято цензурой начало реплики Анны Семеновны («Господи боже мой, владыко живота моего, что ж это» и т. д.).

Название «Две женщины», очевидно, не соответствовало замыслу Тургенева. Поэтому оно заменяется на «Месяц в деревне», хотя в сущности все события в комедии происходят лишь в последние дни месяца, проведенного в деревне студентом Беляевым (так, во втором действии изображен *двадцать восьмой день* его пребывания в имении Ислаева – в черновом автографе было *семнадцатый*). В связи с этим оказывается не очень ясным, почему такой близкий друг дома, каким является Ракитин, знакомится со студентом лишь через 25 дней после появления его у Ислаевых. Очевидно, чувствуя здесь неувязку, Тургенев в первой печатной редакции вводит упоминание о том, что Ракитин несколько дней (в сущности надо бы – месяц) провел у соседей и учитель был нанят в его отсутствие (с. 288 – вместо: «мы нового учителя наняли» в «Современнике» появляется: «мы *без вас* нового учителя наняли»). Перелом в душе Натальи Петровны кажется Ракитину таким внезапным, потому что он продолжительное время отсутствовал (вместо: «Третьего дня был я у соседей» – в «Современнике»: «Вы знаете, я несколько дней провел у Криницыных» – с. 289). Во втором действии в реплику Ракитина после слов: «...вы словно боретесь сами с собой, словно недоумеваете...» вставляется фраза: «Перед моей поездкой к Криницыным я этого не замечал; это в вас недавно» – с. 317.

Другие разночтения чернового автографа комедии и первой печатной ее редакции многочисленны и имеют также немаловажное значение, хотя и не меняют основного содержания пьесы. Тургенев продолжает работу в том же направлении, что и над черновиком. В частности, вводится указание на эпоху, когда происходит действие комедии («Действие происходит в имении Ислаева *в начале сороковых годов*»). Возможно, что это сделано потому, что оказалась опущенной такая точная примета времени, как сотрудничество Белинского в «Отечественных записках».

Особенно много внимания уделил Тургенев образу Натальи Петровны, одному из первых ярких образов «тургеневских» женщин^[21]. Он наделил Наталью Петровну незаурядным умом, страстной натурой, способностью глубоко чувствовать. Беляев недаром отдает ей предпочтение перед Верой. Именно в журнальном тексте Тургенев подчеркивает смелость Натальи Петровны, которая ясно отдаст себе отчет в своем чувстве («Так вот оно, это страшное чувство»), которая почти готова следовать за Беляевым («Почему он знал, что я бы никогда не решилась...»). В конце третьего действия к словам, вставленным в черновике: «Это человек!» прибавляется: «Я его еще не знала...», тем самым психологически мотивируется откровенное признание Натальи Петровны в четвертом действии, объясняется усиление и нарастание ее чувства.

Трудно точно сказать, на какой стадии работы были сделаны все отмеченные выше изменения текста. Часть из них безусловно была уже в беловике первой редакции (см. выше);

исправления вносились в редакцию пьесы под названием «Две женщины»; часть изменений была сделана при подготовке текста для «Современника».

Критика почти не реагировала на публикацию комедии. Немногочисленные отзывы были весьма сдержанны. Рецензию «Библиотеки для чтения» в сущности можно считать отрицательной. В ней была задета и статья П. В. Анненкова «О мысли и произведениях изящной словесности (Заметки по поводу последних произведений гг. Тургенева и Л. Н. Т.)», напечатанная в том же номере «Современника», что и «Месяц в деревне». Рецензент «Библиотеки для чтения» имел, в частности, в виду следующее положение статьи Анненкова: «Где есть в рассказе присутствие психического факта и верное развитие его, там уже есть настоящая и глубокая мысль» (отд. «Критика», с. 18). «Не будь в „Современнике“ статьи г. П. А-ва, – писала „Библиотека для чтения“, – мы прочли бы комедию и не обинуясь высказали бы нашему любимому писателю свое задушевное мнение. Но статья г. П. А-ва вынудила нас примерять последнее произведение г. Тургенева к готовой рамке приговора – и мы пришли в недоумение. Точно, в новой комедии или, как выразился сам автор, *повести в драматической форме*, видны несомненные признаки *психического факта*, но – сознаемся в своей близорукости – юмор, поэтический элемент, а главное – *настоящая глубокая мысль* так тонко разлиты в девяти печатных листах, что для нас решительно неуловимы. В первом пылу непростительного самолюбия мы было обвинили редакцию „Современника“ за то, что она неловко свела на очную ставку умные и заслуженные похвалы прежним рассказам автора с новым его произведением, может быть невыработанным, может быть переработанным...»^[22] (*Б-ка Чт*, 1855, № 2, Литературная летопись, с. 44–45).

Рецензент «Отечественных записок» полагал, что новая комедия Тургенева «без сомнения может быть поставлена высоко», но при одном условии: «если вместе с г. П. А-вым будем прежде всего искать в литературном произведении „изображения душевных оттенков, игры бесчисленных волнений человеческого нравственного существа в соприкосновении его с другими людьми“». Так же как и рецензент «Библиотеки для чтения», критик «Отечественных записок» в сущности не соглашался видеть в «психическом факте», переданном художником, «настоящую и глубокую мысль». Комедия, говорилось далее, вероятно, «не приобретет у большинства читателей такой популярности, как многие другие произведения того же автора, потому что интерес ее – чисто психологический; и чтоб оценить по достоинству тонкие в своей верности черты, которыми изображается в ней „игра бесчисленных волнений человеческого нравственного существа“, нужно иметь и собственную наклонность и собственную способность к наблюдению „душевных оттенков“». Передавая сюжет комедии и говоря о характерах ее, критик отмечал, что «действие комедии многосложно, но ясно и незапутанно», что «все характеры развиваются верно и художественно» (*Отмеч Зап*, 1855, № 2, отд. IV, с. 120–122).

В 1856 г. Некрасов намеревался издать в двух томах драматические произведения Тургенева. Перед отъездом за границу в августе 1856 г. он поручил Д. Я. Колбасину, руководившему в то время технической стороной некрасовских изданий, «списать вымаранные цензором места и отправить к Тургеневу» (Архив села Карабахи. М., 1916, с. 276–277). Это поручение было Колбасиным выполнено. В письме к Тургеневу, заключавшем купюры, сделанные цензорами в корректурных листах «Месяца в деревне» (см. выше), Колбасин сообщал: «Вот всё, что было пропущено в цензурной корректуре, но это не дает того света комедии, какой был в первоначальном ее виде; рукописи моей я не мог нигде отыскать, но, сколько помнится мне, у Вас в Спасском есть ветхий оригинал, его бы можно отыскать, он хранится в красной шкапулке <имеется в виду черновой автограф 1850 г.>. Вспомните и напишите дяде, чтоб поискал. Скоро ли пришлете комедии, надо бы начать печатать с октября месяца, потому что повести в половине октября будут готовы» (*Т и круг Совр*, с. 261). Несмотря на напоминания Некрасова, Тургенев этой работы не выполнил.

Возможно, Тургенев медлил, помня, как холодно был встречен «Месяц в деревне» в 1855 г., а в начале 1857 г. – под влиянием статьи А. В. Дружинина о «Повестях и рассказах», в которой последний писал об «отсутствии драматического элемента в даровании Тургенева», называл драмы Тургенева «весьма неудачными»^[23] – и вовсе отказался от мысли напечатать свои комедии.

Вместе с тем продолжали раздаваться голоса о необходимости издания «Театра Тургенева». Об этом писал, правда несколько позднее, М. Лонгинов: «...есть немало людей, которым они <пьесы Тургенева> очень нравятся; и мы уверены, что *Teatr* г. Тургенева будет для них истинным подарком, а потому и желаем, чтоб он был собран и издан». Особое внимание М. Лонгинов уделял комедии «Месяц в деревне» (*PB*, 1861, № 2, с. 915–916).

В 1867 г. Тургенев приступил к подготовке нового издания своих сочинений, куда должны были также войти «сцены и комедии» и в том числе «Месяц в деревне». В это время уже не существовало цензурных препятствий для публикации неискаженного текста комедии, восходившего к тексту первой редакции. Очевидно, Тургеневу были доступны две рукописи этой первой редакции – черновой автограф, хранившийся в Спасском, и список, находившийся у С. А. Толстой. 14 (26) ноября 1867 г. он просит Анненкова: «Если вы увидите лично графа А. К. Толстого, то напомните ему, что его супруга хотела мне прислать сюда <в Баден-Баден, где жил тогда Тургенев> находящуюся у нее единственную копию с рукописи моей комедии „Месяц в деревне“...». Однако эта копия не была получена Тургеневым, о чем он сообщал Анненкову 13(25) апреля 1868 г.: «А графиня Толстая так-таки и не прислала мне мою рукопись, и за этим придется ехать в деревню», то есть в Спасское, где и находился черновой автограф «Студента». Известно, что в течение полутора недель своего пребывания в Спасском в июне 1868 г. Тургенев усиленно трудился над подготовкой нового собрания сочинений (см. письма к Полине Виардо от 17 и 19 июня 1868 г.). Вполне вероятно, что это был труд главным образом по подготовке нового текста «Месяца в деревне» и что Тургенев предпринял свое путешествие из Бадена в Спасское ради имевшегося в деревне автографа.

В заметке «Вместо предисловия», предпосланной «Сценам и комедиям» в *T, Соч*, 1869, ч. VII, Тургенев писал, что «Месяц в деревне» «является теперь в первобытном виде». Однако это заявление не совсем точно. Социальная острота конфликта оказалась ослабленной, поскольку в новой редакции не были устранены цензурные купюры и искажения журнального текста, затронувшие в значительной своей части образы двух разночинцев – Беляева и Шпигельского; не были восстановлены и некоторые другие детали текста, обедненного по настоянию цензуры на разных стадиях работы автора над пьесой (см. выше). Причиной этого была никак не перемена в настроениях и взглядах Тургенева, а недостаточная актуальность и острота общественного содержания конфликта и его «моральной» формы в эпоху шестидесятых годов, в условиях резких политических столкновений революционной демократии и идеологов либерализма. Сложные же психологические отношения героев, разрушенные в журнальной редакции, были восстановлены, хотя и без социальной их заостренности. Реконструируя роль Ислаева, Тургенев, однако, не просто возвратился к первой редакции пьесы. По сравнению с черновым автографом, сцены, в которых участвует Ислаев, были значительно сжаты. Их стилистическая правка, как установлено в исследовании Н. М. Кучеровского, «была направлена к тому, чтобы придать диалогам максимальную внутреннюю содержательность, что достигалось за счет подбора таких слов в каждой реплике, которые бы наиболее точно и кратко выявляли основную мысль диалога и психологию действующего лица»^[24]. Эти сцены стали более динамичными, более «театральными».

Из купюр цензурной корректуры «Современника» Тургенев восстановил большую реплику Ракитина: «...всякая любовь ~ такую дорогою ценою», неоднократно исправлявшуюся уже в рукописи (см. с. 385). Вслед за тем Тургенев возвращает на свое место, с значительными исправлениями, и большую часть реплики Натальи Петровны в первом действии об ее

отношениях с Ракитиным, также исключенную, вероятно, по требованию цензуры (ср. с. 302: «Наши отношения так чисты ~ вот от того-то...»)

Постановка «Месяца в деревне» впервые была осуществлена режиссером А. Богдановым на сцене московского Малого театра 13 января 1872 г. в бенефис Е. Н. Васильевой в связи с 25-летним юбилеем ее сценической деятельности. Роли распределялись следующим образом: Ислаев – И. В. Самарин, Наталья Петровна – Е. Н. Васильева, Верочка – Н. С. Васильева, Анна Семеновна Ислаева – Н. В. Рыкалова, Лизавета Богдановна – С. Н. Акимова, Ракитин – Н. Е. Вильде, Беляев – М. А. Решимов, Большинцов – П. М. Садовский, Шпигельский – С. В. Шумский^[25].

Переговоры о постановке пьесы, во время которых возник и вопрос о ее сокращении для сцены, велись уже во время краткого пребывания Тургенева в Москве в марте 1871 г. И хотя писатель, по его же словам, «всячески уговаривал г-жу Васильеву этой комедии не давать – ибо она вещь не сценическая и непременно должна нагнать скуку – я же вовсе не драматический писатель», он всё же дал разрешение на постановку пьесы и необходимые сокращения ее текста для сцены: «Я, нижеподписавшийся, отдал Екатерине Николаевне в полное распоряжение мою пьесу „Месяц в деревне“ для постановки на сцену – и при этом изъявляю мое согласие на все те сокращения, которые окажутся необходимыми. *Иван Тургенев. Москва, 17 марта 1871*»^[26].

Однако до постановки он, как это видно из письма к Н. С. Тургеневу от 16 (28) января 1872 г., не знал об окончательном решении Е. Н. Васильевой взять пьесу для своего бенефиса. Узнав об этом из «Московских ведомостей», Тургенев просил брата в том же письме сообщить ему свое мнение о спектакле, повторяя, что «Месяц в деревне» – «вещь не сценическая». Вместо сообщения о своих впечатлениях Н. С. Тургенев послал в Париж вырезки из газет с отзывами о спектакле. Рецензии подтвердили самые худшие опасения и предположения писателя: «...я из них не узнал ничего нового, ибо ничего иного и не ожидал; моя комедия <...> должна была получить фиаско. Оттого я и бросил (с 1851 года) писать для сцены; это не мое дело. Мне остается только упрекнуть себя – зачем я имел слабость согласиться на просьбы г-жи Васильевой...»

В самом деле, отзывы критики были весьма неблагоприятны. Как отмечалось на страницах «Русских ведомостей», «капитальной пьесой своего бенефиса г-жа Васильева выбрала 5-актную комедию нашего даровитого писателя И. С. Тургенева, и в этом выборе заключается первая ее ошибка. Пьесы г. Тургенева, написанные несомненно прекрасным литературным языком и чрезвычайно художественные и интересные в чтении, очень много теряют при сценическом исполнении. Бенефициантке лучше, нежели кому бы то ни было другому, должна быть известна и понятна та огромная разница, которая существует между произведением чисто беллетристическим и предназначенным для сцены, а также и тот недостаток сценичности, которым страдают все вообще пьесы Тургенева, за исключением разве только комедии „Провинциалка“, где когда-то с таким успехом участвовала та же г-жа Васильева». Сказав о несценичности пьес Тургенева, рецензент очень резко отозвался о плохой игре актеров, которые не сумели воспользоваться важнейшим достоинством комедии – «красотой ее языка». Его удовлетворяли лишь Васильева 2-я (Верочка) и Шумский (Шпигельский). См.: *Рус Вед*, 1872, 18 января, № 13.

Несмотря на неуспех первого представления, пьеса прошла в Малом театре еще четыре раза (17, 18, 19 и 23 января 1872 г.).

Вторично «Месяц в деревне» был поставлен уже в Петербурге, на сцене Александрийского театра. 17 января 1879 г., в бенефис М. Г. Савиной. На этот раз роли исполняли: Ислаев – Н. Ф. Сазонов, Наталья Петровна – А. И. Абаринова, Вера – М. Г. Савина, Анна Семеновна Ислаева – Е. А. Сабурова, Лизавета Богдановна – Р. В. Стрельская, Ракитин – А. С. Полонский, Беляев – М. М. Петипа, Большинцов – К. А. Варламов, Шпигельский – П. И. Новиков. Этот спектакль занимает особое место в истории сценического воплощения тургеневских пьес, прежде всего благодаря участию в нем замечательной русской актрисы М. Г. Савиной.

Подыскивая пьесу для своего бенефиса, Савина не сразу остановилась на «Месяце в деревне». В «С.-Петербургских ведомостях» от 9 января 1879, № 9, отмечалось, что сначала Савина выбрала пьесу Дюма «La dame aux camélias»: «... выбор этот был решен, пьеса расписана и роли розданы актерам для разучения. Но вдруг, в силу непонятных соображений, бенефициантка отказалась от исполнения роли Готье и избрала для своего артистического торжества <...> комедию И. С. Тургенева „Месяц в деревне“...».

Выбор Савиной не был, конечно, случайным. Прежде всего, по ее собственным словам, она руководствовалась «именем автора, а роли не придавала большого значения»^[27]. Однако этому не противоречит другое, позднейшее свидетельство, что роль Верочки, «хотя и не центральная», ей очень понравилась. Пьеса же, «в том виде, как она напечатана, показалась скучна и длинна; тем не менее, я твердо решила ее поставить. Сазонов тоже указал мне на этот недостаток и посоветовал попросить Крылова, как знатока сцены, урезать ее^[28], на что я согласилась под условием разрешения автора»^[29]. 10 января Савина обратилась к писателю за таким разрешением. «Вчера вечером, – писал он А. В. Топорову 11(23) января 1879 г., – пришла ко мне телеграмма от Савиной (актрисы), в которой она меня просит разрешить ей необходимые урезки из моей комедии <...> Не понимаю я, с какой стати ей пришла в голову мысль взять эту невозможную в театральном смысле пьесу!» Савину, как и раньше Васильеву, ожидает, по его мнению, «торжественное фиаско». «Я ей, конечно, ответил, – продолжал Тургенев, – тоже по телеграфу^[30], что разрешаю ей какие угодно вырезы и урезы...» Вместе с тем, заключая письмо, Тургенев вновь выразил свое «сожаление и неодобрение».

Давая свое разрешение на «урезку», Тургенев еще не знал, что сокращать пьесу будет В. А. Крылов. 10 января об этом сообщил «Петербургский листок»: «...комедию сокращает для сцены Виктор Александров (???!)» Знаки, стоявшие после имени В. Александрова (Крылова), должны были, вероятно, означать всю несовместимость и несоизмеримость имен Тургенева и автора сценической переделки «Месяца в деревне». 11 января это сообщение «Петербургского листка» было перепечатано «Новым временем», где его прочитал Тургенев. О степени возмущения и раздражения писателя можно судить по резкому тону письма, посланного им в газету «Русская правда» 15(27) января. Вновь повторив, что его комедия «никогда не назначалась для сцены», он писал: «Не знаю, какая участь ожидает мою комедию после операции, совершенной над нею г. Крыловым, но считаю нужным заявить перед публикой, посредством вашей газеты, что я отклоняю от себя всякую дальнейшую ответственность по этому делу, которое, каков бы ни был результат, до меня не касается».

Однако уже на первом представлении (17 января) комедия имела большой успех. Почти все петербургские газеты посвятили разбору этого спектакля статьи своих театральных обозревателей, назвав его «действительным праздником для всех любящих дело русского театра» (Петербургский листок, 1879, 18 января, № 13).

Отзывы обычно содержали оценку «Месяца в деревне» как литературного и драматического произведения и разбор игры актеров, который позволяет в известной степени восстановить особенности сценического воплощения комедии.

Общественное содержание пьесы не привлекло внимания рецензентов, за исключением А. С. Суворина, который увидел в персонажах «Месяца в деревне» предшественников героев «Отцов и детей»^[31], да рецензента «Биржевых ведомостей», который назвал содержание комедии «устарелым».

Как драматическое произведение пьеса всеми газетами была названа «скучной», или даже «скучнейшей», и несценичной, хотя в то же время признавались ее высокие литературные достоинства. «„Месяц в деревне“ нельзя даже назвать комедией – это просто диалогированная повесть; отсутствие драматической жилки бросается здесь в глаза на каждом шагу, так же как и блестящие достоинства романиста-художника» (Биржевые ведомости, 1879, 19 января, № 18). «Все пять актов <...> зритель обязан слушать разговоры двух персонажей, беспрестанно меня-

ющихся: поговорят, поговорят и уйдут, а на смену им является новая пара, через несколько минут уступающая свое место другой паре, и так все пять актов» (Голос, 1879, 19 января, № 19). В то же время отмечалось, что своеобразие комедии Тургенева потребовало от актеров новых приемов игры. «Здесь всё зависит от актера. Не доиграй актер или переиграй – пиши пропало. Воплотить в себе и разрешить сложную психологическую задачу – вот что задает И. С. Тургенев нашей современной драматической труппе <...> Страшно за актеров, которые вдруг окажутся вполне бессильными совладать со сложной психологической задачей» (Петербургский листок, 1879, 18 января, № 13, рецензия редактора газеты, драматурга и романиста А. А. Соколова за подписью «Театральный нигилист»). «Это замечательно тонкий психологический этюд, требующий от актеров большого художественного чутья и известного художественного уровня» (Биржевые ведомости, 1879, 19 января, № 19). Необходимость выполнения новых задач благотворно сказалась и на самих актерах. Об этом писал, например, А. С. Суворин: «Все актеры играли положительно хорошо, так хорошо, что невольно возникал вопрос: точно ли александрийская труппа так плоха, как об этом вообще думают?» (Новое время, 1879, 19 января, № 1039).

На представлении 15 марта 1879 г. присутствовал Тургенев, приехавший в начале февраля 1879 г. в Россию. Об этом вечере сохранились воспоминания участников спектакля – М. Г. Савиной и К. А. Варламова. «С каким замиранием сердца я ждала вечера и как играла – описать не умею, – вспоминала Савина, – это был один из счастливейших, если не самый счастливый спектакль в моей жизни. Я священнодействовала... Мне совершенно ясно представлялось, что Верочка и я одно лицо... Что делалось в публике – невообразимо! <...> После третьего действия (знаменитая сцена Верочки с Натальей Петровной) Иван Сергеевич пришел ко мне в уборную, с широко открытыми глазами подошел ко мне, взял меня за обе руки, подвел к газовому рожку, пристально, как будто в первый раз видя меня, стал рассматривать мое лицо и сказал: – Верочка... Неужели эту Верочку я написал?!... Я даже не обращал на нее внимания, когда писал... Всё дело в Наталье Петровне... Вы живая Верочка... Какой у вас большой талант! <...> К концу спектакля овации приняли бурный характер, и когда автор, устав раскланиваться, уехал из театра, исполнителей вызывали без конца»^[32].

Об этом же спектакле рассказал в 1903 г., при возобновлении «Месяца в деревне» в Александрийском театре, К. А. Варламов, передавший слова Тургенева об исполнении артистом роли Большинцова: «Я никак не ожидал, не мечтал <...> чтобы из Большинцова можно было сделать так много. Если бы я мог представить себе, до какой степени простирается искусство актера, то наверно обратил бы больше внимания на эту роль и дал бы вам больше материала». Варламов воспроизвел и общую атмосферу спектакля, сопровождавшегося «бесконечными овациями по адресу Тургенева, в особенности со стороны учащейся молодежи, которая буквально неистовствовала, заставляла Ивана Сергеевича несчетное число раз подходить к барьеру ложи и раскланиваться. Но это был успех Тургенева, а не пьесы» (Бирюч петрогр. гос. театров, № 2, 9–15 ноября 1918 г., с. 40–42).

Последние слова Варламова не совсем справедливы, так как пьеса пользовалась успехом и до приезда Тургенева в Россию в 1879 г. Однако овации 15 марта были, конечно, и проявлением отношения к Тургеневу в эту пору широких кругов передовой русской общественности.

При жизни Тургенева «Месяц в деревне» был возобновлен в начале 1881 г. в московском Малом театре в бенефис Г. Н. Федотовой^[33].

Третье обращение Малого театра к «Месяцу в деревне» (25 января 1900) было более успешным, чем два предыдущих, прежде всего благодаря исполнению роли Натальи Петровны великой русской актрисой М. Н. Ермоловой^[34]. М. Н. Ермолова писала об этом спектакле: «Я довольна бенефисом. Настроение в театре было хорошее, радостное. Тургенев сделал свое дело <...> Публика невольно заслушивается этой прелестной музыкой разговора и тонких ощущений»^[35]. В спектакле участвовали и другие выдающиеся актеры Малого театра: А. И.

Сумбатов-Южин (Ракитин), И. А. Рыжов (Беляев), Е. Н. Музиль (Верочка), Г. Н. Федотова (Ислаева), К. Н. Рыбаков (Ислаев), А. Н. Ленский (Шпигельский), О. О. Садовская (Лизавета Богдановна).

В Александринском театре «Месяц в деревне» шел 27 сентября 1883 г., в день похорон Тургенева^[36], после чего пьеса неоднократно возобновлялась на той же сцене^[37], причем при возобновлении спектакля в 1903 году М. Г. Савина исполняла уже роль Натальи Петровны^[38].

Особую страницу в историю интерпретации тургеневских пьес вписал своей постановкой «Месяца в деревне» в 1909 г. Московский Художественный театр.

Еще в 1899 г. Вл. И. Немирович-Данченко делился с П. Д. Боборыкиным своими планами поставить тургеневскую комедию так, «чтоб от нее веяло ароматом тургеневского таланта и *его* колоритом, чтобы вся пьеса дышала его мягким, деликатным анализом душевного брожения Натальи Петровны, Ракитина и т. д. и чтобы эти Натальи Петровны, Ракитины и другие были плотью от плоти и кровью от крови *своей* эпохи, со всем складом их внешней и духовной жизни»^[39]. С несколько иных позиций подошел к постановке «Месяца в деревне» К. С. Станиславский, которого в первую очередь занимало не исторически-конкретное воспроизведение быта и психологии обитателей «дворянского гнезда», а возможность использования тургеневской драматургии для выработки новых способов раскрытия человеческих чувств, их оттенков и переходов – способов, отличных от привычных театральных приемов.

«Спектакль и, в частности, я сам в роли Ракитина имели очень большой успех, – писал Станиславский в книге „Моя жизнь в искусстве“. – Впервые были замечены и оценены результаты моей долгой лабораторной работы, которая помогла мне принести на сцену новый, необычный тон и манеру игры, отличавшие меня от других артистов. Я был счастлив и удовлетворен не столько личным актерским успехом, сколько признанием моего нового метода»^[40].

В осуществлении задачи, поставленной в этом спектакле Станиславским, замечательным помощником великого режиссера стал художник М. В. Добужинский. По словам режиссера Художественного театра Б. М. Сушкевича, «вместо обширных стройных комнат, которые бывали до тех пор, все комнаты „Месяца в деревне“ были решены не далее второго плана симметричным расположением мебели. Даже декорация сада была дана одной скамейкой и одним большим строенным деревом на фоне замечательно нарисованного задника. Декорации помогли воспринять новую форму спектакля»^[41].

Обстоятельный разбор этой постановки дан в книге Л. П. Гроссмана «Театр Тургенева» (1924), в разделе «Фиксация тургеневского спектакля „Месяц в деревне“ в Художественном театре». Об откликах печати на этот спектакль см. в издании: Московский Художественный театр. 1898–1938. Библиография. Сост. А. А. Аганбекян. М.; Л.: ВТО, 1939.

После Великой Октябрьской социалистической революции «Месяц в деревне» ставился много реже других тургеневских пьес. Первые значительные новые постановки этой комедии в столичных и периферийных театрах относятся к периоду 1943–1946 гг. Библиографические данные об этих спектаклях см. в книге Г. П. Бердникова «Тургенев и театр», М., 1953, с. 604–605.

В специальной литературе о Тургеневе «Месяц в деревне» долгое время или вовсе не упоминался или учитывался лишь попутно в общих кратких обзорах драматургического наследия Тургенева, с неизбежными оговорками о «растянутости» пьесы, о наивности «тонких чувств» ее персонажей и их «романических отношений во вкусе 40-х годов», искупаемых, правда, «прекрасным языком комедии, мастерством психологического анализа, благородной простотой сюжета и его естественным развитием», без «банальных эффектов» (Литературная деятельность Тургенева. Критический этюд В. Буренина. СПб., 1884, с. 251–253).

Раздавались голоса о несамобытности и устарелости как театра Тургенева вообще, так и комедии «Месяц в деревне» в особенности. Очень четко эта мысль была выражена в 1878 году, еще при жизни Тургенева, П. Д. Боборыкиным, писавшим в статье «Островский и его

сверстники»: «Та <...> сложная психологическая задача, которую Тургенев хотел вложить в свою комедию „Месяц в деревне“, не только для современного зрителя, но и для читателя вряд ли представляет живой, затрагивающий интерес. Эти задачи или, лучше сказать, задачки уже погребены и в повествовательной беллетристике. Они, к счастью, скрылись вместе с праздностью барской жизни, с разными искусственными и пустыми тонкостями, которые теперь уже не играют никакой выдающейся роли ни в душевной жизни образованных людей, ни в мотивах литературы». В общем, подытоживал свои рассуждения Боборыкин, «театр Тургенева представляет собою только доказательство того, как этот своеобразный русский талант в начале своего поприща подчинялся различным влияниям, начиная с традиций узковатой натуральной школы и кончая произведениями французской беллетристики»^[42]. Одностороннее и «узковатое» мнение Боборыкина было опровергнуто всей последующей судьбой театрального наследия Тургенева.

Особое место в литературе этой поры о «Месяце в деревне» занимает тонкий критический разбор тематики, фабулы и образов этой пьесы, данный в очерке Евг. Цабеля «Iwan Turgenew als Dramatiker» в 1885 г. Интерпретируя «Месяц в деревне» как «венец тургеневской драматургии», Е. Цабель высоко оценил не только мастерство построения пьесы, жизненность ее персонажей, глубину психологического анализа их характеров и поступков, но и своеобразие драматургической техники Тургенева, значение его пьесы как нового слова в европейской драматургии^[43].

Наблюдения и обобщения Е. Цабеля были развиты в специальных статьях о драматургии Тургенева, принадлежащих П. О. Морозову (Ежегодник императорских театров, т. XIV. Сезон 1903–1904 г.) и Н. А. Котляревскому (сб. Старинные портреты, СПб., 1907).

В советской литературе о «Месяце в деревне» особенно значима глава об этой комедии в книге Л. П. Гроссмана «Театр Тургенева» (Пг., 1924). Впервые сводка материалов по истории создания «Месяца в деревне» была дана в комментариях Ю. Г. Оксмана: *Т, Сочинения*, т. IV, с. 213–219. Некоторые специальные вопросы, связанные с историей написания «Месяца в деревне», были освещены в статьях И. Р. Эйгеса «Пьеса „Месяц в деревне“ И. С. Тургенева» (*Лит учеба*, 1938, № 12, с. 56–78) и Н. М. Кучеровского «Три редакции комедии И. С. Тургенева „Месяц в деревне“» (Уч. зап. Калуж. гос. пед. ин-та, 1958. Вып. 4, с. 165–181).

Как «наиболее значительное драматургическое произведение Тургенева», не только органически связанное с общественно-исторической обстановкой и всем творчеством Тургенева сороковых годов, но и «наиболее отчетливо намечавшее пути к последующим произведениям писателя», к романам и повестям пятидесятых и шестидесятых годов, «Месяц в деревне» характеризуется в очерке Г. П. Бердникова «Иван Сергеевич Тургенев» (М.; Л., 1951, с. 47–62 и 135–142).

Условные сокращения

- Анненков и его друзья* – П. В. Анненков и его друзья. СПб., 1892.
- Боткин и Т* – В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851–1869. По материалам Пушкинского Дома и Толстовского музея. Приготовил к печати Н. Л. Бродский. М.; Л.: Academie, 1930.
- Гоголь* — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. I–XIV.
- Гроссман, Театр Т* — Гроссман Л. П. Театр Тургенева. Пг., 1924.
- Для легкого чтения* – Для легкого чтения. Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей. СПб., 1856–1859. Т. I–IX.
- Лит учеба* – «Литературная учеба» (журнал).
- Лит Музеум* – Литературный Музеум (Цензурные материалы 1-го отд. IV секции Государственного архивного фонда). Под редакцией А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., 1919.
- Моск Вед* – «Московские ведомости» (газета).
- Москв* – «Москвитянин» (журнал).
- Отчет ИПБ* – Отчеты императорской Публичной библиотеки.
- Пыпин, Списки пьес Т* — Пыпин Н. А. Списки пьес И. С. Тургенева в собраниях Ленинградской театральной библиотеки им. А. В. Луначарского. – О театре. Сборник статей. Л.; М., 1940.
- Салтыков-Щедрин* — Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т. М.: Гослитиздат, 1965–1977.
- СПб Вед* – «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).
- Т сб (Пиксанов)* – Тургеневский сборник. Пгр.: «Огни», 1915 (Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксанова).
- Т, Соч, 1865* — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Ч. 1–5. Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865.
- Т, Соч, 1869* — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). Ч. 1–8. М.: Изд. бр. Салаевых, 1868–1871.
- Т, Соч, 1891* – Полн. собр. соч. И. С. Тургенева. 3-е изд. Т. 1–10. СПб., 1891.
- Т, 1856* – Повести и рассказы И. С. Тургенева с 1844 по 1856 г. 3 части. СПб., 1856.
- Т и Савина* – Тургенев и Савина. Письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной. Воспоминания М. Г. Савиной об И. С. Тургеневе. С предисловием и под редакцией почетного академика А. Ф. Кони при ближайшем сотрудничестве А. Е. Молчанова. Пг., 1918.
- Т и театр* — Тургенев и театр. М., 1953.
- Театр насл* — Театральное наследство. Сообщения. Публикации / Ред. коллегия: А. Я. Альтшуллер, Г. А. Лапкина. М.: Искусство, 1956.
- Толстой* – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. / Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.; Л.: Гослитиздат, 1928–1958. Т. 1–90.
- Труды ГБЛ* – Труды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М.: Academia, 1934–1939. Вып. III–IV.
- Тучкова-Огарева* – Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1959.
- Чернышевский* – Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т. М.: Гослитиздат, 1939–1953. Т. I–XVI (доп.).
- Mazon* – Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits par André Mazon. Paris, 1930.
- Zabel* – Zabel E. Iwan Turgenjew als Dramatiker. – Literarische Streifzüge durch Russland. Berlin, 1885.

Комментарии

1.

«Монте-Кристо» – роман Александра Дюма-отца «Comte de Monte-Cristo» (1844–1845).

2.

Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faulen Leute. — Первые строки стихотворения Христиана Феликса Вейсе (1726–1804), ставшие пословицей. Стихотворение впервые было напечатано в сб. «Lieder für Kinder» (1766).

3.

Ведь я, как Татьяна, тоже могу сказать: «К чему лукавить?» – Слова Татьяны в романе Пушкина «Евгений Онегин», глава восьмая, строфа XLVII.

4.

...он называл меня ~ своей Антигоной... – Антигона – легендарная древнегреческая героиня, дочь Эдипа и его матери Иокасты, последовавшая за слепым отцом в изгнание. Миф об Антигоне лег в основу трагедий Софокла «Эдип в Колоне» и «Антигона».

5.

Теплый человек их пишет... – Беляев имеет в виду литературно-критические статьи и рецензии Белинского.

6.

Я перевел роман Поль де Кока «Монфермельскую молочницу» ~ но я ни слова не знаю по-французски. – Тургенев воспользовался для характеристики Беляева эпизодом из биографии Белинского, который, находясь после исключения из университета в большой нужде, принял заказ на перевод только что выпущенного в свет романа Поль де Кока «Магдалина». Перевод этот, опубликованный в 1833 г., изобилует ошибками, так как Белинский в ту пору еще плохо владел французским языком. В передаче Тургенева, заменившего в своей пьесе «Магдалину» Поль де Кока его же «Монфермельской молочницей» («La Laitière de Montfermeil»), этот эпизод в течение многих лет бытовал во всех биографиях Белинского. См.: Оксман Ю. Г. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958, с. 562.

7.

Souvent femme varie... – Начальные слова песенки короля франциска I, использованные В. Гюго в его драме «Король забавляется» («Le roi s'amuse», 1832, акт IV, сцена II). В романе Дюма «Граф Монте-Кристо», который читает Ракитин, цитируется эта же сентенция (т. II, гл. 28: «Souvent femme varie, – a dit, François I-er»).

8.

Ба, ба, ба... какими судьбами! – Цитата из «Мертвых душ» Гоголя (гл. IV, встреча Чичикова с Ноздревым).

9.

...невинная душа, прямо из золотого века Астреи... – Астрея по древнегреческой мифологии – богиня справедливости Дике, дочь Зевса и Фемиды.

10.

...уездный Талейран... – Имя французского дипломата Шарля-Мориса Талейрана (1754–1838), сумевшего сохранить свое влиятельное положение в государственном аппарате при всех сменах правительств, на некоторое время стало нарицательным именем любого беспринципного дельца, умело использующего в своих интересах самую сложную общественно-бытовую обстановку.

11.

... я жажду свободы и покоя. – Перефразировка строки стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» (1841): «Я ищу свободы и покоя».

12.

«Жил-был у бабушки серенький козлик». – Русский первоисточник этой песенки не установлен. Ее польский текст («*Była Babusia // Domu Bogatego / Miała Koziołka // Baiza bogatego*» и пр.), бытующий и в современном польском фольклоре, известен в записи начала XVIII столетия. См.: Перетц В. Н. Заметки и материалы для истории песни в России. – Изв. Отд. русского языка и словесности Академии наук, СПб., 1901. Т. 6, кн. 2, с. 62 и 64.

13.

Эфрос Н. Из истории тургеневских пьес. – Культура театра, 1921, № 7–8, с. 38.

14.

Эта драма Бальзака и ее постановка в «*Théâtre Historique*» (премьера 25 мая 1848 г.) были выдающимися событиями в театральной жизни Парижа, обратившими на себя внимание не только во Франции, но и в России. В «Современных заметках» журнала «Современник» (1848, № 8, с. 107–110) был полностью перепечатан разбор «Мачехи» из «*Revue des Deux Mondes*» (1848, т. XXII, с. 812–815 – номер от 15 июня).

15.

Гроссман, Театр Т, с. 70.

16.

Гроссман, Театр Т, с. 68; Оксман Ю. Г., комментарий к «Месяцу в деревне» (Т, Сочинения, т. IV, с. 218); Эйгес И. Пьеса «Месяц в деревне» И. С. Тургенева. – Лит учеба, 1938, № 12, с. 56–78.

17.

Эйгес И. Пьеса «Месяц в деревне» И. С. Тургенева. – Лит учеба, 1938, № 12, с. 70. Полным именем – Беляев – он впервые назван в середине третьего действия, в реплике Натальи Петровны: «...этот молодой студент – этот Беляев – произвел на меня – довольно сильное впечатление...»

18.

«Любовь <...> – болезнь <...> обыкновенно она овладевает человеком без спроса, внезапно, против его воли – ни дать ни взять холера или лихорадка... <...> в любви одно лицо – раб, а другое – властелин, и недаром толкуют поэты о цепях, налагаемых любовью. Да, любовь – цепь, и самая тяжелая».

19.

Здесь явная перекличка с «Дневником лишнего человека», писавшимся одновременно со «Студентом»: «...в тот самый вечер, при мне, началось в ней то внутреннее, тихое брожение, которое предшествует превращению ребенка в женщину <...> Она отвернулась от меня и вдруг залилась слезами». И там, и здесь слезы – первый признак пробуждающегося, еще не осознанного чувства.

20.

Совр, 1849, № 11, отд. V, с. 139. Ср.: Некрасов, т. IX, с. 542.

21.

«Всё дело в Наталье Петровне...» – таково было отношение писателя к этому образу в процессе создания комедии (см.: Т и Савина, с. 66).

22.

К последнему слову в журнале было дано примечание: «См. в статье П. А-ва объяснение художнического термина переработка. Совр. Янв. 1855 г.» (то есть: «Переработкой называется следствие той усиленной работы, которая придает какой-либо подробности верность математическую, но лишает ее жизненного выражения»). Однако слово переработка имеет и другой смысл, на который, возможно, и намекает рецензент «Библиотеки для чтения», в замаскированной форме говоря о вынужденной переделке комедии. См. комментарий Ю. Г. Оксмана: Т, Сочинения, т. IV, с. 216.

23.

Б-ка Чт, 1857, № 2. По поводу этой статьи Тургенев писал А. В. Дружинину 3 (15) марта 1857 г.: «Вы вложили перст в язву – и я сам увидел свою физиономию, как в зеркале...».

24.

Кучеровский Н. М. Три редакции комедии И. С. Тургенева «Месяц в деревне». – Уч. зап. Калуж. гос. пед. ин-та, 1957, вып. 4, с. 172.

25.

В музее Малого театра сохранилась так называемая монтировка комедии, датированная 5 января 1872 г. (Театр насл, с. 314–315).

26.

Плещеев Александр. Что вспомнилось. Актеры и писатели. СПб., 1914. Т. III, с. 257–258.

27.

См.: Шнейдерман И. Мария Гавриловна Савина. 1854–1915. Л.; М.: «Искусство», 1956, с. 115.

28.

В сокращении пьесы принимали участие и сами актеры – прежде всего Савина, как записал с ее слов Александр Плещеев (Что вспомнилось. Актеры и писатели. СПб., 1914. Т. III, с. 257).

29.

Т и Савина, с. 63. А. И. Вольф ошибочно полагал, что автор находился в это время в Петербурге и что бенефициантка приготовила роль под его руководством (Вольф, Хроника, ч. III, с. 67). По воспоминаниям Савиной, до 9 марта 1879 г. (день первой встречи писателя и артистки) Тургенев не знал, или, может быть, забыл, кого играет Савина в его пьесе, он «почему-то думал,

что я играю Наталью Петровну, то есть первую роль, и совсем забыл о Верочке» (Т и Савина, с. 64).

30.

«Согласен, но сожалею, так как пьеса написана не для сцены и не достойна вашего таланта».

31.

Герои Тургенева не вызывают симпатий Суворина, он нарочито упрощает их характеры, чувства и побуждения: «Вот барыня, скупающая и млеющая, влюбляющаяся то платонически, то совсем не платонически и в течение пяти актов болтающая о прелестях любви и ставящая перед собою вопрос: изменить мужу или не изменить? Вот Ракитин, один из тех господ, которые „волочатся за природой, как раздушенный маркиз на красных каблучках за хорошенькой крестьяночкой“, и которые волочатся и за женщинами подобным же образом, постоянно раздражаясь и раздражая их и утопая во фразах, созерцании и борьбе с самим собою и с долгом. Вот студент Беляев, скромный, застенчивый, в которого все влюбляются, но он не смеет любить, хотя любит. Беляева сменил потом Базаров; он переродился скорей, чем женщины, и заговорил о теле прежде всего. Перед Беляевым было много тела, но он бежит от него, а у тела не хватало решимости бежать за крепким и сильным юношей. Легко было бы провести параллель и между Натальей Петровной „Месяца в деревне“ и Одинцовой „Отцов и детей“: это в сущности одно и то же лицо, но для Одинцовой не доставало Беляева, а Базаров был бы слишком груб и реален и для Натальи Петровны» (Новое время, 1879, 19 января, № 1039, подпись: Незнакомец).

32.

Т и Савина, с. 65–66. Ср.: Голос, 1879, 17 марта, № 76.

33.

Этот спектакль не имел успеха. См.: Боборыкин П. Московские театры. – Рус Вед, 1881, 18 февраля, № 49; Драматический театр. – Русский курьер, 1881, 6 марта, № 63.

34.

Анализ этой постановки см. в кн.: Зограф Н. Г. Малый театр в конце XIX – начале XX века. М.: «Наука», 1966, с. 229–232.

35.

Мария Николаевна Ермолова. Письма. Из литературного наследия. Воспоминания современников. М.: «Искусство», 1955, с. 170.

36.

Об этом спектакле см.: М. Савина и А. Кони. Переписка. 1883–1915. Л.; М., 1938, с. 30.

37.

Ежегодник императорских театров. Сезон 1890–1891 г., с. 29; то же, сезон 1903–1904 г., ч. 2, с. 14; Т и Савина, с. 107; Бирюч петрогр. гос. театров, № 2, 9–15 ноября 1918 г., с. 40.

38.

См. об этом исполнении: Вульф Павла. В старом и новом театре. М., 1962, с. 123–124; Бруштейн Александра. Страницы прошлого. М., «Советский писатель», 1956, с. 186–192.

39.

Немирович-Данченко Вл. И. Театральное наследие. М., 1954. Т. 2, с. 156.

40.

Станиславский К. С. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1954. Т. 1, с. 297–306 и 326–332. О работе Станиславского над «Месяцем в деревне» см. воспоминания Б. М. Сушкевича и О. Л. Книппер-Чеховой (О Станиславском. Сборник воспоминаний. М.: ВТО, 1948, с. 264–265 и 380–381).

41.

Сб. «О Станиславском». М.: ВТО, 1948, с. 380–381. См. также следующее издание: «Месяц в деревне». Комедия в 5-ти действиях И. С. Тургенева. В постановке Московского Художественного театра. 12 картин, снятых с натуры непосредственно на сцене фотографом императорских театров К. А. Фишер. Художественная фототипия К. А. Фишер. 1910.

42.

Слово, 1878, № 9, с. 131, 137 (второй пагинации).

43.

Zabel, 168–170. В этой статье Цабель сближал в некоторых деталях «Месяц в деревне» с драмой Скриба «Борьба женщин» – с тем, чтобы показать все преимущества Тургенева, как подлинного мастера реалистической драматургии, в сравнении с «ловким фокусником», разрабатывавшим ту же фабулу. Реферируя в 1903 г. статью Цабеля, П. О. Морозов в своем обзоре драматургии Тургенева убедительно показал отсутствие каких бы то ни было оснований для сближения «Месяца в деревне» с пьесой Скриба (Ежегодник императорских театров. Сезон 1903–1904 г., с. 39–40).